

Митрополит Вениамин (Федченков)

ВСЕМИРНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

Митрополит Вениамин (Федченков)

ВСЕМИРНЫЙ СВЕТИЛЬНИК ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ ГАРОВСКИЙ

ИЗДАНИЕ 2-Е

МОСКВА

Православный Свято-Тихоновский
Богословский институт

2003

УДК 281.93

ББК 86.372

В 29

Вениамин (Федченков), митр.

В 29 Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – 416 с.

ISBN 5-7429-0019-8

Книга «Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский», впервые увидевшая свет в 1933 году в Париже, снова выходит в России в год 100-летнего юбилея со дня прославления Преподобного. Труд по составлению одного из самых глубоких и оригинальных жизнеописаний Угодника Божия принадлежал приснопамятному митрополиту Вениамину (Федченкову), чье духовно-литературное наследие переживает ныне второе рождение.

В отличие от большинства известных житий преподобного Серафима книга митрополита Вениамина представляет собой опыт духовного истолкования пути Святого, ставшего в трагическом XX веке истинным властителем дум и сердец не только православных христиан в России, но и во всем мире.

Наряду с широко известными фактами из жития Саровского Угодника в книгу вошли непосредственные авторские наблюдения и свидетельства, почерпнутые из богатой яркими событиями жизни владыки Вениамина.

УДК 281.93

ББК 86.372

ISBN 5-7429-0019-8

© Православный Свято-Тихоновский
Богословский институт, редакция,
2003 г.

Глава I

ПОД КРОВОМ МАТЕРИ

Земною родиною этого истинно небесного человека, о котором Сама Божия Матерь сказала: «Сей — от рода Нашего», был град Курск, милостиво покрываемый чудотворною Ее иконою Знамения, именуемую «Коренною».

Под Ее особым попечением возрос до великой высокой святости преподобный Серафим и удостоился услышать от Нее пресладкое и славное наименование: «Любимиче Мой!»

Телесным же родителем его был благочестивый купец и трудолюбивый строитель Исидор Иванович Мошнин. У него были свои кирпичные заводы, он занимался постройкой каменных храмов и домов. Для этого дела требуется душа сильная и благоразумная, но Исидор Иванович отличался еще и твердою верою, и истовым благочестием. Еще более украшалась добродетелями мать будущего угодника Божия, истинная раба Господня, Агафия Фотиевна: она отличалась милосердием к бедным; в особенности же помогала сиротам-невестам выходить замуж. Но кроме

этого она была одарена и глубоким разумом и мужественною душою, как мы это скоро увидим.

От таковых родителей произросли три ветви: первое дитя — Параскева, старший сын Алексей и младший брат его, будущий светильник вселенной, Прохор.

В мире Божиим нет ничего случайного, и даже малые, по-видимому, события имеют свой смысл: будущий богоносец, пламенный Серафим, прославленный еще на земле Фаворским светом славы преображения, родился в ночь с 19 на 20 июля*, то есть под день славного небошественника, огневидного Илии пророка, великого ветхозаветного постника и созерцателя славы Божией на Хориве, и собеседника Христу Господу на Фаворе. При крещении младенцу дано было имя Прохора, одного из 70 апостолов и первых диаконов церкви (Деян. 6:5), память коего празднуется 28 июля, то есть в девятый день по рождении богоизбранного младенца; по церковному закону полагается нарекать святое имя в восьмой день (Лк. 2:21); здесь дано на день позднее. При размышлении о сем небесном покровителе святого, диаконе, или «служителе» Христовой Церкви и попечителе о бедных и вдовицах (Деян. 6:1), естественно приходит мысль и о преподобном, который сам называл себя слугою Божией Матери, и по Ее повелению создал обитель для дивеевских «сирот» — девиц и вдовиц. А как истинный «наставник монахов» и инокинь и всему миру учитель о благодати, святой Серафим достойно получил свое имя, которое значит «начальник хора».**

* Все даты в книге даны по старому стилю — Изд.

** Прохорос — греч.

Под таковым покровом Богоматери, пророка Илии и св. Прохора начали возрастать и расцветать добрые задатки, заложенные в младенца по наследству от сильного духом родителя и милосердой матери Агафии (см. Быт. 5:3). Наипаче же хранила и воспитывала его благодатная питательница, святая Церковь, к коей он отвержен был от чрева матери своей, богомольной родительницы, на единственном попечении которой скоро остался младенец. Отец его, еще в самом расцвете сил, 43 лет от роду, неожиданно скончался.

Непостижимы нам пути Божии, но то несомненно истинно, что Господь, «глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй», как поется в тропаре усопшим, призвал к Себе раба Своего в нужное время: угодно ли Ему было, чтобы воспитательницею будущего подвижника была более благочестивая и кроткая мать; или впереди предстояло бы преподобному искушение уклона на практический мирской путь, каким шел строитель — отец; или от последнего можно было ожидать несогласия на иноческий подвиг сына, избранного на то Богом; то ведомо единому Промыслителю.

Не испытывая судеб Божиих, смиренно взяла трудный крест молодая вдова боголюбивая Агафия*, не поддавшись малодушию, приняла она на мужественные руки свои трех малолетних сирот, все сложное хозяйство, и особенно ответственное дело по постройке

* Если она умерла в 1800 году 72-х лет, то ей в 1760 году было лишь 32 года, дочери Прасковье — 12 лет; следовательно, она вышла замуж 19-ти лет и прожила с мужем всего лишь 13 лет.

храма в честь преп. Сергия и Казанской Божией Матери, которую начал супруг ее в 1752 году и каковая кончилась под ее непосредственным надзором. Все это время Прохор был неотлучен от любящей и любимой матери, свято чтимой им до гроба, так что можно сказать, что все детство и юность преподобного прошли под ее влиянием и под знаком богоугодного храмоздательства, которое само по себе привлекало чистую душу его от земли на небо — «дом Божий» становился для него родною обителью. И после мы услышим от угодника Божия, что ему не хотелось бы вовсе уходить из храма, от богослужения.

К началу этого времени относится первое чудо, совершившееся над святым семилетним отроком.* Наблюдая над постройкою колокольни, Агафия поднялась на самый верх. Прохор не отставал от нее. И вдруг, неосторожно подойдя к краю, он с огромной высоты упал на землю. В ужасе стремглав сбежала мать вниз, ожидая видеть сына бездыханным. Но, к ее и общему изумлению, он стоял прямо на ногах, совершенно здоров и нисколько не вредим, точно опущенный на ангельских крыльях! Так чудесно хранила благодать Божия Своего избранника, по слову псалмопевца: *Ангелам своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею* (Пс. 90: 11 — 12). А впоследствии та же сила Божия будет поднимать его над землю.

* Если годом рождения Прохора по-прежнему считать 1759 год; а если — 1754, то ему тогда было уже около 12 лет.

Достойно примечания, что окончание постройки храма совпало с изменением судьбы Прохора: в 1777 году Агафия сдала церковь; в следующем же, 1778 году, она отдает сына своего на служение Богу, и он придет в Саровскую обитель ко всеобщему бдению под праздник Введения в храм Богородицы. А через 125 лет в той же самой церкви, около коей прошли первые годы святого, будет пристроен придел во имя его самого. Дивны дела Божии.

Скоро последовало и второе чудо над «избранником Божией Матери». Когда ему было 10 лет, Прохор заболел — мать его не надеялась даже на выздоровление, но сын рассказал ей, что увидел сон: ему явилась Божия Мать и обещала посетить и исцелить его от болезни. Много лет спустя преподобный удостоится явного необычайнейшего лицезрения Божией Матери и святых, после которого он скажет бывшей с ним сомолитвеннице: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне, таким образом, уже двенадцать раз было явление! Вот какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага — диавола... Призывай на помощь Господа и Матерь Божию, и святых. И меня, убогого, поминай»*.

Молилась ли мать, призывал ли Царицу Небесную и сам отрок, но случилось тогда следующее. По городу несли чудотворную икону Коренной Божией

* Сомолитвенница преп. Серафима — Евдокия Ефремовна (в монашестве Евпраксия), родом из с. Аламасово. См. «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». — Изд.

Матери. Крестный ход шел по Сергиевской улице, где они жили. Вдруг разразился сильный дождь. Для сокращения пути икону понесли через проходной двор Мошниных. Мать быстро подняла больного дитя и вынесла его к Божией Матери. Так Царица Небесная исполнила свое обещание, мальчик вскоре совершенно выздоровел и с усердием отдался обучению.

По природе своей он одарен был исключительными способностями светлого ума, сильной памяти, сердечной впечатлительности, которые сохранились до самой смерти; поэтому за что бы он ни брался, он все усваивал быстро и прочно. Так было и с грамотой. По мудрому и благочестивому обычаю старых времен, обучение начиналось с Часослова и святых псалмов царя Давида, а потом переходило к Библии, житиям святых и другим духовным книгам, питая знаниями ум, а благочестием — сердце. Прохор весьма скоро научился книжному искусству и все свое свободное от молитвы и занятий время отдавал чтению. С самого детства он сделался серьезным. Как и многие иные святые, отрок чуждается обычных детских забав и игр и ищет себе товарищей, подобных по духу. Из них пять его друзей определяют себя на иночество: двое из них уйдут с ним вместе в Саров, а двое других — в иные монастыри и лишь один останется в миру, да и то потому, что на его попечении останутся, по смерти родителей, пять братьев и три сестры. Вот среди какой семьи и содружества «преуспевал в благодати у Бога и человеков» (Лк. 2:52) будущий светильник не только православной Церкви, но и всего мира.

Между прочим, благотворное и святое влияние на юного Прохора имел один «раб Божий», некий Христа ради юродивый, подвизавшийся в то время в Курске. Имя его не сохранилось в памяти истории. Много их таких рассеяно было прежде по лику Святой Руси... И великое дело незаметно творили они, отвлекая мир от привязанностей земных и лучше всяких книг уча евангельскому мироотречению, христоподобному смирению, мученическому терпению всяких лишений, предсказывая будущее, утешая страждущих, а иногда и обличая окаменелые души грешных людей.

Один такой «Божий человек» встретил Агафию, когда она шла по городу с обоими сыновьями. Обратив внимание на Прохора, юродивый сказал матери: «Блаженна ты, вдовица, что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир!»

С той поры он полюбил отрока и в дальнейшей жизни благотворно действовал на него. Прохор же, как сухая земля дождь, впитывал в себя все святое и доброе от раба Божия. Благочестивая и православно настроенная мать могла всему этому лишь радоваться и идти навстречу.

Правда, дела ее требовали помощи и младшего сына: кроме кирпичного завода и постройки храма у них была еще своя лавка в городе. Преподобный впоследствии рассказывал: «Я родом из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше нужен был крестьянам: дуги, шлеи, железо, веревки, ремни и т. п.»

Юный Прохор не отказывался и от этих трудов, но сердце его было уже отдано Богу. Однако он сначала старался совместить и то и другое: рано зимой, еще до света, спешил он в храм к заутрене, а потом отдавал день занятиям по торговле. Но чем дальше шло время, тем больше убеждался святой юноша, как трудно совместить всецелую любовь к Богу с служением миру. «Невозможно, — поучал он после, — всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире». И потому у него давно затеплилась душа об уединенной тихой обители, где бы он мог всецело отдаться духовной жизни и пламенной серафимской любви к Богу. Сверстники, с которыми он делился своими мыслями, поддерживали его в этих стремлениях. Книги указывали путь. Окружающие примеры увлекали: в это время многие куряне спасались уже по близким и дальним монастырям; не один уже из них дошел и до дремучих саровских лесов, увлекая туда сердца ищущих безмолвия и строгой иноческой жизни. Между ними особо выделялся благочестием о. Пахомий, из курских купцов Леоновых.

Благочестивая Агафия давно заметила эти святые устремления и не противодействовала им. Как ни любила мать своего сына, она не могла забыть и чудес Божиих над ним, не могла не видеть и необычное его усердие к молитве, любовь к уединению от мира и равнодушие к земным делам; и сердце ее давно уже готовилось к жертве. Потому, когда Прохор дошел до зрелого юношества и открыл свои заветные думы

любимой матери, она не удивилась этому, а с кротостью приняла и этот крест, усмотрев в нем святую волю Божию: святая мать добровольно соглашается отдать сына Богу. Тогда преподобный юноша хлопочет об увольнительном свидетельстве от Курского общества для поступления в монашество и, как свободная птица, решается сначала отправиться в Киево-Печерскую обитель вместе с пятью своими единомышленниками.

Происходит трогательно-умилительное прощание его с родными. Сначала, по благочестивому обычаю, молчаливо посидели. Потом святой юноша встает и кланяется родимой матери в ноги, прося у нее благословения на иночество. Обливаясь слезами, мать прежде всего дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, а потом благословила его на крестный путь большим медным крестом. И это благословение преподобный всегда носил открыто на груди до самой смерти. С ним и скончался.

Оставив тихий родительский кров и родной Курск, шестеро богомольцев задумчиво направили стопы свои к колыбели русской земли, богоспасаемому Киеву...

Почти восемь веков тому назад туда же, из того же Курска, тайно убежал другой великий подвижник — «железный» Феодосий Печерский, «общего жития начальник». Но то было вопреки воле одной матери, а ныне — по благословению другой.

Что ждет впереди чистые души, горящие святою любовью? Бог весть... но сейчас они *благую часть избрали* (Лк. 10:42).

* * *

Примечание: По установившемуся общепринятому исчислению времени событий из жизни преподобного Серафима рождение его относится обычно к 1759 году.

Но по справкам, добытым в Курской Духовной Консистории ко времени открытия мощей святого угодника, оказывается, что этот год, как и некоторые другие даты, подлежат еще пересмотру. Прежде всего, по метрическим книгам оказалось, что отец преподобного, Исидор Иванович Мошнин, скончался 10 мая 1760 года, 43 лет от роду, а не в 1762 году, на третий год по рождении Прохора, как писалось доселе во всех житиях.

Затем мать его, Агафия Фотиевна, почилла блаженным сном не во время его послушничества, а несравненно позже, в 1800 году, 29 февраля. Следовательно, будучи в Курске за сборами на храм между 1784 и 1786 годами, Прохор, если был у брата Алексия, то без сомнения видел и мать свою. Обычно же доселе писалось, что он уже не застал ее в живых и поклонился лишь ее могиле.

Но более важный вопрос о годе рождения его самого. В исповедных записях Ильинской церкви, куда была приписана семья Мошниных, за 1762 год прописаны, как имеющие быть у Святого Причащения: Агафия Мошнина и дети ее: Алексий — 11 лет и Прасковья — 14 лет. О Прохоре же здесь не упомянуто: можно бы думать, что ему тогда было всего лишь три года и он не мог еще исповедоваться. Но, к удивлению, за 1768 год в тех же исповедных записях поме-

чено: «Вдова Агафия 50 лет; дети ее: Алексей 17 лет, Прохор — 14 лет, Прасковья — 19 лет». Если это точно, то Прохор родился не в 1759 году, а в 1754 году, то есть на 5 лет ранее; и в 1760 году по смерти отца ему шел шестой год, а не три. Следовательно, в 1762 году ему было семь лет; хотя по обычаю дети 7 лет уже бывают у исповеди, но ему лишь шел восьмой, и исповедь была еще впереди.

Может быть, цифры исповедных записей неточны? Это естественно: записывали без особой осторожности, по заявлениям исповедников. Есть основания сомневаться: Агафия умерла в 1800 году, 72 лет, как записано о ней. В таком случае ей в 1768 году было 40 лет, а не 50, как написано. Или же она умерла 82 лет, что менее вероятно. Но зато другие данные, 1768 и 1762 годов, об Алексии и Прасковье совпадают (у Прасковьи и разница в один год не важна в зависимости от месяца рождения). И в таком случае есть весьма большое основание предполагать, что Прохор родился на 5 лет ранее обычно принимаемого срока; и тогда все данные его жизни, от богомолья в Киеве до смерти, передвигаются на 5 лет возраста его.

Дальнейшая история должна расследовать этот вопрос.

Глава II

НА ПУТИ В САРОВ

Благополучно дошли паломники до Киева, молились Богородице, поклонялись мощам угодников и осмотрели все святыни. Стоя на пороге новой неизвестной жизни, они, без сомнения, искали опытных старцев, которые могли бы дать мудрые советы о задуманном ими монашестве и о том, в какой монастырь поступать. И им указали, что в Китаевской обители, в 10 верстах от Киева, спасается прозорливый подвижник Досифей*. К нему поспешно и направил стопы свои Прохор. Увидев его, старец прозрел в нем благодать Божию и решительно благословил идти в Саровскую пустынь. При этом он дал такой завет: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: *Господи Иисусе Христе*,

* Старец-затворник Досифей из Китаевской пустыни в действительности был девицей (в миру Дарьей Тянкиной), скрывшей свой пол и несшей свой подвиг под видом монаха-мужчины. Подробнее см.: «Киевские подвижники благочестия», т. 1. Киев, 1994 г. — Изд.

Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия».

В этих немногих словах пророчественно не только было указано место подвижничества Прохору, но и определено было главное «обучение» монашеское — внутреннее делание молитвы Иисусовой. А особенно примечательно, что преп. Досифей ясно указал ему основную цель всей духовной жизни: «Вселится в тебя Дух Святой». Таково всегда было учение христианское: начиная от Самого Господа, обещавшего послать *Утешителя, Духа Истины* (Ин. 14: 16—17; 16: 13—15), *сию воду живую* (Ин. 7: 38—39), чрез апостолов (Деян. 10: 44—45; Рим. 8; Гал. 3:14; 4:6; Еф. 2:22; 5:9; Евр. 10:29)*, затем — чрез всех святых отцов до Григория Паламы, с его учением о благодатном Фаворском свете. На этом единственно истинном воззрении всегда воспитывались опытно руководимые Самим Духом Божиим и наставляемые преемственным преданием Православной Церкви все истинные право-

* Об этом, вопреки протестантскому сектантскому мудрованию, обстоятельно изложено в «Письмах к одному лицу в СПб» блаженным еп. Феофаном, затворником Вышенским.

славные подвижники Христовы. Таков был и прозорливый Досифей.

Этот благодатный завет воспринял и вложил в сердце свое к неуклонному исполнению чуткий, горевший уже духом Прохор. А спустя много лет, в поразительной беседе с Н. А. Мотовиловым, мы уже от него самого услышим те же самые заветы: «Цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия... Дивная цель духовная!»

Так решился теперь для него навеки вопрос и о монашестве, и о монастыре: Бог изрек Свою волю устами прозорливца. Можно сказать, что здесь, в Китаевской обители, произошло духовное помазание святого, заложено благодатное зерно всей будущей жизни его и восхода в славу Божию; здесь невидимо миру рука Господня уже почил на нем. Келия Досифеева стала иноческою купелью Прохору: в ней тайно совершилось монашеское обручение Духа Божия с духом его. Отсюда святой вышел в сущности уже иноком. Позднейший постриг лишь явно запечатлеет сие избрание Духом. И как Господь после крещения Иоаннова веден был Духом в пустыню, дабы путем искушений приготовиться к прохождению Своего служения, так и Прохор из Киева не сразу идет в Саров, а возвращается еще в дом матери, в родной Курск.

Какова была причина такого замедления, нам точно неизвестно. Хотел ли молодой юноша еще более испытать и проверить себя: может ли он поднять на себя иноческое *благое иго* Христово (Мф. 11:29); желал ли он постепенно приготовить к разлуке любящую мать, или советовал ему так прозорливый старец,

дабы укрепить в решении; или иное что промыслительно удерживало его, но Прохор живет еще под кровом матери около двух лет*.

Но он живет теперь здесь лишь телом, а душа его стала умирать ко всему земному: он еще ходит и в лавку, но в торговле уже не принимает никакого участия; время же свое проводит в молитве, безмолвном богомыслии, чтении книг и душеспасительных беседах с проходящими. И несомненно, еще здесь он начал исполнять завет Досифея о «непрестанной памяти Божией» и постоянной молитве Иисусовой. Дом сделался для него преддверием монастыря.

Кончился искуc. Прохор собирается идти. Горько было расставаться с ним родимой матери, и она — уже без надежды — просит сына: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шел бы в монастырь!»**

Но он все похоронил уже два года назад в келье под Киевом... И матери оставалось лишь еще раз благословить Прохора, чтобы, как думала она, больше не увидеть его на земле. Саров был слишком далеко для нее***.

* Другие повествователи пишут: «несколько месяцев», но старец Досифей скончался 25 сентября 1776 г.; значит, не позднее лета этого года был у него Прохор; а в Саров он ушел осенью 1780 г.

** Если б он послушался матери, то ему пришлось бы ждать срока до 29 февраля 1800 г., когда скончалась блаженная Агафия, а преподобный тогда кончил уже свой монашеский подвиг.

*** Пришлось слышать одно интересное сообщение о последних годах жизни Прохора в миру. Будто он в 1776 г. отправился в Киев, по своему желанию и особенно по совету матери, для того чтобы там у святых печерских угодников и живых старцев решительно выяснить вопрос: идти ли ему

С Прохором пошли и двое из сопаломников его по Киеву, другие же двое ушли в иные монастыри еще раньше.

Была осень. Жизнь лета замирала. Листва спадала с деревьев. Шли дожди. В Курске еще держалось тепло, но чем севернее, ближе к Тамбовской губернии, тем холод становился ощутительнее. Приближалась зима. Путь был нелегкий... И иноков впереди ждал трудный подвиг борьбы умерщвления страстей, во имя чистого белоснежного бесстрастия, дабы потом ожить уже Духом...

Молча, творя тайно молитву Иисусову, шли будущие подвижники. Вот и Темниковские леса. Вековой бор принял в себя новых борцов духа, и высокой дремучей стеной огромных сосен, иногда в 4-5 человеческих обхватов толщиной, отрезал их от прошлого. ...Оно сделалось далеким, далеким...

Близко уже и таинственный Саров*.

В 1661 г. пришел сюда нижегородский монах Феодосий: после него были Герасим, Савватий и др.

в монашество? И только получив прямое благословение на это от старца Досифея, Прохор решил этот вопрос и возвратился к матери объявить волю Божию. Но она упростила его пожить с нею еще некоторое время. И лишь после двух лет произошло то трогательное благословение, о коем рассказывалось выше.

* Саровский монастырь находится в северной части Тамбовской губернии, в Темниковском уезде при слиянии реки Сатиса и Саровки, на холмистом возвышении, среди соснового леса. В XIII веке татары основали здесь городище или крепостцу «Сараклыч». После разгрома их, при Димитрии Донском, они ушли отсюда, бросив свой городок, который после стал известен под именем «Старого Городища».

Но основан был монастырь при иеросхимонахе Иоанне, прибывшем в Саров в 1691 г. Официально же монастырь был открыт в 1706 г. после пожертвования земли князем Даниилом Кугушевым (из рода татарских мурз) и утверждения обители Патриаршим приказом. Из позднейших преемников особенно достоин почитания Ефрем — как за устройство обители, так и ради своей многострадальной и святой жизни. Он скончался за 5 месяцев до прихода Прохора.

...20 ноября 1778 г., к вечерним сумеркам, подошли три молодых богомольца к воротам Саровской колокольни.

Был канун Введения Божией Матери в Храм Господень. Это, по преимуществу, праздник иноческий — день посвящения Богоотроковицы Марии на величайшее служение Богу для спасения человеческого рода; уход Ее из мира для спасения мира; праздник девства для приготовления к Боговоплощению. Это праздник обращения Богоневесты для воспитания Ее Духом в Матерь Сыну Божию.

И не случайно было это совпадение. Святой юноша от земной матери пришел к Матери Небесной; из рук честной вдовицы принят был Пренепорочною Приснодевою; от крова храмосоздательницы Агафии вступил в покров Божий, в «пречистый храм Спасов, многоценный чертог»*, в объятия Богородицы. И опять вспоминается чудесная беседа преподобного о «стяжании благодати Святаго Духа» как цели жизни: об этом ясно поется в том же кондаке праздника:

* Из кондака Введению.

«Дева днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи, яже (Она Сама) в Дусе Божественне».

«И вселится в тебя Дух Святый», — вспоминается снова пророчество Досифея... Через подколольные ворота вошли паломники внутрь монастыря. Со всех сторон они сразу окружены были строениями обители, точно живыми руками, приветливо обнимавшими новых обитателей. Позади их как бы затворилась дверь для потустороннего мира: теперь их дом, и родные, и Отец, и Мать — здесь (Мф. 12:48).

Впереди перед ними среди монастырского двора высился огромный пятикупольный главный храм обители в честь Успения Божией Матери, только год назад тому отстроенный при игумене Ефреме. Видом своим он весьма напоминал далекую церковь Успенской Киевской Лавры...

Врата храма были открыты. Паломники прямо с пути направили стопы свои в место селения Божия, в дом Царицы Небесной, отсюда невидимо управлявшей монастырем.

Сбылось заветное желание: искатели Града Божия у тихой пристани. Недавно еще поставленный игумен о. Пахомий соборне совершал торжественное праздничное богослужение. Все исполнялось чинно и по Уставу: настоятель был строг в соблюдении церковных и монастырских порядков. Радовалась душа Прохора. Он нашел свое место. И теперь мог бы сказать словами псалмопевца: *И птичка находит себе жилье, и ласточка — гнездо себе... Блаженны живущие в дому Твоем, Господи* (Пс. 83:4—5); *это — покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его!* (Пс. 131:14).

Глава III

ПОСЛУШНИК ПРОХОР

На другой день все три паломника были у отца игумена. С любовью встретил он их и с радостью принял в обитель. Особенное внимание обратил о. Пахомий на Прохора, родителей которого он хорошо знал еще по Курску. Прозревая в нем великий дух будущего подвижника, он передал его для духовного руководства в опытные руки ближайшего своего сотрудника и друга, мудрого и любвеобильного казначея о. Иосифа; от него Прохор принял и первое свое послушание — келейника.

Так началась монашеская жизнь святого, длившаяся 54 года: трудная она была подвигами, но зато завершилась славным концом святым. Легкое келейное служение у о. казначея было лишь вступлением. Скоро новонаначального Прохора, как и всех других насельников монастыря, стали проводить по разным, более трудным физически, послушаниям: он был и на хлебной, и в просфорне, и в столярной; затем исполнял обязанности будильщика монахов, церковного пономаря; был и на клиросе, ходил на общие послушания —

рубку леса, пилку дров и. т. д. Дольше всего Прохор занимался столярным делом, в коем выработал большую опытность, так что среди братии был известен преимущественно под именем «Прохора-столяра».

Как проходила его внутренняя жизнь в данный новоначальный период, когда закладываются главные основы монашеского воспитания, нам известно немного. И больше приходится заключать об этом из позднейших советов преподобного другим, нужно думать, со своего опыта; и лишь отчасти — из случайных незначительных свидетельств его самого о прошлой своей жизни.

Прежде всего, брат Прохор отличался совершенно безропотным исполнением послушания, при этом он, по свойству своего точного характера, все делал с усердием, аккуратностью и возможно совершенно. Это именно и требуется больше всего от новоначальных послушников, дабы они сразу же приучились сокращать свою мирскую гордость, этот корень всех прочих страстей и основную болезнь падшей души.

Поэтому преподобный и дивеевских монахиньставлял после главным образом послушанию. «Помни всегда, — вспоминала заветы его Ксения Васильевна Путкова, впоследствии монахиня Капитолина, — послушание превыше всего, превыше поста и молитвы! И не только не отказываться, но — бегом бежать нужно на него! Переносить, не смущаясь и не ропща, всякие скорби от собратий: ибо монах — только тот и монах, когда, как лапти, будет всеми отбит и отрепан».

«Нет пагубнее греха, как роптать, осуждать или не слушаться начальницы: человек этот погибнет».

И духовнику обители, протоиерею о. Василию Садовскому, святой угодник тоже говорил: «Послушание, батюшка, паче поста и молитвы: помни и всегда им говори это; и я всегда говорю».

«Затем батюшка объяснял мне, — записал о. Василий, — как велик, страшен и тягостен для монаха грех неповиновения начальнику, и тем более хуление начальников; ибо первое правило иноку, — на этом все монашество зиждется, — послушание и полное отсечение воли; вследствие неисполнения которых возник и первородный грех ветхого Адама, все погубивший; и чем только и спасен весь мир через человека же, нового Адама, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, ибо: послушлив быв даже до смерти! Поэтому и ныне не может быть хуже греха! Творящий так непременно погибнет...»

Помилуй нас, Господи, своевольных!

На втором месте для новоначальных ставит батюшка труд, в чем бы он ни состоял: «Благословляю им, — то есть дивеевским сестрам, — как от сна встают — тут же за работу; читая про себя, хотя бы и на ходу мое правилце; если так сотворят — спасутся».

«Если есть рукоделие, — давал он после наставление монаху, — занимайся оным; если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче — Псалтири: старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме». «Если зовут на послушание, иди на оное». И сам он никогда не пребывал без дела, не допускал себя до праздности. Если был свободен от послушаний и молитвы, то удалялся молча в келью и там

принимался за какое-нибудь дело: то вырезал кипарисовые кресты, то читал Слово Божие или творения святых отцов или жития святых. Кроме Библии и Четий-Миней, у него были творения святого Василия Великого, преп. Макария Египетского, Иоанна Лествичника, «Маргарит», Добротолюбие и др.

На чтение он тоже смотрел как на особый подвиг, который называл «бдением». Евангелие и послания апостолов он читал пред иконами и непременно стоя, в молитвенном положении.

«Душу надо снабдевать, питать Словом Божиим, — говорит он, — всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; это делать подобает стоящему». Псалтирь он позволял, впрочем, читать иногда и сидя. «От сего чтения бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». Кроме того, читающий Священное Писание «принимает в себя от сего теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова». Более же всего оное делать должно для себя, чтобы приобрести мир душевный по учению псалмопевца: *Велик мир у любящих закон твой, Господи* (Пс. 118:165).

Несомненно, преподобный все это говорил с собственного опыта. А однажды он даже изрек необычайное пророческое увещание о чтении: «Очень полезно... прочитывать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своею милостью, но исполняет его дара разума». И мирянам он заповедовал читать

слово Божие. «Что читать?» — спросил его один посетитель. — «Евангелие, — ответил батюшка: по четыре зачала в день, каждого евангелиста — по зачалу».

После труда и чтения преподобный дает новоначальным наставление уже о молитве и говорит точно то самое, что он слышал еще из уст Досифея и в чем сам подвизался непрестанно: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве к Иисусу Христу». «За рукоделием, или будучи где-либо на послушании, — наставляет он монаха, — твори беспрестанно молитву: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго*. В молитвах внемли себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и множая твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своя и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно, и всегда будет с тобой, наслаждая и питая тебя... Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную: то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по кельям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие».

Что касается церковной молитвы, то преподобный давал такой совет: «В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, с внутренним вниманием; открывать же очи — разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи должно обращать на образ и на горящую пред ним свещу».

И сам он стоял в церкви, закрывая очи. При этом приходил к богослужению раньше других и никогда

не выходил прежде окончания его. Что касается подвигов, то в первое время своего монашества он, хотя держал себя в общем непрестанном и строгом воздержании, но не выходил из меры. И других учил потом так же по общему святоотеческому наставлению о «царском» пути: «Выше меры подвигов принимать не должно, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем».

«Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других». Однако нужно «не обленяться и побуждать себя к лучшему». В частности относительно, например, сна преподобный говорил одному иноку: «Каждый день непрестанно, в ночи спи четыре часа: 10-й, 11-й, 12-й, и час за полуночь; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи неизменно до кончины жизни: ибо оно нужно для упокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел».

Впоследствии другим, более немощным, он позволял спать ночью даже 6 часов, а при утомлении еще советовал и после обеда немного отдыхать.

Равным образом держался умеренности послушник Прохор в пище: «Чтобы наложить на себя строгое правило воздержания во всем, или лишать себя всего, что может служить к облегчению немощей, сие вместить не всякий может... Иначе... изнемогшу телу, и душа ослабевает». В частности: «По пятницам и

средам, особенно же в четыре поста, — говорил он, — пищу употребляй один раз в день, и Ангел Господень прилепится к тебе». Для других дней советовал такое правило: «За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись»; «чревоугодие — не монашеское дело». А дивеевским сестрам он вообще давал снисходительное наставление, чтобы они кушали не стесняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью; лишь бы были послушны, да никогда не жили в одиночку, ни в келье, ни в дороге. Впрочем, он считал, что женщины, по слабости своей, вообще менее способны на суровые подвиги воздержания. Но, кроме того, он не хотел наложить лишней тяги греха на чью-либо душу в случае неисполнения строгого поста или обетов: «Аще кто может», — тот и исполняет». Даже о среде и пятке некоему монаху он сказал условно: «Аще можешь, вкушай, но однажды». «Тело же, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дочери Иаириной от смерти, тут же повелел ей есть (Лк. 8:55)».

Но зато преподобный настойчиво советовал всячески хранить «мир душевный», за чем особенно следил и в самом себе: «Всеми мерами надобно стараться, чтобы сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других»; «ничтоже лучше есть во Христе — мира»; «святые отцы имели мирное устроение, и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго»... «Стяжи мир, — говорит он впоследствии, — и вокруг тебя спасутся тысячи». А «когда человек придет в мирное настроение, тогда может от себя и на прочих издавать

свет просвещения разума»; «сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью Своею (Ин. 14:27)».

О нем также говорит и апостол: *и мир Божий... да соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Фил. 4:7). Для сего он прежде всего советовал «погружать ум внутрь себя и иметь делание в сердце своем, тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении». Затем должно приучаться «оскорбления от других переносить равнодушно... как бы их оскорбления не до нас, а до других касались. Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителью Самого Бога».

«Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по псалмопевцу: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76:5)».

«Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других...»; «а чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе... и спрашивать: где я?» В особенности же для мира душевного «должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный. По слову Сираха: *печаль многих убила, а пользы в ней нет* (Сир. 30:25)».

На этом «радостном духе» подобает остановиться с особым вниманием в жизни преподобного: он был отличительным свойством его, особенно впоследствии. Но не без борьбы достался даже ему сей благодатный дар, столь спасительный для притекавших потом к нему страждущих душ. Есть основание думать, что бес уныния нападал в начале монашества и на него самого.

«Трудно, — говорит преподобный, — избежать этой болезни начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее».

«Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от сего рождается всякое зло... происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселения из места в место». «Несносным становится и место жительства, и живущие с ним братия». Тогда «демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить. И монах становится подобным безводному облаку, гонимому ветром». А иногда, наоборот, «злой дух печали, овладев душою, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братиями и рождает отвращение от всякого собеседования», «она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее: душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и иступленную, не может спокойно принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы».

Можно думать, что «нападал» этот злой дух уныния и на преподобного. Но он сразу и решительно находил выход из него. Первое «врачевание, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей» есть «смиренномудрие сердца», как учит святой Исаак Сирин. Другое врачевство видел он в труде

и подвигах: «Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия и праздности, и празднословия».

Оба же эти пути сводятся прежде всего к простому безропотному исполнению послушания: «Здесь и смирение и подвиг». «Прежде всего, — говорил преподобный, — должно бороться против уныния посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. И так послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни». А все это вместе взятое ведет к последнему исцелению духовных болезней — к бесстрастию: «Кто победил страсти, тот победил и печаль».

И если сам преподобный был всегда мирен и радостен, это истинный знак того, что он достиг постепенно бесстрастия и «презрения мира» с его похотями (1 Ин. 2:16).

А умея преодолевать искушения в самом себе, подвижник мог уже по опыту помогать и другим, вливая в них дух радости Божией.

Один саровский инок поддался подобному искушению. Желая найти себе облегчение, он поделился своею скорбью с другим братом. После вечерни они вышли из монастыря и, гуляя вокруг ограды, дошли до конного двора. Вдруг они видят преподобного. Глубоко почитая его, они упали ему в ноги. Угодник Божий

с необычайной ласкою благословил их и, прозрев уныние брата, запел: «Радости мое сердце исполни, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляючи (тропарь из канона Богородице)». Потом, топнув ножкою, святой старец с силою и восторгом сказал: «Нет нам дороги унывать, ибо Христос все победил, Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил!» Радость его передалась унывающему брату — искушение мгновенно исчезло, и иноки в мирном и веселом духе возвратились в монастырь.

А монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) в записях своих оставила нам свидетельство о воззрении преподобного на уныние и радость вообще: «Веселость — не грех, матушка: она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собою. Вот и я как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже бывал; и такой веселый-то был, радость моя! Бывало, как ни приду на клирос-то, братия устанут, ну и уныние нападет на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не поют. Все соберутся, а я и веселю их, они и усталости не чувствуют! Ведь дурное что говорить ли, делать ли — нехорошо, и в храме Божиим не подобает. А сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех пред лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был — вовсе не грешно, матушка».

И этот дух Христова мира и радости все более возрастал в преподобном, дойдя потом до постоянной пасхальной радости; отчего он часто и называл своих собеседников «Радость моя!» или встречал приветом: «Христос воскрес».

Какова была борьба у Прохора с плотскими движениями, нам неизвестно. Правда, в своих наставлениях он говорит: «Человеку в молодых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов?!»

Следовательно, не свободен и он был от этих приражений естества. Но нет никакого сомнения, что эти страсти не имели в нем материала: чистый от юности, он без труда преодолевал находящиеся на него помыслы и даже обращал эти искушения вражии в поводы к добру тем, что противился им: «Если мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим».

«В этих нападениях, — учил он, — тотчас же нужно обращаться с молитвою к Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилятся в человеке пламень страстей».

Этот «нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне».

Так именно «внешне» лишь приражался он к нему самому, не находя в святом послушнике пищи и палимый его молитвою при первых же искусительных приступах своих. И впоследствии он дерзновенно говорил о себе духовнику Дивеевской обители о. Садовскому так: «Как я и сам — девственник, батюшка, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одни девушки».

И Н. А. Мотовилову объяснял он, что дев-инокинь нужно устраивать отдельно от вдовиц, по повелению Самой Божией Матери. «К нам придут вдовицы и отроковиц с собою приведут, — говорил он дивеевской

сестре Матроне. — Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они во многом различны от нас (девственных). Девица услаждается только Сладчайшим Иисусом, созерцает Его в страданиях, и вся свободная духом служит Господу; а у вдовицы много воспоминаний о мирском: «Как хорош был покойник-то наш! Какой он был добрый человек!» — говорят они».

Поэтому он для девиц выделил особую часть монастыря с мельницей, которая потом и называлась «Мельничною» Девичьею обителью. Такое самосвидетельство преподобного вернее всяких других показаний ручается за непорочность его. Но чтоб сильнее, глубже очистить и остатки движений естества, Господь почти в самом же начале монашества послал ему тяжелую болезнь. «Тело есть раб, душацица, — учил он после, — а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуруется болезнями; ибо от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя». Впрочем, «и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей»; «отними грех, и болезни оставят».

Через 2 года после вступления в монастырь Прохор тяжело заболел водянкою: он весь распух и большею частью лежал в келье неподвижно. Недуг продолжался около трех лет. Игумен Пахомий и старец Иосиф, горячо полюбившие послушного инока, с любовью ухаживали за ним. Не видя улучшения и даже боясь за смертельный исход болезни, о. Пахомий предложил пригласить врача. Но Прохор кротко ответил ему: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ

и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством, причащением Святых Тайн».

Старец Иосиф с усердием отслужил бдение и литургию о здравии болящего, исповедал и причастил его в келье. После этого Прохор быстро выздоровел.

Впоследствии он сам рассказал многим, что после Святого Причастия ему явилась в несказанном свете Пречистая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, обратившись лицом к апостолу Иоанну, изрекла, указывая на болящего:

«Сей — от рода нашего! (то есть небесного)». «Затем, — повествует с его слов монахиня Капитолина, — правую-то ручку, радость моя, положила мне на голову, а в левой ручке держала жезл, и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то и сделалось углубление, матушка, вода-то вся в него и вытекла. И спасла Царица Небесная убогого Серафима. А рана пребольшая была; и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку». И батюшка сам, бывало, возьмет, да и вложит мою ручку в яму, и велика же она была у него: так вот весь кулак и взойдет».

Так чудесно исцелился Прохор. Другим же, а особенно мирянам, он разрешал и лечиться. Спрашивавшему его об этом некоему Богданову дал такой совет: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя — иди средним путем: выше сил не берись, упадешь, и враг посмеется тебе. Аще юн сый, удержишься от высоких», то есть, подвигов и намерений. «Однажды диавол пред-

ложил праведнику прыгнуть в яму. Тот было и согласился; но святой Георгий Победоносец удержал его»*.

В следующем году после выздоровления на месте этой кельи начали строить больничный корпус, и место явления Божией Матери пришлось как раз под алтарь Храма. Преподобный сам сделал кипарисовый престол и до самой своей смерти причащался здесь, благодарно вспоминая милость Божией Матери. Для построения этой церкви был разрешен сбор, и исцеленный Прохор с особым усердием принял новое послушание — сборщика; обходя города и селения, он дошел и до Курска. Здесь он еще раз увиделся и со своею матерью, братом Алексием и другими родными; от них он получил усердную лепту на святое дело и возвратился в родной духовно Саров.

В этой смертельной болезни умерло в Прохоре человеческое: отныне он — уже не земного «рода», а небесного. Здесь же раб Божий жил внешнею видимостью: он даже и дом посетил как бы мимоходом, чтоб совсем потом забыть о нем. За 8 лет послушничества он всею душою прилепился к горнему миру: там он был истинно родной.

Оставалось запечатлеть это благодатным постригом: послушник созрел уже до иноческого новорождения.

* Из жития Св. Феодора Сикеота, 22 апреля.

Глава IV

В АНГЕЛЬСКОМ ЧИНЕ

В конце Успенского поста, 13 августа 1786 года*, игумен Пахомий постриг послушника Прохора в монашество. Вместо него родился для новой духовной жизни в «ангельском чине» инок Серафим, что значит, с еврейского языка «пламенный» и «согревающий». И это имя, несомненно, данное ему за горение духа, он оправдал вполне и своею пламенною любовью к Богу и Божией Матери, и теплою ласкою к людям. Легко и с трепетною радостью подклонил голову свою под ножницы постригающего новый монах, ни одна мысль о разлуке с миром не омрачила его души в момент духовного «венчания» ее с Женихом Небесным. Как созревший плод, отдал он себя в руки Божии. Вместе с отрезанными волосами окончательно обрелась прошлая жизнь: отныне взявшийся за плуг подвижник никогда уже не будет озира́ться назад (Лк. 6:62). — «Я, матушка, — говорил он впоследствии дивеевской сестре Прасковье, — всю монастырскую жизнь прошел и никогда, ниже мыслью, не выходил из монастыря».

* В день кончины другого святого, святителя Тихона Задонского, почившего за три года перед этим.

Теперь у него все впереди. И если всякий монах по опыту знает, какую радостью и ревностью ко спасению зажигает благодать Божия душу новопостриженного, то каким же огнем загорелся пламенный дух Серафима!..

Мы не знаем этого из его слов: не любил он рассыпать по людям тайн внутренней своей жизни. И другим потом не советовал: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну». «Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований. В противном случае потеряешь и не найдешь. Всего жалостнее то, что от сего нехранения и многословия может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердца: ибо, — говорил преподобный словами святого Исаака Сирина, — ничтоже так устужает огонь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока по освящении души, якоже соображение, и многословие, и собеседование».

И потому, если он и прежде, во время послушничества, уклонялся в уединение и молчание, то теперь и вовсе уходит внутрь клетки души своей (Мф. 6:6-7).

Позднее в наставлениях своих он учит:

«Паче всего должно украшать себя молчанием. Ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного. И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же суть оружие мира сего (Добротолюбие, т.V; Иноки Каллист и Игнатий)». «От уединения и молчания рождается умиление и кротость»; «пребывание в келье в молчании, упражнении, молитве и поученье делает человека благочестивым»; «ты только

сиди в келье во внимании и молчании, всеми мерами старайся приближать себя к Господу; а Господь готов сделать из человека Ангела»; «ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на это, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать благодатную Свою милость».

Особенно же преподобный Серафим наблюдал, «чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по псаломнику: *не возглаголяют уста моя дел человеческих* (Пс. 16:4), а молить Господа: *от тайных моих очисти мя* (Пс.18:13)».

Даже во внешнем поведении иноку нужно вести себя собранно и замкнуто: «встречающихся старцев или братию» должно «поклонами почитать, имея очи всегда заключены».

Даже «сидя за трапезою, не смотри» ни на кого и «не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвою».

И лишь два исключения делает преподобный: во-первых, при общении «с чадами Тайн Божиих», то есть с истинно духовными единомышленниками, и, во-вторых, при печали брата: «Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом». Но и тут нужно быть рассудительным; неопытному же лучше и здесь молчать, особенно кто самого себя не устроил еще. «Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить?» — говорил преподобный одному иноку. «Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя

Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем». Несомненно, он и сам так поступал, особенно в начале иночества: «Человек должен обращать внимание на начало и конец своей жизни; в середине же, где случается счастье или несчастье, должен быть равнодушен».

В частности, преподобный настойчиво советовал иноку строго «хранить себя от обращения с женским полом — ибо как восковая свеча, хотя и не зажженная, но поставленная между горящими, растаивает — так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает».

И даже в старости своей он дал такой совет одному семинаристу, впоследствии настоятелю монастыря, архимандриту Никону: «Бойся, как геенского огня, галок намазанных (женщин), ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны...» И сам он, как сейчас увидим, был в начале монашества необыкновенно осторожен и решителен.

Еще можно было бы прибавить к этому сокровенному моменту первых дней монашества святого несомненное усиление в молитвенном подвиге, а затем и стремление к полному уединению, куда обычно влекутся сердца пламенных богомольцев. Но это осуществится несколько позднее, а теперь ему предстоит служение среди братии и сотрудничество своим духовным отцам игумену Пахомию и старцу Исаии, который был дан ему в духовные отцы при его постриге, коим он вверился с детским послушанием в ответ на их крепкую любовь к нему.

Вскоре же после пострига он был представлен к рукоположению в сан диакона. И 27 октября того же 1789 года, то есть всего лишь через два с половиною месяца, он был хиротонисан епископом Виктором Владимирским: Саров тогда входил в эту епархию. Повышая так скоро новопостриженного инока, святые отцы отметили этим то глубокое уважение, каким пользовался угодник Божий еще во время послушнического искуса. К нему применимо слово Писания: достопочтенная старость не числом лет исчитывается, лишь по-человечески — «в седине и мудрость, а в старом возрасте — житие нескверное». Но благоугодивший Богу делается любим Им и людьми, несмотря на молодость; ибо он, *вмале исполни лета долга: угодна бо бе Господеви душа его* (Прем. Сол. 4: 8—14)». И о. игумен, обычно строгий в соблюдении уставов и церковных порядков, на сей раз считает молодого инока достойным высокой чести, проявляя в этом и свою, особую к нему любовь. «Блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий и казначей Иосиф, — говорил после угодник Божий, — мужи святые, любили меня как свои души. И ничего ими от меня не потаено; и о том, что им было для своей души, и для меня полезно, пеклися». А «когда батюшка Пахомий служил, то без меня, убогого Серафима, редко совершал службу».

И даже выезжая куда-либо из монастыря, особенно для богослужений, брал с собою именно иеродиакона Серафима и ничего от него не таил: так он любил и ценил его.

Но промысел Божий имел и другую, более благую и высокую цель в новом послушании — развивать

и усовершенствовать в своем пламенном слуге горение любви к Богу и восхищающий в горный мир дух молитвы: этому же ничто так не содействует, как собственное участие в служении Божественной Литургии. Между тем, если бы преподобный остался на обычных иноческих послушаниях, то они отвлекали бы его от предназначенного ему Богом пути созерцательной жизни. Теперь же, в течение 6 лет и 10 месяцев, преподобный очень часто служит литургии, уносясь в иной, ему уже свой, мир. «Сей — от рода нашего», — говорила Небесная Госпожа его.

Как он готовился к совершению пренебесного таинства, видно из того, что под воскресенье и праздничные дни преподобный целые ночи проводил в молитве. А по окончании службы задерживался в храме, приводя в порядок утварь, складывая облачения, заботясь о чистоте храма. Насколько высоко он ценил славу священнослужения, видно и из завещания его дивеевским сестрам, прислуживавшим в церкви.

«Все церковные должности, — записала монахиня Капитолина, — должны исправляться только девицами: «Так Царице Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передавая другим!»

«Никак и никогда не позволять входить в алтарь непостриженным сестрам»; «никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было не разговаривать в алтаре, если бы даже пришлось и потерпеть за это, ибо Сам Господь тут присутствует! И трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия. Кто же возглаголет пред лицом Его!» — говорил батюшка.

Даже вытирая пыль и выметая сор из храма Божия, не должно бросать его с небрежением и куда попало: «Токмо прах храма Божия, свят уже есть». И воду сливать тоже нужно в особое чистое место.

И вообще батюшка учил так о храме: «Нет паче (выше) послушания, как послушание церкви! И если токмо тряпочкою притереть пол в дому Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога. Нет послушания выше церкви! И все, что ни творится в ней, — и как входите, и отходите — все должно творить со страхом и трепетом и никогда непрестающею молитвою. И кого токмо убоимся в ней! И где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда соприсутствует!»

«И никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви, ничего не должно говорить в ней! И что же краше, выше и преславнее церкви!»

Так он чувствовал; так и сам поступал до самой смерти. Один из посетителей удостоился побывать у него за 10 дней до кончины.

«Я пришел, — писал он, — в больничную церковь к ранней обедне, еще до начала службы. И увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним:

— После, после!

Какою же неземною жизнью жил он сам в храме, и особенно за литургией, об этом в некоторой степени можно лишь догадываться из слов его, что, пребывая

в храме, он забывал и отдых, и пищу, и питье, и оставляя церковь, об одном лишь говорил с жалостью: «Почему человек не может, подобно Ангелам, беспрестанно служить Господу?» — а их он созерцал не раз при совершении богослужения».

— Вид их, — говорил о. Серафим, — был молниезрачен; одежда белая, как снег, или златотканая; пение же их и передать невозможно.

Невыразимый восторг охватывал тогда преподобного. *«Бысть сердце мое, — говорил он, — яко воск таяй от неизреченной радости (Пс. 21:15). И не помнил я ничего от такой радости. Помнил только, как входил в святую церковь да выходил из нее».* И однажды он во время литургии сподобился такого видения, какого удостаивались очень немногие и из самых великих святых.

«Однажды случилось мне служить в святой и великий четверг. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно — вечернею. После малого входа* и паремии возгласил я, убогий, в Царских вратах: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» и, вошедши в Царские врата, и наведя орарем на народ, окончил: «И во веки веков», — вдруг меня озарил луч как бы солнечного света. Взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса

* В это именно время диакон, неся Евангелие, тайно говорит священнику: «Господу помолимся». Тот тоже тайно и тихо глаголет молитву входа: «Владыко Господи Боже наш, уставивый на небесах чины и воинства Ангел и Архангел в служение Твоея славы, сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». А по входе поется и ангельская песнь: «Святой Боже».

Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами и Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приближаясь в таком виде до амвона и воздвигнув Пречистыя Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем вступив во святой местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Преподобный Серафим изменился видом и, пораженный божественным видением, не мог сойти даже с места у Царских врат. Заметив это, о. Пахомий послал двух других иеродиаконов, которые, взяв его под руки, ввели во святой алтарь. Но он еще около трех часов продолжал стоять здесь неподвижно в благодатном изумлении. И только лицо его все время изменялось: то делалось бело, как снег, то разливался по нему румянец.

После окончания богослужения старцы спросили его: «Что случилось?»

И о. Серафим, ничего не таивший от своих духовных отцов, поведал им все. Они дали завет ему: ограждать себя молчанием и еще более углубляться в смирение, опасаясь надмения от такого необычного видения. Преподобный принял их наставление со всею кротостью и молчал до нужного времени.

А что испытывал угодник Божий в Святом Таинстве Причащения, то ведомо вполне ему лишь одному. Из наставлений же его мы знаем, какое величайшее значение он придавал святой Евхаристии.

Когда его спросили, как часто приступать к пренебесному Таинству, он ответил: «Чем чаще, тем лучше».

В частности, дивеевским сестрам дал следующее правило, как записала инокиня Капитолина: «Не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатию, даруемой приобщением Святых Христовых Тайн. Стараясь по возможности сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, следует приступать к искупляющему вся и всех Святому Таинству, умиленно говоря: «Согрешил, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами».

Особенно замечательно завещание об этом святого Серафима духовнику Дивеевской обители о. Василию: «Приобщаться Святых Христовых Животворящих Тайн заповедую им, батюшка, во все четыре поста и двенадесятые праздники; даже велю и в большие праздничные дни: чем чаще, тем и лучше. Ты, духовный отец их, не возбраняй, сказываю тебе: потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовою, все более и более светлеть, совсем

просветлеет и спасется. Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтоб ты знал».

«При этом, — пишет о. Василий, — как духовного отца сестер обители, батюшка назидал меня, приказывая быть всегда, сколь возможно снисходительнее на исповеди, за что по времени меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня, и до сих пор еще судят, но я строго блюду заповедь его и всю жизнь мою сохранял. Угодник Божий говорил: «Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего-чего, каких только страшных грехов, аще и изрещи невозможно, прощал нам всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам судить человека! Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка; всегда это помни: одни лишь только свидетели, батюшка!»

Одному мирянину он дал такую заповедь: «Четыре раза приобщайся. И один раз — хорошо. Как Бог сподобит! — Кто приобщается, спасен будет; а кто не приобщается — не мню: где Господин, там и слуга будет (Ин. 12:26)». В другой раз преподобный изрек глубокую тайну, что причащение одного спасительно бывает и для других:

«Благоговейно причащающийся Святых Тайн, и не однажды в год, будет спасен, благополучен, и на самой земле долговечен. Верую, — присовокупил он, — что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его, паче тьмы беззаконных».

Дивное, утешительное и поучительное откровение!

При этом батюшка успокаивал тех, кто страшился приступать к Таинству по сознанию недостойнства

своего. Это мы видели и из завещания о. Василия, но особенно сильно выразилось это в случае с послушником Иоанном.

Однажды, накануне двенадцатого праздника, когда должно было приобщаться Святых Тайн, он вкусил пищи после вечернего богослужения, что не полагалось уставом обители. К этому присоединилось у него и общее сознание своего недостойнства; и послушник начал падать духом; и чем более думал, тем более отчаивался: «Тьма ужасающих мыслей, одна за другою, теснились в голове моей. Вместо упования на заслуги Христа Спасителя, покрывающие все согрешения, мне представилось, что по суду Божию за мое недостойнство я буду или сожжен огнем, или живой поглощен землею, как только приступлю к Святой Чаше».

Желая найти успокоение совести, послушник исповедался, но и это не внесло мира в душу его; и он, стоя в алтаре, продолжал мучиться. Св. Серафим, прозрев это, подозвал его к себе и сказал дивные слова: «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что он изливает на нас туне, питая нас Пречистою Своею Плотию и Кровию, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся, только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которые даются во исцеление всех наших грехов».

Послушник, успокоившись, с верою и смирением приступил к Святому Таинству.

Но в другой раз угодник Божий изрек страшное слово о недостойных причастниках.

Одна молодая вдова, Анна Петровна Еропкина, прожившая в браке лишь три месяца, рассказывая об о. Серафиме, между прочим, записала следующее. Когда любимый муж ее неожиданно заболел, она боялась предложить ему приобщиться Святых Христовых Тайн, опасаясь испугать его; а он, хотя был тоже весьма религиозен, боялся огорчить жену приглашением священника. И так без причащения скончался. Жена очень мучилась этим: «Особенно умереть без напутствования Святыми Тайнами мне казалось карою Божией за мои и мужа моего грехи; мне думалось, что муж мой будет навеки отчужден от жизни Божией... После похорон я доходила до отчаяния и, пожалуй, лишила бы себя жизни, если бы не было за мной строгого надзора».

Так вдова промучилась десять месяцев. Затем, по совету своего дяди, отправилась за 500 верст в Саров; здесь она нашла полное успокоение у преподобного, а относительно смерти мужа батюшка сказал ей так: «Не сокрушайся об этом, радость моя, не думаю, что из-за этого одного погибнет его душа. Бог только может судить: кого чем наградить или наказать». И далее вот и добавил: «Бывает иногда так: здесь на земле и приобщаются, а у Господа остаются неприобщенными!»

Как это страшно! Как вразумительно!

«Другой же хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполняется его желание, совершенно от него независимо; такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия». Вдова успокоилась.

А иногда Господь и явно наказывает недостойно приступающих к Таинству.

Протоиерей г. Спасска о. Петр Феоктистов описал следующий случай. Один диакон, обличенный в дурном поведении своим священником, сам, через свидетелей, принесших ложную присягу в оправдание его, обвинил пред епископом иерея. Дякона повысили: из села перевели к о. Петру в город. Он продолжал здесь служить, не смущаясь в совести. Вскоре диакон приехал в Саров и направился к о. Серафиму. Увидев его, прозорливый угодник вышел навстречу из своей кельи, мгновенно поворотил его назад и с гневом сказал: «Поди, поди от меня — это не мое дело!»

Диакон не знал, что делать дальше.

Некий инок посоветовал ему сначала исповедаться. Но и это не помогло: батюшка и второй раз выгнал его: «Поди, поди, клятвопреступник, и не служи!» Диакон возвратился домой и обо всем происшедшем рассказал домашним, но не подумал исправить своего греха клятвопреступления. Тогда Бог покарал его Своею десницею. Когда священник пред литургией произнес с ним молитву по чину: «Господи! устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою», — вдруг диакон, вместо того чтобы по уставу сказать: «Время сотворити Господеви: владыко, благослови», — онемел. И вынужден был уйти из церкви домой. Там способность речи возвратилась к нему. Но как только он снова входил в храм, язык опять отнимался. Такое Божие наказание продолжалось целых три года, пока недостойный служитель не дошел до полного раскаяния. В день Вознесения Господня, на утрене после величания, запели псаломский стих: *Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости* (46:2). Диакон, как он рассказывал

после, пораженный от этих слов внезапным ужасом, стал молиться о помиловании, и вдруг язык разрешился от немоты.

Обрадованный исцелением, а еще больше милостью Божией, он тут же в храме открыто раскаялся во всем, поведал о совершившемся чуде и прославил прозорливого своего обличителя о. Серафима. Так, «Бог, — учит батюшка, — являет нам Свое человеколюбие», всячески спасает нас «не только тогда, когда мы делаем доброе, но и когда оскорбляем и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! А когда наказывает, как благоутробно наказывает!»

«Посему, — говорит преподобный Серафим словами Исаака Сирина, — не называй Бога Правосудным; ибо в делах твоих, то есть при множестве наших грехов и Божией милости к нам, не видно Его правосудия, и Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, *Христос умер за нас* (Рим. 5:8)».

Но возвратимся снова к житию самого угодника Божия. В этот период его иеродиаконства подобает отметить один случай из его жизни, связавший его потом навеки с духовным созданием его — Дивеевскою обителью.

В 1789 году, в начале июня, о. Пахомий с казначаем о. Исаиею отправились в с. Леметь на погребение благодетеля монастыря, помещика Александра Соловцова. По обычаю о. игумен взял с собою иеродиакона Серафима. По дороге они заехали в Дивеево навестить основательницу общины, блаженную Агафию Семеновну Мельгунову, в монашестве Александру. Она получила от Господа извещение о близкой кончине своей

и просила отцов, чтобы те особоровали ее. При прощении же с ними мать Александра стала умолять о. Пахомия не оставить без попечения и ее сирот. Старец ответил пророчески: «Матушка! послужить, по силе моей и по твоему завещанию, Царице Небесной... не отрекаюсь... Но как же и браться за то, не знаю: доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, — духовность его тебе известна, и он молод, — доживет до этого, ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафия ответила, что она лишь просит, а «Царица Небесная Сама тогда наставить его изволит».

Старцы уехали. На обратном пути, 13 июня, они поспели как раз к погребению ее. Отслуживши литургию и отпевание почившей старицы, они хотели было направиться в Саров. Но шел сильный дождь, о. Пахомий задержался. Святой же иеродиакон Серафим по своему целомудрию и тщательной бережливости духовной не остался даже на поминальный обед в женской обители, а тотчас же после отпевания, несомненно с благословения отцов, знавших его духовное трезвение, пешком ушел в свой монастырь под дождем.

Дивны и несоизмеримы Божии угодники! Кто бы иной так поступил? Какая сила и решимость! Какая предосторожность! И это у него, ангелоподобного Серафима...

Но многим ли известен другой, еще более поразительный и поучительный факт: сей святой угодник, можно сказать, духовно родивший Дивеевскую обитель и насельниц ее, после этого единственного случая никогда больше не был там! Созидал и управлял всем за 12 верст из Сарова! Событие просто непостижимое и для других невозможное...

Да, непросто люди становятся «святыми». Даже говорить о них трудно и стыдно нам, грешным. А подражать им — ни сил не хватит, ни даже вполне представить их подвиги немислимо. Это — особые люди... Это — великаны небесные. Гиганты духа. Это — не нашего роду — земного, грешного, немощного...

...Прошло почти 7 лет монашества и диаконства о. Серафима. Отец Пахомий приближался уже к смерти. И еще при жизни своей он хотел видеть своего возлюбленного сомолитвенника — в полной иерейской благодати.

Вместе со старшей братией, которые тоже видели подвиги и святое житие молодого инокa, о. настоятель обратился с ходатайством о рукоположении его в сан иеромонаха к Феофилу, епископу Тамбовскому, в епархию коего переведен был тогда Саровский монастырь. И 2 сентября 1793 года пламенный Серафим получил новую благодать от рук сего святителя.

Казалось бы, что теперь пред ним открывается более широкое поприще служения и монастырю, и братии, и богомольцам. Но загоревшаяся сильным пламенем любви к Богу душа не может успокоиться и остановиться на полпути.

«Бог есть огонь, — говорит батюшка, — согревающий и разжигающий сердца и утробы».

«Стяжавший совершенную любовь существует в жизни сей так, как бы не существовал, ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидает невидимого. Он весь изменился в любви к Богу и забыл всякую другую любовь».

«Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на Земли сей, ибо душою и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного».

Семь лет иночества, большею частию проведенные возле престола Божия, воспламенили в о. Серафиме жажду к боголюбивому уединению в пустыне.

К тому же и друзья один за другим отходили в иную жизнь — что еще сильнее влекло его к мыслям о суетности этого скоропреходящего мира: о. Иосиф, первый старец его, давно скончался; о. Пахомий теперь готовился к исходу; оставался третий руководитель, тоже горячо любивший преподобного, казначей и старец по постригу, о. Исаия, будущий игумен обители. Отец Серафим и решил воспользоваться его властью для осуществления своего желания, к которому он стремился душою уже давно, — уйти в уединение. Ведь еще в бытность послушником, побуждаемый своим духом и увлекаемый примерами игумена Назария, Марка-молчальника, Дорофея-пустынника, он с разрешения игумена и благословения своего старца Иосифа иногда уходил в лес. Там он в сокровенном месте сделал себе малую кущицу и некоторое время проводил в созерцании и молитве. Здесь он совершал краткое, но многократное правило, «еже даде Ангел Господень великому Пахомию Египетскому»*.

* Оно состоит из обычного начала с «Трисвятого» по «Отче наш»; потом — «Господи, помилуй» — 12 раз; «Слава и ныне»; «Приидите, поклонимся» — трижды; псалом 50-й «Помилуй мя Боже»; «Верую»; 100 молитв Иисусовых; «Достойно» и отпуст. Таких молитв нужно было совершать 12 днем и 12 ночью по числу часов. Они заменяли пустыникам всякие иные богослужения. Отсюда после вышло «правильце» о. Серафима.

Но и все остальное время проходило у Прохора в «памяти Божией» и непрестанной молитве, которая сделалась для него дыханием души.

С богомыслием он соединял тогда и особый пост: вкушал лишь один раз в день, и то хлеб и воду, а по средам и пятницам совсем воздерживался от пищи и питья.

Но эти подвиги были лишь началом и первыми пробными опытами молодого духа в его полетах в горные выси. За 16 лет непрерывного подвижничества в обители окрепли духовные крылья, и «небесный человек» отлетел в уединение «Бога ради».

Впрочем, есть основание полагать, что была и другая причина этому. Не должно думать, что монастыри, даже и хорошие, благоустроенные, представляют из себя мирное селение ангелоподобных людей. Нет, это места покаяния, подвигов и борьбы. И нигде так враг не возмущает души, как у подвижающихся иноков. И потому, наряду со светлыми порывами и благодатными дарами, всегда в монастырях наблюдались и козни вражи, и страсти человеческие. И чистой душе о. Серафима трудно стало в этом училище борьбы. Испытывал ли он за этот период жизни личные огорчения от братии, иногда, может быть, завидовавших его подвигам, его святости, его любви у старцев, а особенно — у игумена, его отшельничеству, точно нам неизвестно. Но сам он вот что высказал однажды другому иноку, пришедшему за советом о пустынножительстве: «Отче, — спросил тот, — другие говорят, что удаление из общежительства в пустыню есть фарисейство, и что таковым применением делается

пренебрежение братии или еще — осуждение оной?» Отец Серафим на сие ответил: «Не наше дело судить других. И удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что при множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых; как и великому Арсению сказано было: «Бегай людей, и спасешься!»

Внешним же поводом послужила болезнь. От долгих церковных и келейных молитв у преподобного заболели ноги — они распухли и покрылись ранами, и ему трудно стало нести монастырские послушания. На это и указано было официально, как на первую причину. Но главное внутреннее основание было духовное: «По усердию... единственно для спокойствия духа, Бога ради».

Побуждаемый всеми сими обстоятельствами, а правильнее сказать, руководимый Самим Духом Святым, о. Серафим, несомненно, еще при жизни о. Пахомия испросил у него благословение на пустынножительство. Теперь пришло это время: о. игумен доживал последние дни свои. Преподобный был при нем неотходно и служил ему с горячим усердием, помня, как настоятель с любовью ухаживал за ним в течение трехлетней его болезни. В это время ему и передано было попечение о Дивееве.

Однажды о. Серафим заметил в лице о. Пахомия какую-то особую заботу и грусть.

— О чем, отче святой, — спросил он старца, — так печалишься ты?

— Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, — ответил болящий, — кто их будет назирать после меня?

Тогда преподобный, обычно столь смиренный, и в особенности осторожный к женскому полу, обещал умиравшему продолжать его дело: это было внушением Духа Божия и волею Царицы Небесной. Отец Пахомий обрадовался и в благодарность поцеловал Серафима. И затем скоро мирно почил в Бозе (6 ноября 1794 г.). На его место был избран о. Исаия. Горько оплакав и похоронив своего отца, благодетеля и друга во Господе, батюшка от нового настоятеля и своего старца получил разрешение и благословение на пустынножительство*.

Это был опять канун Введения Божией Матери в храм. В тот же самый день, 20 ноября, 16 лет тому назад, молодой Прохор входил в монастырские ворота; ныне горящий духом Серафим выходит из них, но не в мир, а еще дальше от него, в глубь пустыни.

* «Объявитель сего, — говорится в отпускном монастырском билете от 20 ноября 1794 г., — Саровской пустыни иеромонах Серафим уволен для пребывания в пустыни в своей (то есть монастырской) даче: по неспособности его в обществе, за болезнь, и по усердию, после многолетнего искушения в той обители и в пустынь уволен единственно для спокойствия духа, Бога ради, и с данным ему правилом согласно святых отцов положением; и впредь ему никому не препятствовать пребывание иметь в оном месте; и оное утверждаю, строитель иеромонах Исаия... Для верности печать прилагаю при сем».

Божия Матерь ведет Своего возлюбленного слугу и молитвенника внутрь скинии, во святая святых, ближе к Себе и Богу.

Монастырская келья была для него порогом к истинному монашеству — уединенному* всецелому общению с Богом, к внутренней молитве.

— Одна молитва внешняя недостаточна, — наставлял он одного будущего инок, — Бог внемлет уму. А потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, — не монахи, а черные головешки.

У пламенного же о. Серафима внутреннее горение стало уже столь сильно, что ему нужен был полный простор для его духа, в безмолвии.

— Люблю вас, — говорил братии св. Арсений Великий, удаляясь из общежития в пустынь, — но Бога люблю больше. И не могу быть вместе с Богом и людьми.

«Безмолвник есть земной вид Ангела». К этому естественному концу привели о. Серафима послушнические и монашеские его годы в «ангельском чину».

* Монах, с греческого языка «монос» и «эхо», значит — живущий одиноко, уединенник.

Глава V

ДАЛЬНЯЯ ПУСТЫНЬКА

В пяти верстах от монастыря, на берегу реки Саровки, в дремучем сосновом лесу, на возвышенном холме стояла деревянная келья, в одну комнату, с сенями и крылечком. В ней и поселился преподобный пустынник. Икона Божией Матери в одном углу, печь в другом, обрубок дерева, заменявший и стол и стул, глиняный горшок для сухарей — вот и все убранство этой «дальней пустыньки». Под полом кельи был устроен тесный подвал, может быть, для хранения овощей. Но о. Серафим пользовался им для уединенной молитвы, скрывался от посетителей, а летом отдыхал от жары. Вокруг нее преподобный развел маленький огород, на котором выращивал картофель, капусту, лук, свеклу, и т. п. Одно время он завел было даже и пчельник, но после оставил это занятие — вероятно, потому, что оно отвлекало его от внутренней жизни. Здесь подвижник провел тоже почти шестнадцать лет, пока не восшел на высшую ступень... Шестнадцать лет — легко сказать. А что же творилось за эти долгие годы в душе его, душе сильной, решительной, боговосхищенной, — кто может объяс-

нить это? «Вкусивший сладости Божией стремится на безмолвие, — говорит св. Иоанн Лествичник, — чтобы ненасытно насыщаться им без всяких препон».

«Пустыня, — любил приводить слова св. Василия Великого о. Серафим, — рай сладости, где и благоуханные цветы любви (к Богу) то пламенеют огненным цветом, то блистают снеговидною чистотою; с ними мир и тишина... Там фимиам совершенного умерщвления не только плоти, но, что славнее, и самой воли; там кадило всегдашней молитвы, непрестанно возжигаемое огнем любви Божественной; там цветы добродетели, блистая различными украшениями, процветают благодатию неувядаемой красоты».

И св. Серафим насыщался и наслаждался красотою этого сладкого рая. Душа его жила внутреннею молитвою, которая давно уже соделалась непрестанною — текущей живой водою для него. В ней была главная жизнь его теперь, в пустыни. Большею частью он совершал богослужение по обычному распорядку: после полуночи читал правило св. Пахомия, потом утренние молитвы, полунощницу, утреню и т. д. — до повечерия включительно. Иногда же он заменял уставные службы земными поклонами с молитвою Иисусовою: так, вместо вечернего правила клал тысячу поклонов. Но сверх этого о. Серафим был всегда в непрестанной «памяти Божией» и богомыслии. Нередко его заставляли как бы в изумлении: иногда, занимаясь каким-либо делом на огороде, он вдруг, незаметно даже для себя, выпускал из рук мотыгу и погружался духом своим в горний мир; или отрубит один, два, три куса дерева и, опустив

топор, застынет в созерцании тайны Пресвятыя Троицы — Единицы и молитвенном возношении к Ней. В эти моменты посещавшие его люди не беспокоили святого, ожидая, пока он придет в обычное состояние. Но иногда, не дождавшись этого, они незаметно уходили от пустыньки, не тревожа благодатных озарений святого и получив назидание и утешение от такого зрелища не менее, чем от поучений. Как мало сказано, а в сущности почти все уже сказано, потому что именно в этой созерцательной жизни, в этом непрерывном богообщении и проходили главным образом все эти шестнадцать лет пустынночества.

Душа — великая тайна, и жизнь ее у подвижников вся сокрыта в Боге. Недаром о. Серафим даже за работой пел все о горнем мире. «Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира суетного сущим кроме», то есть у вышедших из мира всегда бывает желание Бога... Или ирмос 3 гласа: «Иже от несущих (из ничего) вся приведый. Словом созидаемая, совершаемая Духом, Вседержителю вышний, в любви Твоей утверди мене»... Утверди, укрепи в любви к Тебе. Или чудный догматик Богородице: «Всемирную славу, от человек прозябшую и Владыку рождшую, Небесную дверь воспоим Марию Деву, бесплотных песнь... Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии».

Живя горним миром, преподобный даже окружающим местам дал имена, напоминавшие ему о небесных жителях и святых событиях: у него были свой град Иерусалим, Голгофа, Вифлеем, Назарет, Фавор, Иордан, Кедрон и т. п. Гору свою он называл Афоном. Обходя эти места, он нередко совершал там соответственные

молитвословия: в Вифлееме — утреню, в Назарете — акафист Богородице, на Голгофе — 9 час. и т. д.

Чтение Слова Божия по-прежнему занимало у него довольное время, но и оно являлось для него лишь способом к единой цели зрению иного мира. «Священное Писание, — говорил он после, — должно читать для того, чтобы дать духу своему свободу возноситься в небесные обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом».

Прочее время о. Серафим употреблял на телесные труды, без коих немислима жизнь иноческая даже и в пустыни: то занимался он огородом, то собирал мох, то готовил дрова, то укреплял берег. А впоследствии еще стал носить за плечами суму, грузно наполненную песком и камнями, в которой лежало и святое Евангелие. Когда его спрашивали, для чего это он делает, преподобный отвечал словами святого Ефрема Сирина:

«Томлю томящего мя» (то есть врага, нападающего на подвижников). Для той же цели, для полного умерщвления ветхого своего человека, о. Серафим иногда прибегал к суровым подвигам: обнажившись до пояса, он работал где-либо возле болота или, сидя у своей кельи, отдавал себя на съедение комарам, и они искусывали его до того, что по лицу текла кровь, а тело распухало, синело и запекалось кровью. В баню преподобный никогда не ходил. Не носил он и теплых одежд: балахон из белого полотна, валяная камилавка, кожаные рукавицы, на ногах — или лапти, или кожаные «бахилы», — его одеяние круглый год. На груди всегда висел медный крест, материнское благословение.

Пища его была самая простая и притом ограниченная. «Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа», — сказал он мирянину.

— Можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи предписывают оставить пост?

Святой Серафим ответил: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? *Не хлебом единым жив будет человек, но всяким глаголом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4:4). А что Святая Церковь положила на семи вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что же врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду?»

И сам о. Серафим знал это лучше других: поначалу пищей его был хлеб, и то черствый, который он брал из монастыря раз в неделю. Употреблял он и овощи со своего огорода, а потом, по благословению старца и игумена Исаии, и совсем перестал брать из монастыря хлеб, дабы ничем не обременять обители, а питаться по примеру апостола Павла, работая своими руками (1 Кор. 4:12).

Так проводил пустынный свою жизнь в будни. А накануне воскресных и праздничных дней он являлся в обитель, слушал там богослужение; затем исповедовался, а наутро, за ранней литургией в известной нам больничной Церкви свв. Зосимы и Савватия, причащался Святыни. Затем оставался в монастыре до вечера. В это время он принимал приходивших к нему за советами и утешением монахов и богомольцев. Когда же братия уходили к вечерней службе, о. Серафим,

взявши с собою на неделю хлеба, незаметно возвращался в свою любимую пустыньку.

В течение же первой недели Великого Поста он все время проводил в монастыре, не вкушая пищи до самого причащения в субботу.

Духовником его по-прежнему был старец о. Исаия. Так мало-помалу о. Серафим стал восходить от силы в силу. Но, чтобы укрепить своего подвижника в молитвенном духе, Премудрый Господь допустил ему испытание. Святые отцы изрекли даже странное слово: если бы не было бесов, то не было бы и святых, то есть если бы не было искушений, то меньше было бы поводов к подвигам святых, меньше было бы и венцов. И кто хочет более благодати, тот должен больше приготовиться к испытаниям, учит святой Исаак Сирин, этот величайший подвижник.

Поводом послужило следующее обстоятельство. Саровский монастырь в его время пользовался уже славою строгого устава и высокой жизни монахов. Поэтому не раз уже обращались к нему за устроителями и настоятелями для обителей других епархий. Между прочим, знаменитый восстановитель Валаамского монастыря, игумен Назарий, был постриженником Сарова и здесь же кончил дни свои пустынноком в дни преподобного.

Не мог тем более укрыться от взоров человеческих пламенный Серафим. И вот ему, всего лишь через два года после ухода в пустынь, в 1796 г. предлагают быть настоятелем Алатырского монастыря Самарской губернии с возведением в сан архимандрита. Преподобный безмолвник отклонил это и упросил о. Исаию

отказать предлагавшим. На его место был послан инок Авраамий.

Но вскоре после этого враг с адскою злобою напал на святого, воздвиг в нем бурю «мысленной брани» и уныния*.

Мы видели уже, сколь страшным считает преподобный дух уныния, когда человеку не хочется даже существовать. Но он знал и путь к победе в молитве.

В лесу, приблизительно на полпути между кельей и монастырем, в стороне от дороги, лежал огромный гранитный камень. Каждую ночь о. Серафим приходил сюда и, стоя, или склонясь на колени с воздетыми руками к небу, взывал непрестанно: «Боже, милостив буди ми грешному!» А другой камень преподобный втащил в свою келью и там молился днем, чтобы не видели его люди. В таком великом подвиге он провел тысячу дней и тысячу ночей, отрываясь только для необходимого отдыха и подкрепления себя пищею... тысяча дней и тысяча ночей!.. Читали, слышали мы об этом... Но вникали ли? Понимаем ли?.. Да и возможно ли понять то, чего сами опытно не переживали и что даже представить по-должному не можем?.. Между тем подвиг, превосходящий силы человеческие.

* Существует предание, будто о. Серафим, отказавшись от повышения, на мгновение поддался искушению: пожалел об этом. А святые не только боролись с греховными делами, но самые пожелания считали не меньшим злом (Мф. 5: 22, 28). Узрев в себе эту тень самости, преподобный и решил искоренить всякую привязанность к миру, ибо «недугующий страстию и покусавшийся на безмолвие» рискует погубить все свое дело (еп. Феофан). Для этого он и взял чрезвычайный подвиг, дабы умолить Бога о прощении и победить искушение и врага.

Мысленно поставим себя вблизи молитвенника, наблюдая за ним незримо.

Ночь, темно... Обычным людям жутко... А коленопреклоненный пустынный ни о чем не думает, лишь немолчно шлет к небесам вопль о помиловании: «Боже, будь милостив, будь милостив ко мне, грешнику!..» Подходят звери... Смерть грозит... А он не боится. Даже, может быть, желал быть растерзанным во искупление от грехов. Но они отходили от человека, не обращающего на них даже внимания. А он все вздыхал: «Боже, милостив буди мне грешнику!..» Грешнику... Грешнику. Пришла осень: дожди, грязь, холод. Лес шумит... Он весь мокрый... Кому не захочется в теплый угол? А святой, воздевши мокрые руки, согревает душу теплотою покаяния: «Боже, будь милостив!.. Смилуйся! Согрешил! Прости! Накажи, но помилуй... Прогневил: возврати милость! Осквернил душу: очисти! Без чистоты — не вижу Тебя!» Зима... лютые морозы... трещат сосны... Коченеют руки и ноги...

Кости ноют от стужи. А он не может, не имеет права сойти с покаянного камня... И все вопит к Богу: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Сон, усталость охватывают все его существо... Замерзающему всегда особенно хочется спать... А подвижник переламинает закон природы; и еще сильнее вытягивает руки, встанет с колен и громче взывает: «Боже, милостив буди ми грешнику!»

А каковы были страхования от бесов? Мог ли диавол оставить своего противоборца в такое время? Конечно, нет. Но что его угрозы и страхи пред мыслью

и мукой святого, который боится лишь одного: да не отступит от него Господь за грехи его...

Болят ноги... Раны... Обескровленные руки омертвевают... Но ему нужно исходатайствовать помилование: он согрешил.

Тяжко все это даже представить. А что же было на самом деле!.. И так тысяча ночей... А в келье тысяча дней... Непостижимо!

Об этом подвиге преподобный молчал. Но все же молва дошла до епископа Тамбовского, и впоследствии он запросил игумена Нифонта. Последний ответил:

«О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно».

Пред концом жизни преподобный сам открыл о своем искушении и подвиге некоторым из братии. Один из них в удивлении сказал: «Это — выше сил человеческих». Отец Серафим ответил ему: «Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?» Собеседник заметил, что, вероятно, благодать помогала ему. «Да! — ответил старец, — иначе сил человеческих не достало бы». Потом добавил: «Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами». Этим подвигом и благодатным умилением преподобный преодолел беса тщеславия и уныния и восшел на чрезвычайную высоту молитвенного духа. Так и самое зло обратил Господь во благо ему, по слову Писания: *любящим, Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу* (Рим. 8:28).

Незадолго пред кончиною святой старец поручил послушнику Иоанну найти в лесу этот камень, указав ему приметы места. Не сразу и с большим трудом нашел он его: листья и пыль занесли камень. Впоследствии почитатели о. Серафима начали откалывать от него небольшие куски и уносили с собою не только на память о подвиге, но и для благодатной помощи. И таким образом эти кусочки разошлись по всей России, и даже за границей можно найти их. К ним мы прикладываемся так же, как бы и к иконе. А иногда их погружают в воду и пьют ее потом во исцеление. Остатки лесного камня хранились в Сарове и Дивееве. А дневной келейный целиком был перевезен в Дивеевскую обитель.

Преодолев и победив искушение и получив от Бога внутреннее удостоверение о помиловании, святой Серафим снова возвратился к обычной, прежней, но еще более внутренне напряженной духовной жизни.

Только теперь на всю его жизнь здоровье уже значительно ослаблено. Особенно же стали болеть ноги. И, быть может, это было внешним поводом для подвижника к прекращению тысячедневного моления на камнях: преподобный увидел, что дальше ослабевший «друг» — тело и совсем изнеможет и откажется служить духу.

Однако искушение повышением снова повторилось после великого подвига.

Отцу Серафиму предложили второй раз настоятельство в Краснослободском Спасском монастыре. Но однажды искушенный становится опытным (Иак. 1: 3—4). И преподобный спокойно, но решительно

отклонил новое предложение, точно оно не его касалось. Тогда враг обратился к другим путям нападения.

Обычное искушение монашеское — через людей, особенно через женщин, преподобный Серафим устранил легко и просто. Он вообще почти никого не принимал в пустыньке; даже и из иноков к нему приходили весьма немногие: молчальник Марк, о. Исаия, иеродиакон Александр, после — о. Тихон. С братией же он беседовал лишь по праздникам, принимая их в монастыре между литургией и вечернею. Зная такой обычай его и благословение настоятеля, монахи уже не беспокоили его в лесу. Но миряне, и особенно женщины, влекомые молвою об отшельнике и побуждаемые своими скорбями, скоро нашли к нему дорогу и стали нарушать его безмолвие, «единственно» ради которого он и ушел из монастыря. Чтобы оградить себя от них, о. Серафим решил совсем не принимать никого, особенно женщин. Однако он сначала усердно помолился Господу и Пресвятой Богородице: есть ли на то воля Божия, чтобы оставлять людей без назидания и утешения? Для удостоверения он дерзновенно испросил знамения: если Богу это решение угодно, то пусть путь к его келье закроют деревья.

Как раз наступал праздник. Отец Серафим пошел по обычаю в монастырь. И вот при спуске со своей Афонской горы (куда, как известно, женщины совсем не допускаются) он увидел, что сосны склонились и завалили тропинку. Батюшка пал на колени с благодарностью к Богу за чудное знамение и поспешил в обитель к литургии. Служил о. Исаия соборне. Отец Серафим стоял в алтаре.

После Херувимской песни он благоговейно приблизился к своему духовному отцу: «Батюшка, отец строитель! — промолвил он кротко. — Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа».

Отец Исаия, расстроенный подобной просьбой, ответил: «В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!» «Теперь-то и благослови, батюшка!» — продолжал, нимало не огорчаясь, просить преподобный. «Как же я могу за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа?» — возражал о. Исаия в беспокойном духе. «Вы только благословите, батюшка, — настаивал смиренно, но твердо о. Серафим, — а уж никто из них не взойдет на мою гору!» Тогда отец настоятель велел подать икону Божией Матери «Блаженное Чрево» и, благословив его, сказал: «Благословляю, чтоб не было женам входа на твою гору. А ты сам охраняй!»

Батюшка поцеловал святую икону и отошел. Причастившись Святых Тайн, он ушел в пустыньку и завалил дорожку колодами. Вход к нему теперь был закрыт, но мужчин о. Серафим изредка все же принимал. Побужденный здесь, искуситель нападает иначе. Если уж мирянину о. Серафим говорил: «Враг везде с тобою!» — то мог ли он оставить без козней его самого? А монахам он сказал, что иноки, живущие в монастыре, борются с противными силами как с голубями, а живущие в пустыни — как со львами и леопардами.

Один мирянин в простоте сердца задал вопрос о. Серафиму: «Батюшка, видали ли вы злых духов?»

Старец с улыбкой ответил: «Они гнусны... как на свет Ангела грешному взглянуть невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

«Повел меня лесом, — передавала впоследствии сестра Акулина Малышева, — мимо своего камня и того места, где жил Марк-пустынник, и рассказывал все: как его тут враги искушали, как он с ними боролся-то тут».

Но подробных сведений об этой борьбе осталось немного. Вот что пишет автор дивеевской летописи об искушениях врага: «По своей хитрости, начиная с легчайших искушений, он сперва наводит на подвижника страхования. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь кельи, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж дерева, который после восьмью человеками с трудом был вынесен из кельи.

В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с яростным и диким ревом.

Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так он, по Божию попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такою силою ударял его об пол, что если бы

не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца...

Все видения, искушения и нападения врага о. Серафим побеждал силою крестного знамения и молитвами. После них долго он пребывал мирно в своей пустыне, благодаря Господа. «Искушение диавола, — говорил он дерзновенно после, — подобны паутине: стоит только дунуть на нее, и она истребится; так-то и на врага-диавола: стоит только оградить себя крестным знамением, и все козни его исчезают совершенно».

Однако злокозненный враг неистощим в злобных замыслах своих против подвижников: не одолев святого борца внутренними искушениями и страхованиями, он напал на него внешне.

Это случилось уже через десять лет пустынножительства, 12 сентября 1804 года.

Однажды о. Серафим рубил в лесу дрова. К нему подошли три неизвестных крестьянина и нагло стали требовать денег:

— К тебе ходят мирские люди и деньги носят!

— Я ни от кого ничего не беру, — ответил старец.

Но они не поверили и напали на него. Батюшка обладал большою телесною силою; и, кроме того, он был с топором и мог бы защищаться. Мысль эта, как он после рассказывал, даже мелькнула у него в уме, но тотчас он вспомнил слова Спасителя: *взявшие меч, мечом погибнут* (Мф! 26:52). И святой подвижник спокойно опустил топор и сказал: «Делайте, что вам надобно». Тогда один из разбойников поднял его же топор и обухом ударил пустытника по голове. Из рта и ушей о. Серафима хлынула кровь, и он без памяти

упал на землю. Но злодеи продолжали бить его и потащили к келье, надеясь, что он там придет в память и сам укажет деньги. В сенях они связали его по рукам и ногам и стали обыскивать пустыньку: разбили даже печь, разломали пол и ничего не нашли. Вдруг на них напал страх, и они в ужасе убежали.

Отец Серафим пришел в сознание и с трудом развязал себя. Прежде всего он поблагодарил Бога, что сподобился принять невинные страдания и помолился о прощении злодеев. На другой день с необычайным усилием он дошел до монастыря. Шла литургия. Братия ужаснулись страшному виду преподобного: одежда и волосы на голове и бороде были в крови и пыли, лицо и руки — в ранах, в ушах и устах запеклась кровь, часть зубов выбита. На вопросы монахов о. Серафим молчал. А после богослужения он все открыл о. Исаии и духовнику обители. Его оставили в монастыре. Восемь суток страдал больной невыносимо, не принимая ни пищи, ни питья, и без сна.

Отец настоятель, опасаясь за жизнь его, послал в Арзамас за медицинской помощью: прибыли три врача и три подлекаря. Осмотрев страждущего, они нашли следующее: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу было еще несколько смертельных ран. Удивлялись они: как после этого человек мог еще оставаться в живых? С начала осмотра о. Серафим был в сознании, но к концу его он впал в забытие и сподобился дивного видения.

С правой стороны постели подошла к нему Пресвятая Богородица с теми же апостолами Петром и Иоанном, как и в первое посещение. Указав перстом

правой руки на больного, Она обратилась в ту сторону, где стояли врачи, и произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом посмотрела на о. Серафима и опять сказала апостолам прежние слова: «Сей от рода нашего».

Видение кончилось. В это время вошел отец настоятель. Врачи предложили «пустить кровь» больному, омыть раны спиртом и приложить пластыри. Но батюшка отклонил все это, предаваясь на волю Божию и Пресвятой Богоматери.

И вдруг св. Серафим исполнился необычайной радости, которая продолжалась около четырех часов. К вечеру он неожиданно для всех встал с постели, а в девятом часу попросил себе хлеба и квашеной капусты и подкрепился. И постепенно стал оправляться. Но следы избиения остались на нем на всю жизнь: он еще и прежде, придавленный при рубке дерева, сделался сутулым, а теперь согнулся уже совсем. И с того времени о. Серафим ходил, подпираясь топорищем или мотыгой.

Пять месяцев прожил в обители подвижник. Отец Исаия и братия советовали ему оставаться здесь совсем, но св. Серафим испросил благословение снова возвратиться в любимое уединение. Вскоре после этого злодеи были найдены: они оказались крепостными крестьянами из села Кременок Ардатовского уезда. Их хотели судить, но о. Серафим, узнав об этом, умолял помещика их Татищева и о. Исаию простить преступников.

«В противном случае, — заявил он настоятелю, — я оставлю Саровскую обитель и уйду в другое место».

Просьбу его исполнили. Но Бог Сам наказал злодеев: их жилища сгорели. Тогда они пришли к преподобному и со слезами принесли раскаяние, прося прощения и молитв у него.

Отец Серафим простил и снова начал свою пустынноческую жизнь. Но не в одних лишь подвигах и злостраданиях проходила она. Праведник не только возрастал духовно, достигая бесстрастия — этой цели безмолвия, но одновременно с этим Господь награждал Своего раба и неизреченными утешениями и сверх всего прославлял его и необыкновенными знамениями.

Из них здесь остановимся пока, и то кратко, на чудесном подчинении ему зверей и гадов.

Человек, отпавши от Владыки Бога, лишился своего царственного владычества над миром; возвращаясь же в свое первозданное состояние, он снова получает власть над тварью. Так было с преподобным Серафимом. Есть сказание, что к келье его, как и к святому Власию, по ночам приходили разные звери и приползали змеи, и он выходил к ним и питал от своего скудного стола. Один из более близких ему иноков, посещавших его в пустыни, иеродиакон Александр, однажды даже спросил: как достает у него для животных хлеба? Святой старец ответил, что он всегда находит в лукошке столько, сколько нужно для них.

Но особенно замечательно и трогательно описываются случаи кормления преподобным медведей. Кто из русских не слыхал об этом дивном знамении!

Несомненность его засвидетельствована многими очевидцами: о нем рассказывали тот же иеродиакон

Александр, инок Петр, впоследствии — дивеевская старица Матрона, начальница Лысковской общины Александра, старица Анна и другие... Вот как рассказывает об этом саровский инок Петр: «Привязанный любовью к о. Серафиму, пошел я однажды в дальнюю его пустынь для того, чтобы воспользоваться душеспасительными советами старца Божия. Подходя к ней, я увидел, что о. Серафим сидит на колоде и кормит стоящего пред ним медведя сухариками, которые брал из своей кельи. Пораженный этим дивным и странным явлением, остановился я за одним большим деревом и начал молитвенно просить о. Серафима, чтобы он избавил меня от страха. Тотчас же я увидел, что медведь пошел от старца в лес, в противоположную от меня сторону. Тогда я взял смелость подойти к о. Серафиму. Старец встретил меня с радостным духом и сказал, что если я удостоился видеть близ него этого лесного зверя, то умолчал бы об этом до его успения. После этого я всегда удивлялся чистоте души и вере праведного старца, которому и бессловесные звери повиновались, тогда как нас один их вид устрашает».

О других, более умильных и поучительных случаях мы будем иметь еще утешение узнать дальше.

Так прошло двенадцать лет пустынножительства. Отец Исаия по слабости сил отказался от настоятельства и ушел на покой, желая готовиться к переходу в иную жизнь. Братия на его место решили избрать о. Серафима.

Это было уже третье предложение ему: кроме Алатыря его хотели назначить строителем еще в Кресно-слободский Спасский монастырь. Но после подвига

на камне пустынный твердо и спокойно отклонял теперь подобные предложения.

Тогда выбрали в саровские настоятели казначея обители, отца Нифонта.

Отец Исаия, глубоко любивший и почитавший о. Серафима, прежде посещал его, наслаждаясь его беседами и пользуясь духовным опытом святого — его же духовного сына по монашеству. Но теперь он ослабел, и братья возили его на тележке в дальнюю пустыньку: так учитель уже превратился в ученика. Какой же высоты достиг отшельник! Какую, следовательно, великую пользу принесла ему пустыня!

В следующем, 1807 году, о. Исаия мирно почил. Св. Серафим всю жизнь хранил к нему, как и к другим своим старцам и друзьям, глубокое почитание как к угодникам Божиим. «Когда идешь ко мне, — наставлял он впоследствии начальницу Ардатовской общины, мать Евдокию, и многих других, — зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих, и потом припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святии и помолитесь обо мне». Это — «огненные столпы от земли до небес». И сам он, приходя в монастырь, сначала шел к любимым отцам своим на могилки...

Так отошли в вечность его близкие. Точно осиротел батюшка. Новый настоятель был для него далеким духовно... Это были разные по духу люди...

И о. Серафим хотел воспользоваться смертью о. Исаии, как он воспользовался кончиною и о. Пахомия: тогда он ушел из монастыря в пустынь, теперь

он избирает новый дальнейший подвиг — молчалиничество, по примеру святых Арсения Великого и Иоанна Молчальника.

К тем немногим посетителям, какие все же изредка посещали его, он перестал выходить совсем. А если случалось ему с кем-либо встретиться в лесу, то преподобный падал ниц на землю и молча лежал так до той поры, пока тот не уходил.

Реже стал посещать он и монастырь: не всегда ходил туда даже и в праздничные дни.

Пищу ему раз в неделю приносили из обители: вошедши в сени, послушник произносил обычную монашескую молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Старец внутри говорил «Аминь» и отворял келью. Сложив руки на груди, потупив лицо в землю, не благословляя даже пришедшего, он становился у дверей. Послушник кланялся ему в ноги, ставил пищу на стол в сенях. А преподобный клал туда же или кусок хлеба, или капустки: это означало, что ему нужно дальше. Брат снова кланялся в ноги, просил молитв и уходил, не услышав ни единого слова, кроме «Аминь».

В сем подвиге провел о. Серафим три года. Это молчалиничество было для него лишь завершительным концом его уединения. Поэтому все то, что составляло и доселе жизнь души преподобного, теперь лишь усилилось, углубилось. Он весь ушел внутрь себя и ушел от мира.

«Молчание, — говорил он словами отцов, — есть таинство будущего века». Поэтому почтим и мы сей подвиг его молчанием: не будем дерзать входить внутрь

скинии души его своим неопытным умом и нечистыми мыслями, там место Пречистому Духу Божию.

Приведем лишь из его наставлений слова святого Варсануфия Великого: «Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Но подумай: Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит апостол: *аще с Ним страждем, с Ним, и прославимся* (Рим. 8:17). Другого пути нет».

И этот путь взял на себя великий святой нашего времени и прошел его до конца.

Впереди ждет его уже прославление, но крест безмолвия еще будет он нести, только в ином месте и в других, более трудных условиях — затвора в монастыре. Уйдя 16 лет тому назад в пустынь, он Промыслом Божиим снова возвращается в обитель.

Круг пустынноческого подвига завершился.

Глава VI

ЗАТВОР

С понятием «затвора» нередко соединяется представление, что о. Серафим вошел в высшую степень подвига — уединение. Но можно думать иначе: с видимым затвором в монастыре, собственно, окончилось уединение или пустынножителство и началось уже служение преподобного миру. Если же первые годы этого подвига он и проводил еще в безмолвии, то они являются скорее подготовкой к новому его послушанию — спасению людей.

В самом деле, уже один выход из пустыни и возвращение в многолюдную обитель, хотя бы и в затвор, есть уже вид общения с миром. А жизнь его здесь есть живая, наглядная проповедь и монахам и богомольцам: своим затворничеством и молчанием о. Серафим учил их спасению, подвигам и боголюбию не меньше слов. Во всяком случае, его пример здесь, на виду у всех, был более действенным и поучительным, чем в далекой пустыне, где он был к тому же отрезан от общения с людьми, за немногими исключениями. А пройдет еще лишь пять лет, и созревший

духом Серафим совсем оставит свое уединение и открыто выступит на апостольский подвиг служения людям. И потому нужно думать, что дальней пустынькой закончился второй период его жизни: первый — мирской — был до киевского богомолья; второй — монашеский — от кельи Досифея до выхода из пустыньки; и третий — апостольский — от затвора до смерти

Сам преподобный не дерзнул бы, по смирению своему, оставить пустынь и идти на проповедь, учительство и служение. Не захотел бы он оставить и возлюбленного сладкого безмолвия пустыни. Но промысел Божий сам руководит святыми своими.

«Знаю человека, — говорил великий пустынник древности Макарий Египетский, вероятно, о себе, — который ничего бы не хотел иного, как лишь сидеть в углу пещеры да наслаждаться блаженным созерцанием. Но Бог Сам на время оставляет его, чтобы хоть таким образом, придя в обычное состояние, он мог послужить еще и братьям своим»*.

Так случилось и с преподобным Серафимом: созревший плод пустыни снимается с древа уединения и полагается пред глазами людей. Но и здесь дается ему еще некоторое время «долежаться», чтобы, умягчившись совсем и достигши последней сладости, быть всецело угодным Господу и приятным для людей.

Таким образом затвор был для преподобного, с одной стороны, итогом прошлого подвига, а еще более —

* См. «Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова». Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1904г. (Беседа 8, стр. 70).

приготовлением и вступлением в новый период жизни, во вторую половину монашества. А чтобы не было очень резкого перехода от уединения к служению, для этого Господь и выводит Своего любителя безмолвия из пустыни в монастырь, где он некоторое время, по-видимому, продолжает еще прежнюю жизнь, но в самом деле уже начинает исполнять новое служение.

Случилось же это так.

Как мы видели, о. Серафим с ухода своего в молчальничество все реже стал посещать монастырь и даже редко причащался святых Христовых Тайн.

Кто знает жизнь безмолвников, для того это не удивительно — так поступали многие из них, а преподобная Мария все 47 лет пустынничества ни разу не причащалась после того как ушла из Иорданской обители святого Иоанна Предтечи, и лишь за час до смерти сподобилась Животворящих Тайн от старца Зосимы.

Сподобляет ли их Господь спасительной сладости Своего общения чрез молитву и созерцания, или они таинственно, неким «невидимым образом сподобляются причастий чрез Ангела Божия», — как говорил о. Серафим вдове Еропкиной, — сие выше нашего обычного разума и опыта...

А потому не дивно, что братия монастыря стали смущаться... Люди часто недоумевают и даже возмущаются, когда другие поступают иначе, чем они. Стал на их сторону и новый игумен Нифонт... Уже отмечено было, что он был иного духа, чем о. Серафим. Он отличался способностями к управлению (административными) и опытностью в казначейских делах, наблюдал за точным исполнением богослужебного устава

(между прочим, при нем поминальные записи о живых и усопших прочитывались на проскомидии неизменно еще до чтения часов); он оставил по себе память как способный строитель и украстель монастыря, строго хранил посты, был трудолюбив, нестяжателен, приветлив в обращении с посетителями обители, начитан в книгах, свободен в слове.

Но при всем этом есть данные думать, что он не был единокрушен с о. Серафимом... Да и не он лишь один. Известный писатель-богомолец Муравьев*, посетивший Саров вскоре после смерти святого старца, с благоговением расспрашивал о нем у братии. Каково же было его удивление, когда он в ответ услышал легкомысленно-дерзкие и горделивые слова: «У нас все — Серафимы». Чтобы понять это, нужно глубоко уяснить и усвоить учение преподобного, а лучше сказать — Церкви или Самого Духа Святого, о сущности христианства и о смысле не только подвигов, но даже и добродетелей... И читатель дальше сам это увидит в дивной, богооткровенной беседе о. Серафима с Н. А. Мотовиловым...

А может быть, и враг зависти смущал игумена: он пришел на 20 лет позднее преподобного (1787 год) и выбран был в настоятели уже вследствие отказа от сей должности о. Серафима. Бог весть... Но не видим мы радости у о. Нифонта от общения с чудом, не только саровским, но и всемирным, каковым был старец Серафим. Ни одной ласки, ни одного любовного факта...

* Муравьев А. Н. — известный русский духовный писатель, автор «Писем о Богослужении Православной Церкви», «Северная Фиваида», «Житие русских святых» и др. — *Изд.*

Это же не случайно... Ведь предшественник его, о. Исаия, так нежно любил святого и чтил его, что даже на тележке возили его к угоднику. Здесь же совсем иное... А между тем старец при его игуменстве прожил 25 лет (с 1807 по 1832 г.), и притом наиболее славного своего подвига, чудес, прозорливости. Слава о нем шла уже по всей России, а в доме своем, по слову Писания, его далеко не все считали пророком (Мф. 13:57)*.

Но Господь все направляет во благо, *и милость Его... к боящимся Его* (Пс. 102: 11 — 13; Лк. 1:50). Так случилось и здесь.

Уставный и закономерный игумен советуется со старейшими братьями монастыря по поводу особого, но обычного жития пустынника, и они решают предложить о. Серафиму, буде он здоров и крепок ногами, по-прежнему ходить в обитель по воскресным и праздничным дням и причащаться Святых Тайн; если же ноги его уже не служат, то возвратиться ему в монастырь на всегдашнее жительство в своей келье.

Это решение должен был передать ему брат, носивший пищу, при первом же приходе к нему в пустыньку. Отец Серафим молча выслушал и отпустил его, не промолвив ни единого слова... Решение монастырского собора было столь неожиданным, что оно застало молчальника как бы врасплох: он привык к послушанию, но есть ли на это и Божья воля? Должно ли оставлять святое и спасительное безмолвие, если и на

* Отец Нифонт свое мнение доводил впоследствии дальше. Митр. Филарет Московский писал своему другу и духовнику архим. Антонию, бывшему ученику преп. Серафима: «Видно, согрешил саровский игумен, написав митрополиту Ионе свои неслетлые помыслы о преподобном», — а митр. Филарет был крайне осторожный судия.

него он пошел тоже по благословению святых отцов своих — Иосифа, Пахомия, Исаии? Да и легко ли ему теперь, после 16 лет, оторваться от сладкого безмолвия и возвратиться в обитель?

«У кого, — пишет позднейший безмолвник и затворник епископ Феофан, — образовались «влечение внутрь» и восхищение к Богу, и особенно у кого «начали действовать совершенное предание себя Богу и непрестанная молитва», удержать такого в общежитии и сожительстве с другими невозможно».

«Возлюбившие блаженное безмолвие проходят делание умных сил и подражают их образу жизни. Не насытятся они во веки веков, восхваляя Творца: так и восшедший на небо безмолвия не насытится, воспевая Создателя. Таким образом, все занятие безмолвника — быть с единым Господом, с Коим и беседует он лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо».

«При этом такое внутреннее безмолвное делание ограждается и охраняется другим — блюдением безмятжия помыслов»*.

...И вот теперь отцу Серафиму предлагают оставить это «блаженное безмолвие», насильно хотят возвратить его снова в «сожительство с другими», поместить опять в молву многолюдного монастыря, посещаемого тысячами паломников...

Какой перелом жизни!.. Это не менее важный или даже более важный и решительный момент для духа преподобного, чем оставление родного крова и любимой матери 32 года тому назад: там все светлое, высокое и увлекающее было впереди; теперь же его,

* «Путь ко спасению», стр. 308-310.

кажется, влекут назад, к низшему, пройденному, почти уже забытому за 16 лет пустыньки...

Что делать?

И становится понятным поведение святого молчальника: безмолвно он выслушал весть от брата, безмолвно и проводил его, без единого слова...

Значит, этого слова еще не было в душе преподобного.

...Послушник в недоумении ушел обратно. А старец, несомненно, обратился к Богу, «лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо». В этом прошла вся неделя...

Привыкший к безусловному послушанию, о. Серафим не мог сойти с этой спасительной для многих стези. Но еще меньше он мог оставить «блаженное безмолвие». Выход он, подобно Григорию Богослову, нашел в среднем пути: он решил жить в монастыре, как бы в пустыни, быть вместе с другими телом, но безмолвствовать духом. Преподобный решил жить в обители — в затворе: так сочетаются и внешнее послушание и внутреннее безмолвие. Лишь увеличится сила подвига, ибо в монастыре хранить безмолвие духа, даже в затворе, будет труднее.

«Есть безмолвие внешнее, — говорит святой Иоанн Лествичник, — когда кто от всех отделившись живет один; и есть безмолвие внутреннее, когда кто в духе един с Богом пребывает не напряженно, а свободно, как свободно грудь дышит и глаз видит... Пусть келья безмолвника заключает в себе тело его, а сие последнее имеет в себе храмину разума».

«Безмолвие, — говорит епископ Феофан Затворник, — не всегда есть уединенный образ жития,

но непременно бывает состоянием, в коем внутри собранный и углубленный дух, огнем Духа Божественного возводится к серафимской чистоте и пламенению к Богу и в Боге».

Отец Серафим достиг уже этого состояния, и потому ему было безопасно возвратиться в обитель и идти дальше по пути живого богообщения... И казалось, будто, по существу, ничего не менялось. Но Бог усмотрел лучшее...

...Брат рассказал, как принял его батюшка. Отец-настоятель, может быть, узрел в этом молчании признак своей воли, велел послушнику в следующее воскресенье повторить ему решение собора. На этот раз о. Серафим благословил брата и вместе с ним пришел в монастырь. Это было 8 мая 1810 года, в день тайнозрителя и апостола любви Иоанна Богослова, и в канун великого чудотворца, многомилостивого святителя Николая. Первый сочетал в себе и высочайшее созерцание, и нежнейшую любовь к «деткам», «чадцам» — людям (1 Ин. 2:1; 4:4; 5:21).

А святому Николаю, когда он хотел уйти в пустынь, был глас Божий: «Иди в мир, и спасешь душу свою».

Не заходя в келью, о. Серафим направился в больницу, а когда заблаговестили ко всенощному бдению, он пришел в храм...

Весть об этом быстро распространилась среди братии: удивились, но и обрадовались они, что батюшка решился опять жить среди них.

На другой день преподобный причастился Святых Тайн, по обычаю, в больничной церкви, а оттуда

направился к отцу игумену Нифонту и получил от него благословение жить в затворе в своей монастырской келье.

Так начался новый, третий, монашеский подвиг его, продолжавшийся тоже почти 16 лет. Из них первые пять лет были затвором в полном смысле, а потом батюшка постепенно будет ослаблять его, чтобы служить людям.

Жизнь его и внутренне и внешне проходила приблизительно так же, как и в пустыньке. Разница лишь заключалась в том, что он уже никого решительно не принимал, ни с кем не говорил. Кроме того, он не мог уже по-прежнему заниматься здесь и физическим трудом, уделяя этому лишь малое время. И потому весь и всецело отдался только молитве, богомыслию, чтению Слова Божия и святых Отцов, освободившись от всяких иных забот и попечений.

— Малый волос смущает око, и малое попечение губит безмолвие, — говорят святые отцы. И это «безпопечение» и дано было затворнику. В келье его, кроме иконы и обрубка пня, не было ничего. Он для себя не употреблял даже огня. Питьем его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да кислую капусту. Все это доставлял ему живший рядом с ним по келье монах о. Павел.

«Затворник, — пишет автор дивеевской летописи, — чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном, и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном.

Покров, набрасываемый на лицо*, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые кукулем скрывали вид свой, *еже не видети суеты* (Пс. 118:37). Случалось так, что старец и вовсе не являлся брату, и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Впоследствии же, когда о. Серафим несколько ослабил строгость затвора и даже сокровенно иногда выходил в лес, то он по временам питался даже одною травою, как об этом сам он поведал потом, уже после затвора, дивеевской сестре Прасковье Ивановне, в постриге — монахине Серафиме.

Только что вступив в обитель, она 2 февраля, в день Сретения, получила от батюшки первое послушание: дважды в один день прийти к нему из Дивеева в Саров и обратно. Это составляло около 50 верст. Смутилась сестра, но, убежденная старцем, поступила по повелению его. Встретив ее в первый раз после ранней обедни, батюшка весело отворил ей дверь со словами: «радость моя»; потом, посадив ее отдохнуть, подкрепил частицами просфоры и святою водою и отослал обратно с большим мешком толокна и сухарей для обители. К вечеру она пришла во второй раз.

— Гряди, гряди, радость моя! — с восторгом приветствовал ее о. Серафим, — вот я накормлю тебя своею пищею.

И поставил перед нею большое блюдо пареной

* Таково было первоначальное назначение нынешнего клобука, а особенно — наметки на него. На Афоне и доселе наметка набрасывается отдельно на клобук и, при желании, может закрывать и верхнюю часть лица.

капусты с соком. Когда она начала есть, то ощутила необыкновенный вкус. В другой раз он велел ей работать в лесу и собирать дрова.

«Часу в третьем, — рассказывается в записи, — он сам захотел поест и говорит: «Поди-ка, матушка, в пустыньку: там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его». Сестра принесла. Батюшка посолил хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. А часть он отложил сестре Прасковье, но она не могла даже разжевать его — так он засох и зачерствел. И подумала: какое лишение терпит батюшка! А он прозрел ее мысль и сказал: «Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием: траву снить обливал горячей водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте».

Незадолго перед кончиной преподобный подробнее рассказал о своем постничестве: «Я сам себе готовил кушанье из снитки: я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку — славное выходило кушанье».

Я спросила его: как же зимой он ее кушал и где брал? Он ответил: «Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался. А братия удивлялись — чем я питался? А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал».

Нес преподобный и другие подвиги. Спал он мало. Сколько именно, не знаем, но, конечно, не более того, чтобы лишь не повредить «другу» — плоти в ее служении духу. Если он говорит, что даже в начале своего монашества спал четыре часа ночью (от 10 вечера до начала 2 утра), то теперь, можно думать, он отдавал

сну еще меньше, только бы «не повредить голове». Все это, к сожалению, покрыто тайною...

Предавался ли затворник каким-либо иным, чрезвычайным формам лишений и изнурения тела — неизвестно. Есть предание, о коем рассказывается в житии его дивеевского издания, будто он тайно носил и вериги тяжестью в 20 фунтов на груди и 8 — сзади и железный пояс, что еще более пригибало к земле его сгорбленную фигуру. И будто в морозное время он под железо подкладывал чулок или тряпку.

Но это точно не удостоверено. Таких вериг не осталось нигде. А по словам саровских старцев, о. Серафим носил в затворе на груди большой пятивершковый крест на веревке. Вероятно, это и дало основание говорить о веригах. Во всяком случае известно, что другим он впоследствии не советовал чрезмерных внешних подвигов. Вместо этого заповедовал духовную борьбу над собой и над своими душевными страстями.

Однажды — это было много лет позднее — к преподобному пришел какой-то босой странник из Киева, сопровождаемый саровским послушником. Старец в это время жал голыми руками осоку. Тотчас он велел привести странника. Благословив его и посадив обоих гостей возле себя, прозорливый о. Серафим сразу стал советовать босому посетителю оставить избранный им путь: прекратить богомоление, обуться и снять с себя вериги... А их под одеждою странника совсем не было видно... И нужно возвратиться домой: там ждут и тоскуют по нем жена, мать и дети.

«Мню, — добавил о. Серафим, — что весьма хорошо торговать хлебом, у меня же есть знакомый купец

в Ельце, тебе стоит только прийти к нему поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики».

Наставив еще странника, преподобный отпустил его с любовью.

На обратной дороге в монастырь богомолец открыл послушнику, что все так и было, как сказал прозорливый старец: прежде он занимался хлебной торговлею, потом из любви к Богу, но без благословения, решил бросить семью, выхлопотал годовой паспорт, надел вериги, скинул обувь и босиком начал ходить по монастырям, думая этим угодить Богу. Теперь он без сомнения узрел неправоту свою и послушается заповедей святого старца.

Послушник Иоанн (Тихонов) рассказывал про себя, что долгое время мечтал о ношении вериг для умерщвления тела и, наконец, достал их, но пошел сначала к о. Серафиму. Великий старец, увидев его, прозрел тщеславное намерение неопытного книжника, начитавшегося житий, и, улыбнувшись, сказал, прежде чем тот раскрыл уста: «Вот что я скажу тебе: приходят ко мне дивеевские младенцы и просят моего совета и благословения: один — носить вериги, а другие — власяницы, но как ты думаешь, по дороге ли их дорогого, скажи мне?»

Ничего не понимая, послушник ответил: «Я, батюшка, не знаю».

Отец Серафим повторил вопрос. Тогда тот уже догадался, что прозорливый старец о нем-то и говорит, и попросил у него благословения на вериги.

— Как же ты не понимаешь? Ведь я тебе об этом-то и говорю, — сказал о. Серафим. И далее объясняет неразумие и бесполезность этого подвига для таких неустроенных людей. — Многие из святых отцов носили вериги и власяницу, но они были мужи мудрые и совершенные; и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и покорения их духу. Но младенцы, у которых царствуют в теле страсти, противящиеся воле и закону Божию, не могут этого делать. Что в том, что наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, и пить, и есть столько, сколько нам хочется... Мы не можем и самонаименьшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслию и с завистью, указывая на других своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Из этого рассуди сам, как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни, и это все оттого, что мы мало очень рассуждаем и внимаем ей.

Обличенный послушник вериг не стал носить, но из монастыря Саровского все же ушел после. Фундамента не оказалось, то есть послушания.

Впрочем, известен случай, когда о. Серафим благословил пустынножизницу Анастасии Логачевой, в иночестве Афанасии, носить и вериги для умирения плотских похотей, когда ей было всего лишь около 23 лет. Она была потом основательницей женской Курихинской общины Нижегородской губернии.

А обыкновенно о. Серафим советовал вместо подвигов понуждение и упражнение в добрых делах. Вот что он сказал одному мирянину, который тайно думал о Киеве: «Укоряют — не укоряй, гонят — терпи, хулят — хвали, осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Божией, никогда не льсти, люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь, а если по-Божьему — обоих спасешь. Это подвиги больше, чем в Киев идти или и далее».

Занятие Словом Божиим во время затвора, естественно, было увеличено, так как труд нести было невозможно и, следовательно, оставалось свободное от молитв время.

«Вот я, убогий Серафим, — поведал он некоторым после, — прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна, в последние же дни разделяю Деяния и Послания апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтоб не прочитать Евангелия и Апостола дневного и Святому. Чрез это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, contenu в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному».

Этого правила он держался и впоследствии.

Читая Священное Писание, о. Серафим иногда вслух толковал Евангелие и Послания. Через дверь можно

было даже слышать это, и тогда братия и богомолцы подходили и услаждались его объяснениями.

А иногда неожиданно наступало молчание, не слышно было даже переворачивания листов. Святой затворник погружался в созерцание написанного.

В один из таких моментов он сподобился чрезвычайного восхищения, совершенно подобного тому, о коем пишет и святой апостол Павел (2 Кор. 12:1-5). Об этом событии о. Серафим поведал нескольким людям. Вот как записал один из них, послушник Иоанн (Тихонов).

Сначала преподобный долго говорил о святых пророках, апостолах, мучениках и преподобных, об их вере, подвигах, крестоношении, чудесах, и как они исполнением заповедей обрели благодать Святого Духа.

«Исполнение же заповедей Христовых, — говорил он, — есть бремя легкое, как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти, а для этого нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдание Господа нашего Иисуса Христа, который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестной. В то же время нужно очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением пречистых Тайн Тела и Крови Христовой».

После этого он обратился к слушателю и, желая приготовить дух его к восприятию события, сказал ему: «Радость моя! Молю тебя: стяжи мирный дух!» Затем советовал переносить скорби ради Царствия Небесного. «Без скорбей нет спасения, — говорил он не раз, — зато претерпевших ожидает Царство Небесное. А пред

ним вся слава мира — ничто». После этого преподобный и сообщил брату Иоанну* о чудесном видении.

«Вот я тебе скажу об убогом Серафиме! Некогда, — можно думать, что это именно было в период затвора, — читая Евангелие от Иоанна слова Спасителя: *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14:2), я, убогий, остановился на них мыслию и возжелал видеть сии небесные жилища. Пять дней и ночей провел я в бдении и молитве, прося у Господа благодати того видения. И Господь действительно, по великой Своей милости, не лишил меня утешения по вере моей и показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный (в теле или без тела, не знаю), видел неисповедимую красоту небесную и живущих там Великого Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отцев наших: Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого, Марка Фраческого и всех святых, сияющих в неизреченной славе и радости, каких *око не видело, ухо не слышало и на помышление человеку не приходило, но какие угодовал Бог любящим Его* (1 Кор. 2:9)».

С этими словами, пишет Тихонов, о. Серафим замолчал.

В это время он склонился несколько вперед, голова его с закрытыми очами поникла долу, и простертою дланию правой руки он одинаково (размеренно) тихо

* Кончил он жизнь в схиме с именем Серафима. О нем остались разноречивые сведения, особенно в связи с вмешательством его в жизнь Дивеевской обители. Но этому событию можно верить. Оно известно было и другим.

водил против сердца. Лицо его постепенно изменялось и излучало чудный свет, и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него, на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным Ангелом и небесным человеком. Во время таинственного своего молчания он как будто что-то созерцал с умилением и слушал что-то с изумлением. Но чем именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знает один Бог.

После довольно продолжительного молчания снова заговорил о. Серафим. Вздохнув, из глубины души, с чувством неизъяснимой радости он сказал мне: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголанная, там праведники просветятся, как солнце... Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам батюшка, и апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются праведных души?»

«Ты же, радость моя, — продолжал старец, — ради такого будущего блаженства с братьями стяжите целомудрие, храните девство, ибо девственник, хранящий

свое девство ради любви Христовой, имеет часть со Ангелы, и душа его есть невеста Христова, Христос же ей — Жених, вводящий ее в чертог Свой небесный. Но душа, в грехах пребывающая, есть как бы вдова нерадивая, а *сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5:6)».

Рассказывал он о том же и А. П. Еропкиной, вспоминая ей и святых мучениц, красоту святой Февронии и многих других, сияющих в неизреченной славе. «Ах, радость моя! — восклицал тогда он. — Там такое блаженство, что и описать нельзя».

«Лицо его, — записала потом она, — было необыкновенно... сквозь кожу у него проникал благодатный свет, в глазах же выражалось и спокойствие, и какой-то особенный душевный восторг. Надо полагать, что он, — даже во время этих описаний своих созерцаний, — находился вне видимой природы, в небесных обителях».

Такое сверхъестественное и дивное восхищение было лишь вершиною озарений о. Серафима. В меньшей же степени это возношение духа к Богу он переживал не только многократно, а почти непрерывно уже.

Величайшим утешением для него было святое причащение. Во все праздничные и воскресные дни Святые Тайны приносились ему после ранней обедни очередным священнослужителем из той же больничной церкви в келью, чтобы не нарушать его затвора. Тогда преподобный сверх обычного своего белого балахона надевал монастырскую мантию, холщовую епитрахиль и поручи. При появлении Святых Даров падал ниц и с трепетною радостью причащался.

В остальные дни ему приносили часть антидора, собственно, для него нарочно отделяемую.

Отдавал некоторое время затворник и трудам. В келье их заменяли ему земные поклоны: сколько творил их он, один Бог знает. А иногда сокровенно ночью он разрешал себе исходить из кельи, чтобы на свежем воздухе заняться каким-либо трудом.

Однажды брат, несший послушание монастырского будильщика, вставши ранее утрени, ходил близ соборного храма, где почивают приснопамятные отцы и пустынники саровские. И оттуда он в ночной тьме увидел перед кельей о. Серафима какого-то человека, который двигался быстро взад и вперед. Осенив себя крестным знаменiem, брат направился туда и увидел самого затворника. Чуть слышно произнося молитву Иисусову, он тихо, но быстро переносил поленицу дров с одного места на другое, ближе к келье. Обрадованный видением святого старца, послушник бросился к ногам его и, целуя их, просил благословения.

— Оградишь молчанием и внимай себе! — сказал ему батюшка. И, благословив счастливого наблюдателя, скрылся в свою келью.

Кроме этого, о. Серафим своими руками изготовил себе гроб с крышкой, выдолбив их из цельного дуба. И он всегда стоял у него в сенях, чтоб напоминать ему и другим о смертном часе. Около него особенно часто будет молиться преподобный пред кончиною своею. И после затвора не раз просил иноков: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе!»

Так потом и было сделано.

В таком строгом затворе святой Серафим провел пять лет, никого не принимая, ни с кем не беседуя

и даже никому не отворяя своей кельи, кроме как для Хлеба Небесного, и не всегда для пищи земной.

К концу этого периода, к монастырскому престольному празднику Успения Богородицы, приехал епископ Иона, впоследствии экзарх Грузии*. Желая видеть затворника, о коем молва давно уже доходила и до далеких покоев тамбовских архиереев, он в сопровождении игумена о. Нифонта и других лиц направился к келье о. Серафима. Постучались они, но ответа оттуда, по обычаю, не было. Сказано было через дверь, что старца хочет видеть Владыка, но о. Серафим, как и всегда, молчал.

Тогда о. Нифонт предложил снять дверь с крюков и таким образом против воли узреть затворника. Но епископ рассудил за лучшее отказаться от своего желания, добавив со страхом: «Как бы не погрешить нам!» И, оставив старца в покое, уехал из обители.

Затворник, опасаясь человекоугодничества, не изменил своего обета даже для епископа. А может быть, он духом прозревал в нем и нечто строптивое против себя, и маловерие в благодать Божию?..

Но дивны дела Божии: всего через несколько дней эти же двери раскроются, и не для монахов впервые, а для мирян...

Затворник выйдет на высший подвиг, выше которого уже нет на земле, — подвиг любви. (1 Кор. 13).

* Владыка Иона, по-видимому, тоже не вполне доверчиво относился к подвигам о. Серафима: известно, например, что, будучи членом Синода, он противился изданию первого жития преп. Серафима, несмотря на ходатайства самого митрополита Московского Филарета (см. письма его к архимандриту Антонию, ч.1, с. 383).

Глава VII

НА ВЫСОТЕ СОВЕРШЕНСТВА

Плодом столь долгих и чрезвычайных подвигов преподобного было бесстрастие, а оно, в свою очередь, является путем к вселению Духа Святого в сердце человека.

«Кто сподобился быть в сем устроении, то есть бесстрастии, — говорит епископ Феофан, затворник Вышенский, — тот еще здесь, облеченный брэнною плотию, бывает храмом живого Бога, Который руководит и наставляет его во всех словах, делах и помыслах, и он, по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас».

«И вот, наконец, Богообщение и Боговселение — последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге и Бог в нем. Исполняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы, как Он в Отце и Отец в Нем, так и всякий верующий едино был с Ним (Ин. 17:21)... Таковые суть — Храм Божий (1 Кор. 3:16), и Дух Божий живет в них» (Рим. 8:9).

«Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние апостолов».

«Богоявление же является источником множества других благодатных даров, и первое всего — пламенной любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: кто нас разлучит от Бога? (Рим. 8:35). А любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня Божественного».

«Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с разумом, то не все безмолвники оставляются в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие бесстрастия и чрез то удостоивающиеся преискренного Богообщения и Боговселения, изводятся оттуда на служение ищущим спасения и служения им, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в его безмолвии, изведший его на труды руководства других по пути спасения, и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими».

Это же самое теперь увидим мы и на богоносном Серафиме. Читая эти слова Затворника, подумаешь, будто они были списаны с живого лика преподобного, а между тем, они взяты с творений великих подвижников духа: святого Иоанна Лествичника (сл. 29 и 30), святого Исаака Сирина (стр. 138 и др.) и Добротолубия (Ш, V).

Это дивное единство есть не только очевидное свидетельство об едином одушевляющем святых Пресвятом Духе Божиим, но, безусловно, несомненное удостоверение правильности духовного пути всемирного светильника о. Серафима.

«Выше сего состояния апостольского мы не знаем на земле. Здесь и конец обозрению порядка Богоугодной жизни».

К этому концу, заключительному совершенству, и вызван был теперь «батюшка». И понятно, что с этого периода к нему особенно стало применимо это теплое и нежное слово отца родного, близкого «батюшки»... Началось отеческое духовное руководство.

Первый раз двери монастырского затвора отворились почти тотчас после отказа преподобного принять епископа Иону.

Может быть, не успел еще Владыка возвратиться в свой епархиальный город Тамбов, как оттуда же выехал в Саров правитель губернии Александр Михайлович Безобразов со своей женой.

Это было в сентябре 1813 года. Прибыв в обитель и помолившись в храме, муж и жена направились к келье преподобного. У сопровождавших губернатора и губернаторшу монахов не было надежды, чтобы миряне увидели старца: ведь он только недавно ответил молчаливым отказом даже монаху, архиерею своему. Но неожиданно случилось иное. Когда посетители подошли к келье о. Серафима, он сам отворил им дверь и молча благословил их.

Строгий затвор кончился. Почему поступил так преподобный, остается для нас тайною. Несомненно лишь, что батюшка действовал так по Божьей воле, которую он умел узнавать внутренним взором.

«Достижение совершенства, — говорит епископ Феофан Затворник, — слышат Божий глас явно в душе своей. На них начинается сбываться слово Господа: *Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16:13). И апостол Иоанн так же пишет: *...помазание (от Духа) в вас пребывает,*

и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас, но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте (1 Ин. 2:27)».

Впрочем, в житии преподобного (дивеевского издания) говорится, что святому Серафиму и на этот раз явилась Божия Матерь в сопровождении Онуфрия Великого и Петра Афонского и повелела не скрывать себя больше, а служить людям. С этого времени двери затворника сделались открытыми для всех. Началось старчество.

К сожалению, большинство записанных показаний относятся к позднему времени, к 1825 году, то есть когда он оставил уже затвор совсем. Но это не имеет существенного значения, и мы соберем более ценные его наставления, хотя данные им в разное время и в разных местах.

Сначала же опишем со слов очевидцев обстановку его кельи и способ приема посетителей. Вот что сообщает генерал Отрощенко, посетивший преподобного по пути в Москву:

«По благоговейному расположению своего духа, отчасти и по любопытству, а более всего по настоятельной просьбе жены моей, Натальи Михайловны, я решился заехать в Саров и поклониться преподобному затворнику». После ранней обедни он с женою в сопровождении монаха направился к келье о. Серафима.

«Ключ от общей двери (коридора) был у монаха, ведшего нас, ибо затворник никуда из своей комнаты, и даже в церковь, не выходил. Отворив эту дверь, вожатый наш, подойдя к двери затворника, сотворил

приветственную молитву, потом еще повторил ее два раза с прибавлением, что проезжающие хотят видеть о. Серафима, но ответа также не получил и сказал: «Не угодно ли вам самим отозваться?» Я отвечал, что не знаю, как должно отозваться. «Скажите просто: Христос воскрес, отец Серафим» (тогда была неделя святого Воскресения). Я подошел к двери и сказал то приветствие, но также ответа не получил. Я обратился к жене, которая держала в руках дары (свечи, масло и красное вино) и от благоговейного чувства дрожала, сильно кашляя (она была в первой половине беременности). Она сказала громко: «Ну, друг мой, знать, мы много напроказничали, что не хочет нас принять святой муж. Оставим же наш дар и с сожалением отправимся в путь». Мы уже хотели было идти, как вдруг отворилась дверь кельи затворника, и он, стоя в белой власянице*, подал нам пальцем знак идти к нему.

С первого взгляда на него объяло меня благоговейное к нему чувство. Он показался мне Ангелом, жителем небесным: лицо белое как ярый воск... глаза небесного цвета, волосы белые спускались до плеч... Мы вошли в его келью, и он тотчас затворил дверь и накинул крючок.

С прохода, с левой стороны, стояли кувшин и бутылки разной величины, пустые, с маслом и вином, а тут же — большая оловянная чаша с ложкой такого же металла; на левой стороне, к стене, навалены камни разной величины, с правой — поленья дров, и над ними, на жердочке, висели разные старые рубища;

* Разумеется, в подряснике.

в переднем углу, на деревянной полочке стоял образ Божией Матери* и пред ним теплилась лампадка. Окошки (2) были двойные и заброшены разным рубищем между рам до верхних стекол. При всей тесноте и неопрятности в маленькой этой комнатке воздух был совершенно чистый. От дверей к образу была только маленькая дорожка. Но где затворник спал — места не было видно**.

Затворив двери, он сказал нам: «Молитесь Богу! А ты, — обращаясь к жене, — зажги и поставь свечу пред образом». Но она так дрожала, что свечи не могла прилепить.

— Ну, оставь, я поставлю сам.

После этого о. Серафим достал из-под лавочки бутылку с вином, влил несколько в чашу, потом влил воды, положил туда несколько сухариков, взял ложечку и сказал: «Говорите за мною». Продиктовал исповедную молитву и начал нас угощать, давая то тому, то другому ложечкою. Вино было так кисло, что и вода не смягчала кислоты.

Жена мне шепнула, что она не может потреблять этого, потому что очень кисло. Я передал, добавив: «Она нездорова». «Знаю, — отвечал старец, — для того я и даю ей, чтобы была здорова». Дав нам по три раза, сказал: «Поцелуйтесь». Мы исполнили это. Тогда он, повернувшись ко мне, сказал: «Ты в тесных обстоятельствах, ты печален. Но помолись Богу и не скорби —

* «Умиления»; праздник сей 28 июля в день его мирского Ангела, св. Прохора.

** Спал он на этих камнях, или же сидя, или на коленях на полу.

он скоро тебя утешит». После сего он завернул несколько сухариков в бумажку и подал мне. Но я сказал ему: «Святой отец! У меня есть много знакомых, которые заочно вас знают и будут очень рады, если я доставлю им полученных сухариков». Он улыбнулся и прибавил сухарей, поблагодарив нас, что мы его навестили, и отпустил с благословением.

Слова, сказанные им мне и жене моей, оправдались: того же дня прекратились у ней кашель и рвота, а по прибытии в город Рязань я получил 5000 рублей денег, пожалованных мне императором Александром I за смотр при городе Пензе».

Или вот другие записи генерала Галкина-Враского с новыми умилительными подробностями:

«Будучи офицером, я посетил Саровскую пустынь и отправился по примеру других богомольцев за благословением к преподобному о. Серафиму. В коридоре его кельи холод был страшный, и я в военной шинельке дрожал от холода. Келейник его* сказал, что у о. Серафима в настоящее время находится монах, и он с ним беседует. А я, стоя в коридоре, молился Пресвятой Богородице. Дверь отворилась, монах вышел. И через несколько минут о. Серафим отворил дверь и сказал: «Какую радость Бог мне дает!» Ввел он меня в свою келью, а так как она была заставлена разными вещами, то он посадил меня на порог, а сам сел на пол против меня, держа мою руку, и ласково со мной говорил, даже целовал мою руку, — вот такая у него была любовь к ближним. Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге».

* Сосед по келье: особых келейников у него не было.

После долгих разговоров зашла речь о грудной болезни посетителя. Отец Серафим дал ему выпить деревянного масла. Болезнь кончилась навсегда.

Еще случай. Симбирская помещица Елизавета Николаевна Пазухина, посетив о. Серафима, хотела у него исповедоваться, но монах Дамаскин объяснил ей, что за многочисленностью посетителей это решительно неудобно-исполнимо. Однако, она всю ночь готовилась к исповеди у батюшки и просила об этом у Бога.

«Утром, на другой день, — сообщает она, — я отправилась к нему. И когда слуга мой отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца подле гроба. Увидев меня, он встал и ввел в свою келью, приказал перекреститься и трижды давал мне пить святой воды, сам поднося ее к губам моим, потом спросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей... После сего со страхом и благоговением, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить о своем желании исповедаться у него, говоря: «Святой Отец, позвольте мне сказать вам одно слово». Он отвечал: «Извольте, матушка!» И вдруг, к невыразимому моему удивлению и ужасу, а вместе и несказанной радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости им согрешения моя елика Ти согреших» и т. д. Я повторяла за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени. И он встал на колени подле меня и во все время чтения молитвы держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается на исповеди, он дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать

Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди с вами во всю жизнь вашу, в кончине и по успении вашем!» Я была вне себя от радости и целовала его руки».

Описанные картины относятся к более позднему времени. Вначале же, особенно в первые три года, преподобный еще продолжал свое молчаливство, хотя двери его были открыты: всякий мог входить и созерцать его, а он вел себя так, как бы никого с ним не было. Получив умиленное впечатление от такого бесстрастия и испросив благословение, посетители молча уходили. Но постепенно святой стал давать и наставления, и советы, и разрешение от грехов, мазал елеем из лампы, давал сухариков и т. д.

Богомольцы приносили ему дары: свечи, масло, иногда вино, которым он угощал с ложки приходящих. Свечи ставил пред иконами за принесших. Н. А. Мотовилов однажды задумался: какой смысл в этом горении свечей и лампад? Преподобный, прозрев его недоумение, сказал ему: «Я имею многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным (дивеевским сиротам) моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как по множеству имен я не смогу повторять на каждом месте правила где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу — за каждого по одной свече, за иных — за несколько человек — одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампаду и где следует на правиле помянуть их, говорю: «Господи,

помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кадила». И в Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: *Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону да возжигает предо Мною кадило во дни и в ночи, сия бо угодна суть предо Мною, и жертва приятна Ми есть* (Исх. 40:25)».

При этом угодник Божий наблюдал, как горят свечи.

«Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, — говорил он, — то у меня за сего человека горит свеча пред святою иконою. А если свеча падала, это было для меня знамением, что человек тот впал в смертный грех. Тогда я преклоняю колена за него пред благоутробием Божиим».

В таком затворе святой провел пятнадцать с половиной лет. Уже сорок восьмой раз прошел для преподобного в Сарове памятный праздник Введения Божией Матери. Наступило 25 ноября 1825 года, день «отдания» праздника. С этим отданием или окончанием его кончился и затвор преподобного. Божия Матерь вместе со святым Климентом, папою римским и святым Петром, архиеп. Александрийским, память коих совершается в тот же день, явилась в сонном видении о. Серафиму и разрешила ему совершенно оставить затвор.

Такова была новая воля Божия. Преподобный с «отданием» Введения завершил круг своего спасения, и теперь он должен угождать Богу через служение другим. Но монастырская обстановка для этого не всегда и не вполне удобна. Всякий монастырь живет своим

сложившимся уставом, наиболее приспособленным для большинства рядовых монахов. И всякое исключение, всякое нарушение быта и порядков обычно вносят расстройство не только во внешнюю жизнь обители, но и во внутреннее настроение иноков. Между тем, со времени открытия дверей затвора, посетители о. Серафима увеличивались более и более: иногда количество их доходило до тысячи и двух тысяч человек в день. Весь монастырский двор наполнен был народом, жаждавшим хоть увидеть святого старца или получить от него благословение, а уж побеседовать с ним считалось особым счастьем.

Вот как описывает позднее одну из подобных картин Н. Аксакова при выходе о. Серафима после ранней литургии:

«Все мы, богатые и бедные, ожидали его, толпясь около церковной паперти. Когда он показался в церковных дверях, глаза всех были устремлены на него... Он медленно сходил со ступеней паперти и, несмотря на прихрамывание и горб на плече, казался и был величаво прекрасен. Он шел молча, точно никого не замечая. Толпы народа, стоя двумя стенами, едва пропускали святого в полной тишине, желая хоть взглянуть на его благодатное лицо. А затем уже начинался прием людей в келье».

А что делалось здесь, рассказывает другая посетительница, потом преданная духовная дочь его А. П. Еропкина, о коей уже упоминалось выше.

Прибывши первый раз в обитель, она поразилась множеству богомольцев, двигавшихся между Успенским собором и тем корпусом, где была келья о. Серафима.

«Вмешиваюсь, — записала она потом, — в толпу народа из всякого пола, возраста и звания, сквозь них пробираюсь к крыльцу, куда все также стремились, с большим трудом втираюсь в сени и через отворенную дверь проникаю в самую келью о. Серафима. Он был чрезвычайно тесно сжат своими почитателями. Я, по примеру других, старалась приблизиться к нему и протянула ему свою руку для принятия благословения. Он, преподавая мне благословение и сухариков, сказал: «Приобщается раба Божия Анна благодати Божией». Каково же было тогда мое удивление, когда я в неизвестном мне месте услышала свое имя, а посмотрев о. Серафиму прямо в лицо, узнала в нем того самого старца, который предостерегал меня во сне от несчастного замужества. Но при нем ни на минуту нельзя тогда было остановиться, потому что следующие за мною люди отталкивали, чтобы им самим принять также благословение и услышать что-нибудь из уст его. Вытесненная в сени, я около стенки ощупала ногами несколько поленьев и, приподнявшись на них, стала через народ смотреть на о. Серафима... Вскоре заметила, что он как будто бы хочет прекратить прием к себе народа, потому что стал всех выпроваживать, говоря с кротостью: «Идите с миром». При этом сам ближе подвигался к отворенной двери, рядом с которой я стояла. Взявшись за скобу двери одною рукою, другою неожиданно он ввел меня к себе в келью и, ни о чем не спрашивая, прямо стал мне говорить: «Что, сокровище мое, ты ко мне, убогому, пришла? Знаю: скорбь твоя очень велика, но Господь поможет перенести ее». После этих и других утешительных слов он велел мне

отговорить у них, исповедаться у старца Илариона (духовника обители) и приобщиться Святых Тайн».

И это совершалось каждый день — от ранней литургии до 8 часов, а затем — до полуночи.

Игумен Нифонт однажды сказал в недоумении и смущении: «Когда о. Серафим жил в пустыни, то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил, а теперь стал принимать к себе всех так, что мне до полуночи нет возможности закрыть ворота монастырские».

И становится понятным отчасти, что настоятель монастыря стал беспокоиться от наплыва людей, так как на его обязанности лежала забота не только о внешнем благочинии, но и о душевном мире братии. Между тем, многие из них начали даже соблазняться происходившим: иным стало беспокойно от суеты и молвы, которую вносили миряне; другие смущались присутствием женщин, все время толпившихся во дворе и по монастырскому коридору; третьих приводило в недоумение поведение затворника — в церковь не ходит, а в келье с народом; четвертых раздражало само учительство, может быть, даже и не без зависти к преподающему.

Один монах говорил о. Серафиму:

«Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты пускаешь к себе всех без различия».

В ответ ему смиренный старец сослался на пример преп. Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников, и добавил: «Положим, что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинять меня Богом

отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалию пойдут домой. Какое оправдание я могу тогда принести Богу на Страшном Суде Его?»

Прежде пустынный совсем иначе решал это недоумение, когда испрашивал у о. Исаии благословение запретить вход женщинам на его «Афонскую гору». Но то было еще на пути восхождения к бесстрастию. Ныне же пришло время излучения стяжанной им благодати. Но то, что ясно было святому, нелегко было понять и принять рядовым инокам, для того и ушедшим в монастырь, чтобы отрешиться от мира. А теперь сам мир врывается за о. Серафимом в пустыню.

— Тобою некоторые соблазняются, — сказали ему.

— Я не соблазняюсь, что многие пользуются, а другие соблазняются, — ответил спокойно старец.

Упрекали его даже за помазание елеем из лампады. Таким преподобный говорил: «Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?»

Но особенно стали соблазняться о. Серафимом, когда он принял на себя близкое попечение о Дивеевском монастыре. За ним даже стали следить. Монахиня Евпраксия об этом рассказывает следующее: «То всем уже известно, как не любили саровцы за нас батюшку о. Серафима: даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много, много делая ему огорчения и скорби! А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся, и часто сам, зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал нас и снабжал всегда с отеческою заботой,

спрашивая: «Есть ли все? Не надо ли чего?» Со мною, бывало, да вот с Ксенией Васильевной (монахиней Капитолиною) и посылал — больше меду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут: пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то поднял, инда крякнул, и говорит: «Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся!» А в ту пору в Сарове стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братиею больно скорбели на батюшку, что все дает-де нам, посылает. И приказали солдатам всегда караулить да ловить нас, особенно же меня — им указали... Только подошла я к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня к игумену в сени: его звали Нифонтом, он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас еще пуще. Сурово так приказал он мне развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все, а там старые лапти, корочки, сломанные отрубки да камни разные, и все-то крепко так упихано.

— Ах, Серафим, Серафим! — воскликнул Нифонт. — Глядите-ка, вот ведь какой: сам-то мучается, да и дивеевских-то мучает. — И отпустил меня».

А однажды о. игумен счел нужным даже прямо сказать преподобному по поводу этих соблазнов. Это было так. Старец шел из пустыньки в монастырь. Его встретил о. Нифонт и начал говорить, что братия смущаются им: «Особливо тем соблазняются, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам дивеевским».

Выслушав это, о. Серафим упал ему в ноги, а потом со смиренным духом, но внушительно сказал: «Ты — пастырь: не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно, и посох как бич — для всех страшен».

Отец Нифонт умолк и оставил все по-прежнему. Однако впоследствии, по наговорам на преподобного, от Тамбовской консистории пришел указ произвести над о. Серафимом следствие, которое и было поручено тогдашнему казначею, впоследствии настоятелю обители, о. Исаии II. Ничего преступного, конечно, найти не могли... Но не могли и понять высоты бесстрастия святого: это для нас, грешных, слишком высоко.

«Бесстрастный ко всем предметам, возбуждающим страсти, — пишет епископ Феофан Затворник, со слов святого Иоанна Лествичника, — стал нечувствителен так, что они никакого действия на него не производят, хотя находятся пред очами его. Это оттого, что он весь соединен с Богом. Приходит он в блудилище, и не только не чувствует движения страсти, но и блудниц приводит к чистому и подвижническому житию» (Лествица, сл. 29).

Но где же понять это нам, страстным! Всякий смотрит из собственного окна грешной природы своей, и в других видит то, что ему самому знакомо.

В Сарове работал лихачевский крестьянин Ефим Васильев. Однажды, подходя к пустыньке, он увидел, как о. Серафим беседовал с молодой девицею, лет 16, хорошо одетою, и подумал про себя: «О чем это батюшка так беседует с нею? Какие еще наставления идут к ее возрасту?»

Когда же он подошел ближе, прозорливый старец мирно сказал ему: «Я ко всему мертв, а ты что думаешь?»

Соблазнившийся упал ему в ноги, прося прощения. «Успокойся, – сказал батюшка, – и больше не повторяй».

...Да, он был уже мертв, но не могли вместить его живые. Понимая это, о. Серафим, по указанию Божией Матери, и решил оставить затвор, чтоб в пустыньке свободнее делать свое апостольское дело спасения души, а в частности устройство «удела Божией Матери» — Дивеева.

А кроме того, пустынь была нужна и ему самому для отдыха от бесчисленных посетителей и для молитвенного уединения.

И вот утром 25 ноября о. Серафим вышел из своей кельи и направился к настоятелю за благословением удалиться по-прежнему в дальнюю свою пустыньку. Отец Нифонт благословил. И старец направился в лес.

В двух верстах от обители был родник, называвшийся «Богословским», по имени святого Иоанна Богослова, икона которого стояла над ним. А в четверти часа ходьбы от него стояла келья пустынника о. Дорофея, лишь два месяца тому назад скончавшегося. На пути сюда совершилось чудное видение. Вот как рассказывается о нем в записках Мотовилова*:

«Когда, 1825 год, 25 ноября, как это сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим постоянно говорил, пробираясь по обычаю сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустыньке, увидел он ниже того места, где был Богословский колодезь, и почти

* Сохраняем подлинный текст, хотя и недостаточно правильный и вразумительный.

близ берега реки Саровки Божию Матерь, явившуюся ему тут, а дальше и позади Ее на пригорке двух апостолов: Петра, верховного апостола, и евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь ударила землю жезлом так, что вскипел из земли источник фонтаном светлой воды». А затем Она дала ему указания об устройении Дивеевской обители — о чем будет написано далее.

На месте же, где стояли пречистые стопы Ее и где от удара жезла Ее вскипел из земли источник и принял целебность на память будущих родов, о. Серафим решил выкопать колодезь. Воротившись в монастырь, он захватил потребные орудия и в течение двух недель занимался копанием земли, постройкой сруба, обкладыванием его камнями. Оттого этот колодезь и прозван был «Серафимовым».

Преподобный после сам говорил монаху Анастасию, что он молился о том, чтобы «вода сия в колодце была целительной от болезней». «И Божия Матерь, — добавлял он, — обещала дать водам онаго большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимския».

И действительно, множество чудес совершалось от этой святой воды. Первое исцеление произошло через две недели, 6 декабря. К о. Серафиму в этот день пришли из Дивеева две сестры — Прасковья Степановна и отроковица Мария Семеновна. С ними он и отправился к дальней пустыньке. Дорогою батюшка объяснил им, что уже 12 лет прошло, как он открыл свой затвор для приходящих, но не ходил еще этими дорогами ему местами. Дошли до колодца. Батюшка рассказал им о нем. Прасковья Степановна была больна, все кашляла.

— Зачем ты кашляешь? Брось, не надо!

— Не могу, батюшка! — ответила она.

Тогда о. Серафим зачерпнул из источника своею рукавичкою воды и напоил сестру. Болезнь сразу и навсегда исчезла.

Дальше отсюда они пошли к дальней пустыньке. Но, увы! Слишком далека она была для слабых и больных ног глубокого старца, и потому он сначала основался в освободившейся келье о. Дорофея. А весною 1829 года начал заниматься прежними работами на огороде возле Богословского колодца. Здесь был ему выстроен небольшой сруб, вышиною и длиною в три аршина, шириною в два, без окон и дверей, так что влезать в него нужно было по земле из-под стены. Сюда и укрывался преподобный и от людей, и от непогоды. А через год ему поставили новую келью с дверями, но тоже без окон. Внутри была печь. Между нею и стеною находился тесный промежуток, где мог помещаться один лишь человек стоя. В углу кельи и за печью висели иконы с лампадами во тьме. Это и есть «ближняя пустынька» преподобного. Она теперь делается главным местом общения его с посетителями.

Часа в четыре утра, а иногда и с двух часов ночи, батюшка выходил из монастыря и шел к новому жилищу, где проводил время до семи-восьми часов вечера, когда возвращался опять в обитель. В воскресенье и праздничные дни он по-прежнему причащался Святых Тайн в своей монастырской келье, находясь таким образом еще как бы в полузатворе. Но скоро ему пришлось оставить и его.

Братия стали смущаться: почему затворник принимает людей и в келье, и в пустыньке, а в храм к ним не ходит даже для Причащения Святых Тайн? Об этом написано было Тамбовскому епископу, преосвященному Афанасию, и от него пришло распоряжение, чтобы о. Серафим отныне причащался Святых Тайн в храме. Беспрекословно подчинился этому святой старец, добавив: «Хоть бы на коленочках пришлось мне ползти для исполнения послушания, но все-таки не оставлю приобщаться Животворящих Тайн Тела и Крови Христовой».

Так промысел Божий все более вводит его теперь в общение с людьми, нуждающимися в его слове, благословении, утешении и даже — в одном лишь видении святого лика его.

И теперь каждый праздник богомольцы могут его зреть в храме святых Зосимы и Савватия и оттуда провожать в келью.

Когда же он проводил время в ближней пустыньке, народ устремлялся к нему туда. Переменилось лишь место, а картина оставалась почти та же, что и в монастыре, только народу было здесь меньше. А иногда старец совсем скрывался.

«В пустыни, в лесу, — пишет одна паломница, — преподобный принимал, сидя на завалинке своей убогой хижины. Иных он вводил в свою келью и молился там с ними пред образом Богоматери. Творил он также молитву и в лесу пред ликом Богоматери, поставленным им на вековой сосне. Вместе с о. Серафимом молились коленопреклоненно и все богомольцы. Чудная картина!»

«Стоя пред дверью лесной своей хижины, — говорит Н. Аксакова, — старец тихо крестился, продол-

жая свою молитву, свое немолчное молитвословие... люди не мешали ему, как не мешали непрестанной его беседе с Богом ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни день, ни ночь. Молился и народ».

Или вот что пишет другой богомолец, пришедший к нему с женою:

«Мы нашли старца на работе: он разбивал грядку мотыгою. Когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положив на мою голову руку, прочитал тропарь Успению Божией Матери: «В рождестве девство сохранила еси...» Потом он сел на грядку и приказал нам тоже сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и так слушали его беседу».

Иногда преподобный, ища большего уединения, уходил в свою прежнюю дальнюю пустыньку, но и там находили его люди. Впрочем, иным он сам заповедовал приходить именно туда. Особенно же батюшка заботился теперь об устройении Дивеевской обители. Поэтому часто можно было застать у него сестер оттуда. Они у него нередко и работали. Бывали даже случаи, что и ночевать оставались там в его пустыньке, а сам он уходил по обычаю в обитель. Этим тоже смущались немощные души.

«Уж на что был свят батюшка-то Серафим, угодник Божий, — повествует старица Ксения Кузьминична, — а и на него гонения были. Раз пришло нас семь сестер к батюшке, работали у него целый день, устали и остались ночевать в пустыньке. Часу эдак в десятом увидала наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя фонарями — и прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исаия, и поскорее навстречу им отворили

мы дверь-то. Взошли они, не бранили, ничего, оглядели только нас зорко, и молча чего-то все искали и приказали нам тут же одеться и немедленно идти прочь».

Сестры отправились в Саров в монастырскую гостиницу.

«Как в два часа ударили к утрени, наша старшая и пошла к батюшке в келью, все ему и рассказала. Батюшка все хорошо знал, но и виду даже не подал, а еще как будто на нас же оскорбился: «Это, — говорит, — оттого, что дурно вы себя держите!»

И тут же отослал нас в обитель (Дивеево). И вот так-то, как ни покрывал их (саровцев) батюшка, а знали все, что много, много претерпевал он ото всех за то, что нас привечал».

Но, не взирая ни на что, люди все больше и больше шли со всех сторон. Слава о нем ходила уже по всей России. И богомольцы всякого звания и состояния текли в Саров и пустыньки: и богатые, и бедные, и ученые, и простые, и монахи, и священники, и взрослые, и дети стремились к святому батюшке. Между другими, в 1825 году, посетил его и великий князь Михаил Павлович. Существует предание, что около этого же времени был у него и государь Александр I, пробираясь в Сибирь под видом простого богомольца, и испросил у него благословение на тайный подвиг в неизвестности, в коем и скончался под именем «Федора Кузьмича».

Но ближе всех к старцу были его «сироты» — дивеевские сестры. Между прочим, они тоже удостоились видеть чудную картину — святого старца с медведем.

«Однажды, — рассказывает старица Матрона Плещеева, — по слабости здоровья и вражескому искушению

я пришла в великое смущение и уныние, и решилась совершенно уйти из обители тихонько, без благословения — до такой степени трудным и несносным показалось мне это послушание».

Она была на кухне.

Отец Серафим, прозрев духом ее искушение, послал сказать ей, чтобы она пришла к нему в монастырь.

«Исполняя его приказание, я отправилась к нему по окончании трапезы, и всю дорогу проплакала. Это было на третий день после Петрова дня». Батюшка, взяв ее за обе руки, ввел в свою келью, говоря: «Вот, радость моя, я тебя ожидал целый день».

После этого «утер мои слезы своим платком, говоря: «Матушка, слезы твои не даром капают на пол». И потом, подведя к образу Царицы Небесной Умиления, сказал: «Приложись, матушка, Царица Небесная утешит тебя».

Я приложилась к образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась.

«Ну, матушка, теперь ты поди на гостиницу, а завтра приди в дальнюю пустыньку», — сказал он мне. Я так и сделала... Подходя к дальней пустыньке, вдруг увидела я, что о. Серафим сидит близ своей кельи, на колоде, и подле него стоит ужасной величины медведь.

Я так и обмерла от страха, закричавши во весь голос: «Батюшка, смерть моя!» — и упала.

Отец Серафим, услышав мой голос, удалил медведя и махнул ему рукою. Тогда медведь, точно разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда ему махнул старец — в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от страха, и даже, когда подошел ко мне о. Серафим со словами:

«Не ужасайся и не пугайся», — я продолжала по-прежнему кричать: «Ой, смерть моя!» На это старец отвечал мне: «Нет, матушка, это не смерть, смерть от тебя далеко, а это — радость».

И затем он повел меня к той же самой колоде, на которую, помолившись, посадил меня и сам сел. Не успели мы еще сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к о. Серафиму, лег у ног его. Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что о. Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткою овечкою, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собою в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верою. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого старца: оно было радостно и светло, как у Ангела. Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок и велел самой покормить медведя. Но я отвечала: «Боюсь, батюшка, он и руку-то мне отъест!», — а сама между тем радовалась, думая про себя: если отъест мне руку, то я не в состоянии буду тогда и стряпать.

Отец Серафим посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Нет, матушка, верую, что он твоей руки не отъест!»

Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне, грешной, за молитвы о. Серафима. Видя меня спокойною, о. Серафим сказал мне: «Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому

Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь, а о чем же нам унывать? Вот если бы я взял с собою ножницы, то и остриг бы его в удостоверение. Богом тебя прошу, матушка, не унывай никогда и ни в чем, но всегда подражай смирению преподобной Исидоры: она в монастыре была в последних у всех, а у Бога — первая, потому что не гнушалась никаким послушанием».

Я еще подумала: вот как я буду рассказывать сестрам об этом дивном чуде!

А о. Серафим на мои мысли отвечал:

«Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

Впоследствии, точно через 11 лет, сестра Матрона впервые рассказала все крестьянину Ефиму Васильеву, занимавшемуся тогда уже живописью и рисовавшему портрет о. Серафима.

В другой раз свидетельницами такого же чуда были настоятельница Александра с сестрою Анною.

«Не заходя в монастырь, мы, — пишет она, — отправились прямо в дальнюю пустынь старца и, подходя к ней, видим батюшку, сидящего на отрубочке... Вдруг... выходит из лесу огромной величины медведь на задних лапах... Руки у нас похолодели, в глазах потемнело.

Старец же сказал:

«Миша, что ты пугаешь сирот? Ступай-ка лучше назад, да принеси нам какое-нибудь утешенье, а то мне теперь нечем их и попотчевать».

Медведь двинулся назад и ушел в лес... Часа два прошло с тех пор в сладкой беседе с о. Серафимом в его

келье, как вдруг снова является этот же самый медведь, ввалился в келью и рывкнул. Старец подошел к нему:

«Ну, ну Миша, давай-ка, что ты нам принес». Медведь, встав на задние лапы, подал о. Серафиму что-то завернутое в листья и чем-то опутанное. Оказалось, что в свертке был самый свежий сот чистого меду. Старец взял от него мед и молча показал ему рукою на дверь. Дикий зверь как будто поклонился, и старец, вынувши из своей сумочки кусочек хлеба, подал ему, и он снова ушел в лес».

Были сестры свидетельницами и других событий. «Велика же была вера сестер в силу молитв батюшки о. Серафима, — говорит автор летописи, — и многих современников она удивляла. Больная мать Каллиста рассказывала такой случай. Однажды ехали они на саровскую мельницу, и вдруг лошадка споткнулась, упала и ногу свихнула так, что не могла уже встать. Сестры напугались: не знали, что делать с возом и как домой вернуться? Заплакали и закричали: «Батюшка Серафим! Помоги нам!» На этот крик и плач подошли монахи, и один из них так ударил лошадку, что она вскочила, нога у нее хрустнула, и сустав встал на место, так что в одну секунду все прошло. Другой монах, смотря на случившееся, произнес: «Ну, братия, у нас нет такой веры, как у монашенок. Как они закричали: «Батюшка Серафим, помоги нам!» — вот он и сотворил чудо: помог им, по вере их».

Много необыкновенного, поразительного, почти невероятного для ума человеческого совершилось чрез Божия старца в деле устроения Дивеевского монастыря. Но об этом расскажем дальше. А сейчас упомянем

лишь об одном небольшом, но чрезвычайно важном сообщении дивеевской сестры Варвары, которое свидетельствует о совершенстве, святости, богоподобности угодника.

«Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустыньку, — рассказывает она, — а у него на лице мухи, и кровь ручьем бежит по щекам! Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: «Не тронь их, радость моя: всякое дыхание да хвалит Господа». Такой он терпеливец!»

Но не в терпении было тут главное дело, а в жалении всякой твари Божьей, что, по словам святого Исаака Сирина, является признаком совершенства.

Однако, несмотря на это достигнутое бесстрастие и высоту, преподобный и теперь не переставал нести подвиги: возвращаясь из ближней пустыньки в обитель, он вкушал здесь пищи немного, да и то один раз.

«Сон же его, — пишет один жизнеописатель, — всегда был непродолжителен, а в последние годы своей жизни о. Серафим особенно подвизался против ночного покоя. Иноки, посещавшие святого подвижника, заставляли его иногда спящим то в келье, то в сенях в разном положении: иногда он спал сидя на полу, приклонившись спиною к стене и протянувши ноги; иногда преклонял голову на обрубок дерева или на камень; иногда повергался на бывших в его келье поленьях и мешках с песком и кирпичами.

По мере приближения к смерти преподобный стал спать в таком неудобном положении, что страшно и представить, а смотреть без ужаса было невозможно: он становился на колени и спал лицом на полу на

локтях, поддерживая голову руками. Нельзя не изумиться тяжести такого подвижничества!»

Преподобный Серафим «томил томящего» даже и тогда, когда сил человеческих не хватало.

...Воистину дивны и непостижимы святые Божии люди!

Им только можно изумляться, поклоняться, и славословить Бога, дающего такую неизмеримую благодать свою человеку*.

* Мы уже не раз упоминали о прискорбном отношении некоторых братьев Саровских, и, в частности, самого игумена о. Нифонта, к дивному угоднику Божию. Намеренно мы не скрыли и этих искушений, неизбежных на пути святых.

Впрочем, не для похуления соблазнявшихся написали о том: подобные смущения для нас понятны. Наоборот, непостижимы уму святые. И много спустя после смерти о. Серафима молва о непонимании и недоразумениях между саровцами и о. Серафимом все еще ходила в предании. В 1848 году монастырь посетил известный паломник по святым местам и писатель А. Н. Муравьев. Удивленный этими сообщениями, он обратился к тогдашнему игумену Исаии II с недоуменным вопросом: как объяснить такое странное отношение к святому?

«Бывают иногда, — сказал о. настоятель, — по тайному попущению Божию некоторые недоумения и между людьми самыми святыми, как о том читаем в их житиях... А я знаю, что предместник мой (игумен Нифонт) был исполнен к нему (о. Серафиму) искреннего глубокого уважения».

Тогда еще не всем было ясно, что к нему нужно было относиться не с уважением лишь, а с трепетным поклонением как к величайшему угоднику Божию, дивному даже и среди святых всего мира. Это все открывалось постепенно, в течение целого столетия.

Поэтому не будем строго судить тех, которые не могли еще отрешиться от человеческого воззрения на своего современника. Предоставим сие Богу. Мы же с молитвою будем поминать и их имена среди отцов, братии и друзей святого угодника Божия: Пахомия, Исаию II, Иосифа, Марка Молчальника, духовника Илариона, епископа Воронежского Антония, сонма подвижников и подвижниц дивеевских. Молитвами всех их помилуй и нас, Господи, грешных.

Глава VIII

ДИВНОЕ ОТКРОВЕНИЕ МИРУ

Но самое дивное, самое поразительное, воистину сверхъестественное наставление, а правильное и точнее сказать Божественное откровение, дано было богоносным о. Серафимом в чудесной беседе с Н. А. Мотовиловым*.

Это откровение имеет, несомненно, мировое значение. Правда, оно не дает чего-либо существенно нового для христианина, ибо вся полнота дана была с самого

* Самое открытие рукописи Мотовилова представляется большим чудом. Очень долгое время, около 70 лет, эта ценнейшая рукопись находилась не только под спудом, но и в полном забвении, ей грозила даже опасность истребления, ибо она была уже брошена и в числе разного хлама валялась на чердаке, покрытая слоем птичьего помета. Здесь она и найдена чудесно С. А. Нилусом, известным автором книги «Великое в малом». В благоговейных поисках каких-либо крупниц о житии великого Серафима Нилус копался в чердачном хламе и уже терял надежду что-либо здесь найти — перед ним были грязные листы разных хозяйственных записей. Точно по внушению свыше, одна тетрадь, очень неразборчиво написанная, привлекла его внимание. Он установил, что это записки Мотовилова, и таким образом открыл их миру.

Записки найдены в 1902 г., а напечатаны в «Московских Ведомостях» в 1903 г., почти одновременно с открытием мощей преподобного Серафима.

дня Пятидесятницы апостолам, но для нашего духовно ослабевшего века, забывшего самое основное в христианской религии и погрузившегося во тьму пустой суеты или внешнего, обрядового исполнения «подвигов», откровение о. Серафима является событием чрезвычайнейшим, как он и сам смотрел на это. «Не для вас одних дано вам разуть это, — сказал в заключении откровения о. Серафим, — а чрез вас для целого мира!»

Точно молния озарила эта дивная беседа весь мир, уже погрузившийся в духовный сон и смерть, менее чем за столетие борьбы против христианства в России и на закате его в западном мире.

Здесь угодник Божий является пред нами ничуть не менее великих пророков Божиих, чрез коих гласил Сам Дух Святой.

Приводим все дословно без всяких толкований своих.

«Это было, — пишет Мотовилов, — в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточках.

«Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали».

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

«Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определенно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не только в делании их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божия. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается,

однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языке бояйся Бога и делай* правду приятен Ему есть».

И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делай правду» до того приятен Богу, что Корнилию, сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иопию к Симону Усмарю, тамо обрящещи Петра и той ти речет глаголы живота вечного, в них спасешься ты и весь дом твой». Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святого, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель дает средства на их осуществление. За человеком остается осуществить их или нет. Вот почему Господь сказал евреям: «Аще не бысте ведали, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное, и только на веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что

* Бояйся и делай — боящийся и делающий (Изд.).

добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святого и притом как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие. Так и в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божия».

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он. — Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег?

Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется куплею и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупающе время, яко дние лукави суть», то есть выгадывайте время для получения

небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа.

В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не достало елея, сказано: «Шедше купите на торжище». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильное. Какой же у них недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, но все же девами называются? Ведь девство — наивысочайшая добродетель как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей.

Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божия не доставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де, добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они, и сколько именно приносят благодать Духа Божия, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово».

Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих

в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая — Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая — собственная своя, человеческая то есть, если не пагубная, то и не спасительная, и третья — бесовская, вполне пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая, собственная воля наша, научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг, научает творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святого как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святого, собственно, и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святого, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется же Троическим единством священнотайне».

Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «Вселюся в них и похожду и буду им в Бога, и ни будут в людие

Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с ним в чертог радости. Юродивые же, видевшие, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище да купили елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая чрез них благодать Всесвятого Духа Божия, претворяющая оныя от сего в сие, то есть от тления — в нетление, от смерти душевной — в жизнь духовную, от тьмы — в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку», — разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью! О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божиим. «В чем застану, в том и сужу», — говорит Господь.

Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет? Вот почему сказано: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть», то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо

бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она всегда в руках наших как оружие для стяжания благодати Духа.

Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику.

Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда он ото всей души возносится, судите по следующему примеру священного предания: когда по просьбе отчаявшейся матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не меня ради, грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!» И воскресил его Господь.

Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее

всего всякому исполнять. Блаженны будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Его Святого Духа. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облаках, в сретение Господа на воздусе, грядущего со славою и силою многою судити живых и мертвых и воздати коемуждо поделом его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающим, всякие благодати и небесные и земные? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать устаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего ж и молиться тогда Ему: «Приди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его Святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйста, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему,

а он все-таки меня зовет. Так-то и до Господа Бога Духа Святого относится. Потому-то и сказано: «Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», то есть явлюсь и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными.

Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть, что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя от них при молитве необходимо упраздниться, но, когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться.

Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит при том быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божия на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое» и в общении с Ним не может войти никтоже от скверны, плоти и духа».

— Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

«Стяжевайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божия пост — поститесь; более дает милостыня — милостыню творите; и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда я не был еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитесь», — но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», — то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «Да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых

и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть в ящем приобретении обильнейших даров Духа Святого.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали про себя: в Духе ли Божиим вы обретаетесь или нет? И если в Духе, то благовословен Бог, не о чем горевать: хоть сейчас на Страшный Суд Христов. Ибо, «в чем застану, в том и сужу». Если же нет, то надобно разобратъ, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов надобно так нападать, покуда и прах их возьмется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я и не возвращусь, дондеже скончаются; скорблю их, и не возмогут стати; падут под ногами моима».

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святого требующим по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во свете всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятого Духа Божия? Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает; богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более

приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самарянке: «Пий от воды сей возжаждет вновь, а пий от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет вовеки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

«Мы в настоящее время, — отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общению человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными свидетельства Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в рай», или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Антиохию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны. Неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того

ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так, Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?», то есть как-де, я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих.

Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога, и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или что то же — явная благодать Духа Святого, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святого люди не во сне видели и не в мечтаниях, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въявь.

Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Многие толкуют, что когда в Библии говорится: «Вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной», — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа

человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершенен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим, живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне почивающего, и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как бы ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святого, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святого внутри не имущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и бысть «Адам в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам был сотворен до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него,

как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того премудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли когда-нибудь на земле будет человек премудрее и многозначительнее его. Когда Господь повелел ему нареци имена всякой твари, то каждой твари он дал на язык такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении.

Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь Господа, ходящего в рай, и постигать глаголы Его, и беседу святых Ангелов, и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу и всемогущество и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раю, насажденном Им посреди земли.

Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог насадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего Дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил и плоти, души и духа и не-

престанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла, преждевременно и противно заповеди Божией, узнали люди различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступлением заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен».

Однако, это не значит, чтобы Духа Божия вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а появлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относящиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним; Ной беседовал с Богом; Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святого Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божия или Ангелов и отличать действия Духа Святого от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчис-

ленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силою, как в народе Божиим, но проявление Духа Божия действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекали себя на девство, хотя для Бога неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Мировладельца, каковым Его и язычники признавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбивому исканию не непричастными Духу Божию, ибо сказано: «Языки неведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском народе священном, Богу любезном народе, и в язычниках, не ведающих Бога, а все-таки сохранилось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мире.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа

Святого понимания, не было бы людям нипочем возможности узнать в точности — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божия 300 лет, потом на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фаунилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божиим и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по Воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятого Духа Божия. Но мало сего, — ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу: аще же бо не идет Он, то Дух Божий не придет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу,

то после Его в мир и Он Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать.

И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святого в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах, причащающихся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую, огневдохновительную благодать Духа Святого, когда подается она нам, всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных Святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранильницы этой благодати. Говорится: «печать Дара Духа Святого». На что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святого, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле: что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить.

И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными

и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятого Духа Божия и делаемся в много-различных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческое, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а чрез добродетели Христа ради — к приобретению Духа Святого, внутри нас действующего и внутри нас Царствие Божие устрояющего. Слово Божие недаром говорит: «Внутрь вас есть Царствие Божие и нужно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут яко багряное, то яко снег убелю их».

Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и «финицы в руках их» как знамение

победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуйя». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доньне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам вечное и неоскудеваемое спасение наше в напутие живота вечного, в ответе благоприятен на страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небес, денница. Хотя враг и диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святого, священнотайне вселяющегося в сердца

верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует с Ним всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очесь и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живой и веруяй в Мя не умрет вовеки». Имеющий благодать Святого Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе и живот бе свет человеком» и прибавлено: «И свет во тьме светит и тьма его не объять». Это значит, что благодать Духа Святого, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетле-

ния, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею и как распознать ее и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Святого Духа есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть, благодать Духа Святого, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святого, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих.

И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освещал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его, блещущия яко

снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, — сказано, — осени их». И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее».

— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум...» Да беда-то вся наша в том, что сами-то не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания и притчи сия не разумеете ли...» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет; и проникнутые им, видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что их дело свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам», и только на этих основаниях и предлагали свои послания, как истину

непреложную, на пользу всем верным, — так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божия... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуть Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтоб я понял это хорошенько.

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божия, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную

к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше как мать чадолубивая, по предстательству Самой Матери Божией. Что же, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не бойтесь: Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпавшую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня

о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо, — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил бы свое, но яко же избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете — «мир, — по слову апостольскому, — всяк ум приимущий». Таким его называет апостол потому, что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим...

— Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я. — И он продолжал: — Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разлива-

ется по всем жилам нашим неизреченным улаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же вы еще чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена, егда рождает, скорбь имат, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше и радости вашае никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что «радости той ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восхо-

дить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящий же Господа, тии изменяют крепость, окрыlateют, яко орли, потекут и не утрулятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вmale и вкратце, явится во всей полноте своей и никтоже возьмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает. Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из ней столбом пар валит.

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездить на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но и те духи не издают такого благоухания.

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал: «И сам я, батюшка, знаю это точно, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, — так ли вы это чувст-

вуете. Сущая правда, ваше Боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, тепло это не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святого согрей мя». Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мороза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святого и отвне осиявает и согревает нас, и, преисполняя много-различным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, на-поая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питье, но правда и мир о Дусе Святе»*. Вера наша состоит

* В подлиннике, который мы переиздаем, пропущено слово: радость (о Духе Святе). — см. Рим. 14:17.

«не в препретельных земныя премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецныи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе»... Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог! Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святого...» Этою-то полнотою Духа Своего Святого и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святого. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?»

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь чувствую эту милость Божию.

«А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо благость Его не преклонила бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это подается обильно свыше благодать Духа Святого.

Господь ищет сердца, преисполненного любви к Богу и ближнему — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царство Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложася вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, св. апостол Петр* сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам чрез апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнять закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он

* Вероятно, здесь ошибка, следует же читать: Павел (см. 1 Тим. 6:6).

и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы воспринять на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот? Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденными с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господу своему, один — вместо двух четыре, а другой — вместо пяти десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные чрез пророка, сбылись на нас: «Несмь Аз Бог издалече, но Бог вблизи, и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть благодатью во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехвалюсь, говоря я это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин,

нет, ваше Боголюбие, нет. «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его». Лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно» и оба двинут горы. «Един движет тысячи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больша сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ниче соже во Имя Мое ныне же просите...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость

настояла, ибо любит Господь любящих Его; благ Господь всяческим, щедрит же и дает призывающим о имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит и весь совет исполнит, исполнит Господь все прошения твои. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь чрез меня, убогого Серафима, вам сказать и показать со-благоволили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..»

И во время всей беседы этой с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою».

Глава IX

ЕСТЬ ЛИ АДСКИЕ МУКИ?

(рассказ Н. А. Мотовилова)

Н. А. Мотовилов, «служка Серафимов», как он сам любил себя называть, тот, который удостоился чудного исцеления, а впоследствии лицезрения собственными очами просветления преподобного Серафима Фаворским светом благодати Святого Духа, человек горячего и искреннего сердца, дабы действительно послужить памяти отца Серафима, решил лично поехать на родину великого старца, в Курск, собрать сведения о детстве и юношестве его, а также посетить Киево-Флоровский монастырь. Поездка эта имела весьма тяжкие последствия для Николая Александровича: он заболел по попущению Божию от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению угодника Божия, отца Серафима. Обстоятельства, предшествовавшие болезни Мотовилова и объясняющие ее начало, следующие.

Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом зашел разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно,

усомниться в реальности злой силы. Тогда преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001-й ночи и 1001-го дня с бесами и силою своего слова, авторитетом своей святости, в которой не могло быть даже и тени лжи и преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтании, а в самой настоящей горькой действительности.

Пылкий Мотовилов так вдохновился повестью старца, что от души воскликнул:

— Батюшка, как бы я хотел побороться с бесами!

Батюшка Серафим испуганно перебил его:

— Что вы, что вы, ваше Боголюбие! Вы не знаете, что вы говорите. Знали бы вы, что малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю, так не вызвались бы на борьбу с ними.

— А разве, батюшка, у бесов есть когти?

— Эх, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, и чему только вас в университете учат! Не знаете, что у бесов когтей нет?! Изображают их с копытами, рогами, хвостами потому, что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из Ангелов света, какими они были до отпадения, сделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием, а подобие нужно, — вот их и изображают черными и безобразными. Но, будучи сотворены с силой и свойствами Ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного необоримым могуществом, что самый маленький из них, как и сказал я вам,

может своим когтем перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятого Духа, туне даруемая нам, православным христианам за божественные заслуги Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения вражьи.

Жутко стало тогда Мотовилову. Прежде под защитой преподобного он мог не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленно-дерзкий вызов по попущению Божию не остался без последствия, он был принят.

Когда Мотовилов после кончины старца Серафима поехал в Курск, немного ему удалось собрать здесь сведений о детстве и юности преподобного. Близкие родные, помнившие о Серафима в молодости, кто перемерли, кто отозвались забвением. Даже дом, в котором родился и воспитывался преподобный, был разрушен, и на месте его выросли новые постройки. Нашелся один старик, сверстник батюшки, который и дал Мотовилову сведения, вошедшие теперь во все издания жития преподобного. Поездка в Курск и пребывание в нем были вполне благополучны. Гроза ждала на возвратном пути в Воронеж.

На одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате для проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одиночной свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одною из первых ему попала записка об исцелении бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежского.

«Я задумался, — пишет Мотовилов, — как это может случиться, что православная христианка, общающаяся Пречистых и Животворящих Тайн Господних, и вдруг одержима бесом и притом такое продолжительное время как тридцать с лишним лет. И подумал я: «Вздор! Этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения».

И в это самое мгновение страшное, холодное, злое облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползавшего в него облака, оно вошло в него все, несмотря на его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамения, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тяжчайших мучений. Собственноручная запись его дает такое описание испытанных им мук: «Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в привидении, три геенские муки. Первая — огня неслетимого и неугасимого ничем более, как лишь одною благодатию Пресвятого Духа. Продолжалась эта мука в течение трех суток так, что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по десять или по семнадцать раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видно для всех. Перестали эти муки лишь после исповеди и причастия Святых Тайн Господних, молитвами архиепископа Воронежского Антония

и заказанными им по всем 47 церквам Воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего боярина раба Божия Николая, ектениями.

Вторая мука в течение двух суток — тартара лютого геенского, так что и огонь не только не жег, но и согреть меня не мог. По желанию его высокопреосвященства архиепископа Воронежского Антония я с полчаса держал руку над свечой, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе, и к тому описанию рукою моею и на ней свечною сажею мою руку приложил. Но обе эти муки Причащением давали мне хоть возможность есть и пить, и спать немного мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука — геенская, хотя на полсутки еще уменьшилась, ибо продолжалась только полтора суток, и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание от неопишуемого и непостижимого. Как я жив остался от нее! Исчезла она тоже от исповеди и Причастия Святых Тайн Господних. На этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была — червя неусыпного геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и архиепископа Антония, не был виден, но я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне во всем, и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность, но и выползаючи через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался; Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо недаром подалось мне это свыше от Бога видение, да не возможет кто

подумать, что я дерзаю все имя Господа призывать. Нет! В день Страшного Суда Господня Сам Он — Бог, Помощник и Покровитель мой засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние, во мне совершенное».

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя, преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Действительно, через тридцать с лишним лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцелился по великой своей вере.

В день открытия мощей святого Тихона Задонского (1861 год) Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь не посылает ему исцеления, которого по обещанию преподобного Серафима Саровского ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской песни он взглянул на горнее место и увидел на нем святителя Тихона. Святитель благословил плачущего Мотовилова и стал невидим.

Мотовилов сразу почувствовал себя исцеленным*.

* «Православная Карпатская Русь», 2 января 1933 г.

Глава X

БАТЮШКА-СТАРЕЦ

Чудный руководитель был батюшка. Как жаль, что записи о его наставлениях относятся, по преимуществу, лишь к последним годам жизни. Но и их так много, что невозможно вместить все в краткое жизнеописание, по необходимости отметим лишь наиболее важное и нужное. Многие дивились прозорливости и мудрости о. Серафима.

Однажды в келью его вошли вместе настоятель Высокогорской пустыни архимандрит Антоний* и владимирский купец. Отца Антония батюшка попросил сесть обождать, а с купцом начал разговаривать.

— Все твои недостатки и скорби, — сказал он, — суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои.

И затем кротко и ласково начал обличать его в пороках, но с такою теплотою сердца, что оба его слушателя заливались слезами. В заключение о. Серафим велел купцу ответить в Сарове, обнадеживая его, что

* Впоследствии наместник Троице-Сергиевой Лавры и духовник митрополита Филарета Московского.

в случае искреннего покаяния Господь не отнимет от него Своей благодати и милости. Купец с умилением поклонился ему в ноги, обещаясь исполнить все советы, и в слезах, но с облегченной душою вышел от него.

Удивленный прозорливостью старца, о. Антоний сказал потом:

— Батюшка, душа человеческая перед вами открыта, как лицо в зеркале, в моих глазах. Не выслушавши духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы ему все высказали.

Отец же Серафим не сказал ни слова. Строитель продолжал:

— Теперь я вижу: «Ум ваш так чист, что от него ничего не сокрыто в сердце ближнего».

Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику, и сказал:

— Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог — сердцеведец, а человек *пристутит, и сердце глубоко* (Пс. 63:7).

Засим рассказал он, как некоторые укоряли святого Григория Богослова за то, что приблизил он к себе Максима циника*. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня — велико».

Строитель опять спросил:

* Тот сначала и жил у него в Константинопольском епископском доме, а после обманым образом старался захватить престол его. Тогда святой Григорий удалил его от себя и в оправдание сказал: «Кто сам верен, тот всех вероимчивее» (доверчивее).

— Да как же, батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова, и все сказали, что ему нужно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

«Он шел ко мне, как и другие, как и ты шел, яко к рабу Божию. Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим, и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом: в таких случаях всегда делаются ошибки».

Весьма назидательную и многообъяснительную сию беседу старец заключил так:

— Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: «Как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Вот как сам о. Серафим объяснял свои советы и наставления: «Всеведущий Господь говорил чрез него». Поэтому он не задумывался, а обычно отвечал немедленно и несомненно; или даже говорил о том, что не приходило и на помысл его собеседникам, но что открывал ему Дух Святой.

Пришедший к нему мирянин Богданов с массой разных вопросов говорил потом:

«Все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге, и едва успевал я прочитывать их перед старцем, как тотчас же и получал на них ответы. Он говорил чрезвычайно поспешно». При этом: «Во все время нашей беседы о. Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: «Ваше Боголюбие...» Прощаясь со мною, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразился. Благословляя же, хотел даже поцеловать мои руки, кланялся мне все до земли».

Известно также, что он давал ответы на письма, не распечатывая их, говоря: «Вот что скажи от убогого Серафима...» После его смерти в келье найдено было много таких писем, ответы на которые, однако же, были получены большею частью изустно, через доставителей.

Это был чудесный, чрезвычайный дар Святого Духа. Но помимо этого вся жизнь его вела к дару прозрения и рассудительности. Постоянное чтение Священного Писания, с углублением в содержание Его, изучение творений святых отцов и жития святых, глубочайший опыт в собственной духовной жизни, и даже естественная одаренность ума — все это вело к умудрению подобного.

Но в особенности к этому вело его подвижничество — от послушания до молитвенных созерцаний.

— Почему ныне нет истинных старцев? — спросили некогда одного подвижника.

— Потому что нет истинных послушников, — был ответ.

Так говорил и преподобный Серафим:

«Должно быть у начальника в повиновении, ибо послушливый чрез сие много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие в вещах и приходит в умиление».

А преподобный Серафим прошел и этот путь в совершенстве. У него есть наставления к настоятелям, они вполне могут быть применимы и к нему как к старцу-руководителю.

«Настоятель, — говорит он, — яко пастырь словесных овец, должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать советы каждому, требующему его наставления».

А дар рассуждения дается разными путями:

«Настоятель должен быть искусен в Священном Писании, он день и ночь должен поучаться в Законе Господнем, чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла».

«Он должен быть совершен во всякой добродетели, и душевные свои чувства иметь *обучены долгим учением* (опытом) *в рассуждении добра и зла* (Евр. 5:14)».

Но и при всем этом рассудительность есть Божий дар. «Несть всякий человек, — приводит он слова святого Петра Дамаскина, — верен дати совет ищущим, но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен».

А без этого, то есть «прежде рассуждения добра и зла, человек не способен пасти словесных овец,

но разве бессловесных, потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигнуть не можем».

Отец Серафим все эти пути прошел на собственном опыте. А достигнув бесстрастия, он чистым умом воспринимал откровения непосредственно от Господа, Коему предал всю свою волю и ум.

Многое мы уже видели и раньше, но выберем еще некоторые из его мудрых советов и прозорливых указаний, и притом более практические, нужные для жизни.

О Боге и отношении к Нему.

Отцы написали, когда их спрашивали: «Ищи Господа, но не испытуй, где живет».

«Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению».

«Когда человек примет что-либо Божественное, то в сердце радуется, а когда диавольское — то смущается».

«Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том: точно ли сие — от Господа, но самым тем действием убеждается, что оно — небесное, ибо ощущает в себе *плоды духовные: любви, радость, мир* и проч. (Гал. 5:22). Напротив же, хотя бы диавол преобразился и во *Ангела света* (2 Кор. 11:14), или представил мысли благовидные; однако сердце все чувствует какую-то неясность и волнение в мыслях».

«Кто любит себя, тот любить Бога не может».

«Вера — есть начало нашего соединения с Богом».

«Истинная надежда ищет единого Царствия Божия,

и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет».

«Человек, принявший на себя цель проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий».

«Все сущности нашего тщания сие есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить» (Макарий Великий).

«Чтобы воззреть к Святой Троице, надобно просить о сем учивших о Троице Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, которых ходатайство может привлечь на человека благословение Святейшей Троицы, а самому прямо взирать надобно остерегаться».

«Благоговейная осторожность здесь нужна для того, что сие море, то есть сердце со своими помыслами и желаниями велико и пространно: *Тамо гади, имже несть числа* (Пс. 103:25), то есть многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов».

Сюда мы отнесем и вопрос о хульных помыслах. Прежде всего о. Серафим указывает обычное общее правило, чтобы не смущаться приражением их, когда они приходят независимо от нас и даже вопреки нашему желанию, а «ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим».

Преподобный Серафим и в самых равнодушных к вере людей умел вселять дух веры.

Однажды к нему пришли муж и жена Кредицкие. Батюшка им много говорил о будущей жизни, о святых, о попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы.

«Эта беседа продолжалась не более часа. Но такой час, — пишет муж, — я не сравню со всею прошедшею моею жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую небесную сладость, Бог весть каким образом туда перелившуюся, которую нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспоминать без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе.

До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего — для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущество Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство.

Прежде за эту хладность души моей ко всему святому, и за то, что любил играть безбожными словами, правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями: и эти ругательные мысли, о которых доныне я не могу вспомнить без особенного ужаса, целые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания, и что только адские вечные муки могут быть вводным возмездием за мои богохуления.

Но о. Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши со свойственной ему неизъяснимо-радостной улыбкою, чтобы я не боялся этого «шума мысленного», что это — действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою

молитву, какие бы враг ни подставлял скверные и хульные мысли.

С тех пор действительно этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать, и менее чем в месяц совершенно прекратился».

А иногда это искушение хульных помыслов посылается для опыта.

Архимандрит Никон пишет, что еще будучи семинаристом, он был у святого старца с вопросом о монашестве. Батюшка благословил его и дал наставления. После второго посещения о. Серафим сказал ему:

— Прощай, через шесть дней приходи ко мне.

«Это время, — пишет о. Никон, — было для меня скорбное; ибо напали богохульные помыслы, так что нельзя было взойти в церковь, хотел было уйти из пустыни, да удержал меня иеромонах Иларион (духовник), говоря: «Старец знает, что делает». По истечении девяти дней, измученный прилогами вражьими, я едва мог войти в сени и, подойдя к его келье, не успел сотворить молитву, как о. Серафим отворил дверь, упал ко мне в ноги, говоря: «Прости меня за искушение, коим ты страдал: оно для того, чтобы ты знал, что таковые скорби будешь иметь, поступая в монахи, но не унывай!»

После сего, надев епитрахиль, исповедал меня, и приказал у поздней литургии приобщиться Святых Тайн. А по принятии оных тотчас все темное ушло от меня во тьму».

— Без Божией помощи, — говорит о. Серафим, — невозможно спастись; когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

О молитве.

Отец Серафим сам жил непрестанной молитвой и тому же самому наставлял и других.

«Через это, — говорил он, — при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним». Поэтому советовал приучать себя к постоянной памяти имени Божия и творить молитву Иисусову. Многие из простых людей заявляли ему, что по безграмотству или по недосугу они не могут читать положенных в молитвенниках правил. Таким людям о. Серафим заповедал весьма удобоисполнимый совет: «Вставши ото сна, всякий христианин, став пред иконами, пусть прочитает молитву Господню: «Отче наш» трижды в честь Пресвятыя Троицы; потом — песнь Богородице: «Богородице Дево, радуйся» — также трижды; и наконец символ веры: «Верую во единого Бога...» — единожды. Означенные молитвы, — изъяснял о. Серафим, — являются основанием христианства: первая, как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв, вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы, дома или на пути куда-нибудь, пусть читает тихо: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (или грешную)». А если окружают его другие, то занимаясь делом, пусть говорит умом только это: «Господи, помилуй!» и продолжает до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершит выше показанное утреннее правило (3 молитвы).

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: «Пресвятая Богородице, спаси мя, грешного», — и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного (или грешную)».

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило... После того пусть засыпает, оградив себя крестным знаменем».

— Держась этого простого правила, можно, — говорил батюшка, — достигнуть меры христианского совершенства.

А если кому, но по благословным уважительным причинам, невозможно исполнить и этого правила, например слугам, то батюшка советовал читать его во всяком положении: за делом, на ходу и даже в постели, помня слова Господа: *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Иоил. 2:32; Рим. 10:13).

— «Молишься ли ты, радость моя? — раз спросил меня батюшка, — пишет Ксения Васильевна.

— Ах, батюшка! Уж какая молитва-то? Грешница! Иной раз и времени-то нет, — отвечала я. «Это ничего! — сказал батюшка. — Я вот и хотел сказать тебе: ты не огорчайся этим: есть время, так в праздности не будь, исполняй все и молись. А если нет времени, так ты, радость моя, только правильце малое прочти утром, среди дня, да на ночь, хоть и ходя на работе-то.

Да еще вот правило то, если можно. А уж если нельзя, ну так, как Господь тебе поможет. Только вот поклоны-то Спасителю и Божией Матери уж хоть как-нибудь, а исполняй! Непременно исполняй, матушка».

Сестрам своей Дивеевской Мельничной обители батюшка дал даже новый устав о богослужении, приспособительный к слабому нашему времени и немощам женской природы.

«Зная будущее слабое время, слабые силы и слабый народ, — пишет о. Василий Садовский, — батюшка Серафим советовал оставить непосильный для женской немощи устав Саровской пустыни: «Мужчине, батюшка, и то с трудом лишь вмоготу исполнить, — сказал мне батюшка Серафим. — Поэтому, — объяснил он мне, — я и дал, по приказанию мне, убогому Серафиму, Самой Царицы Небесной, новый устав этой обители, более легкий: три раза в сутки прочитывать следующее: один раз — «Достойно»; три раза — «Отче наш»; три раза — «Богородице»; «Символ веры»; два раза — «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешную» и один раз — «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас грешных», с поясными поклонами; два раза — «Господи Иисусе Христе, Госпожою Девкою Мариею Богородицею, помилуй мя грешную», и один раз — «Господи Иисусе Христе, Госпожою Девкою Мариею Богородицею помилуй нас грешных», тоже с поясными поклонами; двенадцать раз — «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» и двенадцать раз — «Владычице моя, Пресвятая Богородица, спаси нас грешных!» — тоже все с поясными поклонами.

Да вечерние и утренние молитвы, да помянник с 12 избранными псалмами святых отцов, и сто земных поклонов Иисусу, и сто земных же поклонов Владычице...

«Довлеет им, батюшка, — сказал о. Серафим, — если только исполнят, спасутся!»

Так несложен и неутомительно посилен был молитвенный устав его.

Всякие лишние службы, сверх сего, например акафист, «никоим образом не должен быть у меня для всех обязательный, батюшка, а еще кто может».

При этом преподобный Серафим ценил, как и должно, дух молитвенный, а не уставное лишь исполнение молитвословий. В этом смысле у него была важная беседа с послушником Иоанном Петровым, который как раз был канонархом (и, следовательно, уставщиком) в Сарове.

«Отец Серафим хотел, — пишет он, — чтобы ко внешнему присоединялось и внутреннее, духовное основание, потому что Господу не угодна одна наружность. Он сам говорил, что *проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48:10). Потом, как бы стороною он и начал изобличать меня, говоря: «Ведь есть такие, которые, кажется, хорошо читают, но не понимают смысла того, что читают; ведь многие есть и такие, которые говорят, что были у обедни, или у заутрени, или у вечерни; и льстят себя ложною надеждою, что они действительно были, а в самом-то деле где скитался тогда ум их? Они только телом были в Храме Божиим... Вот ты ведь был у ранней обедни? А какие же там читались дневный Апостол и Евангелие?»

Иногда, по невниманию, я делался совершенно безответным. Тогда обыкновенно он сам говорил, что именно читалось.

— Наоборот, — учил батюшка, — когда ум и сердце будут соединены в молитве, и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссияет свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

Если же в молитве и случится пленяться умом в расхищении мыслей, тогда должны смиряться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами».

Будущему монаху, о. Никону, он даже давал советы и о внешних приемах молитвы Иисусовой:

«Учись творить молитву чрез ноздряное дыхание с сомкнутыми устами. Это искусство есть бич против плоти и плотских похотений».

Но главное внимание всегда должно быть в духе.

«Одна молитва внешняя недостаточна, — говорил ему же батюшка, — Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, не монахи, а черные головешки.

Учись же умной молитве сердечной, как учат святые отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу».

Вот какой драгоценный совет дан мне боговдохновенным старцем, — заключает о. Никон. — Он для меня дороже всего на свете».

Мирянину Богданову о. Серафим дал совет словами Евангелия:

«Молящися, не лише глаголите: весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сие убо молитесь вы: «Отче наш», и прочее. Тут благодать Господня. А что приняла и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней, будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда. Молись за всех. Много этим добра сделаешь, давай свечи, вино и елей в церковь».

О православии.

Опыт его собственной жизни, а еще более знание Слова Божия, святоотеческих творений и жития святых давали ему несомненную уверенность в истинности православия. Это со всею силою выразил батюшка в дивной беседе с Н. А. Мотовиловым, но по частным поводам говорил он о том и при других случаях.

Однажды пришли к нему четыре старообрядца спросить о двуперстном знамении, с удостоверением при этом какого-нибудь знамения. И не успели они еще переступить порога кельи, как о. Серафим, прозрев их помыслы, взял первого из них за руку, сложил персты его по-православному и, крестя его, так говорил:

«Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от святых апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам».

И далее изрек с силою:

«Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей силе и славе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие

ее — учителя церкви, архипастыри суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел, она причалена вервием к кораблю нашей церкви, плывет за нею, заливается волнами и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другой раз один старообрядец спросил его:

— Скажи, старец Божий, какая вера лучше? Нынешняя, церковная, или старая?

— Оставь свои бредни, — резко, вопреки обычаю, ответил о. Серафим. — Жизнь наша есть море. Святая Православная Церковь наша — корабль, а Кормчий — Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком? И на чем утверждаете свою надежду — спастись без Кормчего?

Однажды привезли к нему скорченную женщину; она прежде была православной, но, выйдя замуж за старообрядца, перестала и ходить в церковь. Святой Серафим исцелил ее на глазах у всех, а затем заповедал и ей, и родным молиться по-православному.

— А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

— К прискорбию, у нас в роду все так молились.

Пораздумавши немного, о. Серафим заметил:

— Хоть и добродетельные были люди, а будут связаны: Святая Православная Церковь не принимает этого креста.

Потом спросил:

— А знаешь ли ты их могилы? Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Живые сродники ее потом послушались наставления о. Серафима.

Был еще поучительный случай с одной женщиной, которая трехлетней сиротою была взята на воспитание старообрядцами вместо дочери.

После их смерти она сначала ушла в общину, а потом начала странствовать и ходить по старцам.

«Все хотела, чтобы меня, грешную, поучили, как душу спасти.

Было и недоумение у меня.

О благодетелях своих все потом сомневалась: «Можно ли мне их по-православному поминать?»

Так она дошла до Сарова. Молва об о. Серафиме ходила уже по всей Руси.

«Смотрю, народ собирается идти куда-то. Спрашиваю — говорят, что идут в пустыньку к о. Серафиму. Хотя и крепко я с дороги устала, но тут и отдохнуть позабыла, пошла себе с другими, все старца хотелось поскорей повидать. Минув монастырь, пошли мы лесною тропою. Прошли версты две: кто посильнее — вперед, а я поотстала, иду себе тихонько сзади. Смотрю — в стороне старичок, седой такой, сухонький, сгорбленный, в белом халате сучки собирает. Подошла спросить: «Далеко ль до пустыньки отца Серафима?»

Старец, положив вязанку свою, посмотрел на меня ясным взором своим и тихо спросил:

— На что тебе, радость моя, Серафим-то убогий?

Тут только поняла я, что вижу самого старца, и повалилась в ноги, стала просить его помолиться о мне, недостойной.

— Встань, дочь Ирина! — молвил подвижник и сам нагнулся меня приподнять. — Я ведь тебя поджидал. Не хочу, чтобы, уставши, даром прошлась.

Удивленная, что впервые видя зовет он меня по имени, я от ужаса вся затрепетала; не могла и слова промолвить, только взирала на его ангельский лик.

Отец Серафим сложил персты мои по-православному и сам перекрестил меня ими.

— Крестись так, крестись так: так Бог нам велит.

Потом, помолчав немного, продолжал:

— А за благодетелей, если копейка случится, подавай помянуть на проскомидии, не сомневайся — не грех!

Благословил меня, дал приложиться к висевшему на его груди медному кресту, пожаловал из котомочки своей и сухариков.

— Ну, теперь, — говорит, — иди себе с Богом!

И сам поспешно ушел от меня в лес. А я побрела назад в монастырь. Спутники же мои долго ходили, но старца не видели, да и мне не верили, когда говорила им, что видела».

Но если о. Серафим говорил о превосходстве православия перед старообрядчеством, то тем более он считал его выше католичества.

«Убеждал он, — пишется в дивеевской летописи, — твердо стоять за истину догматов Православной Церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите

Восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции*. Сам предлагал разные наставления о православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целостности и чистоте, и как надобно защищать его».

«Особенную любовь и почитание, — пишет автор летописи, — о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями православной веры, как-то: Клименту, папе римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому, и им подобным, называя их столпами церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Любил говорить о святителях отечественной церкви — Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьих-Минеях и творениях многих отцов Церкви, он так твердо знал, что на память пересказывал из них целые «отделения» (отрывки)».

Здесь мы между прочим поместим рассказ о необычайно великом видении, притом бывшем лицу протестантского исповедания: в нем превосходство Православной Церкви засвидетельствовано даже подвижником западной католической церкви.

* На этом соборе хотели заключить «унию» (соединение, а точнее подчинение) Православной Церкви с католической. Но ни греческий, ни русский православный народ не принял этого мертвого дела.

Преподобный Серафим и Франциск Ассизский*.

Событие, о коем рассказывается ниже, было устно сообщено нам в 1931 году в августе господином К., а потом и записано им. Этим письмом мы и пользуемся здесь.

Известно, что сам преподобный Серафим и опытно знал и не раз говорил, что в Православной Церкви непорочно хранится вся полнота христианства. И, что всего поразительнее и убедительнее, это его собственная высота и полнота благодати, которая в нем обитала в такой силе (Мк. 9:1), как в немногих даже и древних святых. Достаточно вспомнить одну лишь беседу Н. А. Мотовилова с преподобным, во время коей он чудесно преобразился, подобно Господу на Фаворе, чтобы без малейшего сомнения утверждать, что православие и досель действительно непорочно, живо, полно, совершенно. Но приведем и собственные его слова.

«У нас вера православная, не имеющая никакого порока».

«Прошу и молю вас, — говорил он в другой раз нескольким старообрядцам, — ходите в церковь греко-русскую: она во всей славе и силе Божией. Она управляется Духом Святым».

Но о том же свидетельствует и голос со стороны иного исповедания. Вот как это было.

«Переслал мне, — пишет господин К., — один мой знакомый письмо на французском языке, в котором

* Рассказ: «Преподобный Серафим и Франциск Ассизский» первоначально напечатан был в нашем журнале «Православие», 1932, №1.

одна эльзаска просит его прислать ей что-нибудь о русской Православной Церкви, — молитвенник и еще что-либо. Если не ошибаюсь, это было в 1925 году.

В ответ на письмо что-то послали ей; и этим дело временно кончилось.

В 1927 году я был в этом месте и стремился познакомиться с ней, но ее не было тогда из-за летнего времени. И я познакомился лишь с ее свекровью, старушкой большого христианского милосердия и чистоты сердечной.

Она мне рассказала следующее. Их семья старого дворянского рода Эльзаса Н. Н., протестантского вероисповедания. Надо сказать, что в этой области Эльзаса села смешанного вероисповедания: наполовину римо-католики, а наполовину протестанты. Храм же у них общий, и в нем они совершают свои богослужения по очереди. В глубине — алтарь римский, со статуями и со всем надлежащим. А когда служат протестанты, то они задергивают католический алтарь занавесой и выкатывают сбоку свой стол на середину и молятся. Недавно в Эльзасе в протестантском мире было даже движение в пользу почитания святых. Это произошло после книги Сабатье о святом Франциске Ассизском. Будучи протестантом, он пленился образом жизни этого праведника, посетив Ассизи. Семья моих знакомых тоже была под впечатлением этой книги. Продолжая оставаться в протестантстве, они чувствовали, однако, неудовлетворенность им и, в частности, стремились и к почитанию святых и к таинствам. Характерно, между прочим, для них одно обстоятельство: когда пастор обручал их, то они просили его не

задергивать католического алтаря, чтобы видеть статуи святых. Но мысль их искала истинной церкви.

И вот однажды молодая жена, будучи больной, сидела в саду и читала жизнь Франциска Ассизского. Сад был весь в цветах. Тишина деревенская. Читая книгу, она заснула каким-то тонким сном.

— Сама не знаю, как это было, — рассказывала она после мне.

— И вот идет сам Франциск, а с ним — сгорбленный, весь сияющий старичок, как Патриарх, — сказала она, отмечая этим его старость и благолепие. Он был весь в белом. Она испугалась. А Франциск подходит с ним совсем близко к ней и говорит:

«Дочь моя! Ты ищешь истинную церковь: она — там, где он. Она всех поддерживает, а ни от кого не просит поддержки».

Белый же старец молчал и лишь одобрительно улыбался на слова Франциска.

Видение кончилось. Она очнулась. А мысль подсказала ей почему-то: «Это связано с русской Церковью». И мир сошел в душу ее.

После этого видения и было написано письмо, упоминаемое мною в начале.

Через два месяца я снова был у них: и на этот раз от самой видевшей узнал еще и следующее. Они приняли к себе русского работника. Посетив его помещение и желая узнать, хорошо ли он устроился, она увидела у него иконку и у знала, в ней того старца, которого она видела в легком сне с Франциском. В удивлении и страхе она спросила: кто он, этот старичок?

— Преподобный Серафим, наш православный святой, — ответил ей рабочий.

Тут она поняла смысл слов святого Франциска, что истина — в Православной Церкви.

Да, несомненно, православие проявилось во святых во всей силе, но мы, православные, недостойно носили это великое имя: жизнь наша не соответствовала высоте и полноте веры. И это, между прочим, мучило сотаинника преподобного Серафима, Н. А. Мотовилова.

«Однажды, — пишет он в своих замечательных записках, — был я в великой скорби, помышляя, что будет далее с нашей Православной Церковью, если современное нам зло будет все более и более размножаться, и будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии, как от приумножающегося разврата по плоти, так равно, если только не многим более, от нечестия по душе через рассеиваемые повсюду новейшими лжемудрователями безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка о. Серафим.

Распространившись подробно беседою о святом пророке Илии, как я выше помянул, он сказал мне между прочим:

«Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто весь он преклонил колено Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъяти... Так что же, батюшка, — отвечал ему Господь? — Седьм тысяч мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу... Так, если во Израильском царстве, отпадшем от Иудейскаго, верного Богу царства, и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще седьм

тысящ мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что в Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?»

Я отвечал: «Около шестидесяти миллионов».

И он продолжал:

«В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу! Так-то, батюшка, так-то: ихже предуведе, сих и предъизбра; ихже предъизбра, сих и предустави; ихже предустави, сих и блюдет, сих и прославит. Так о чем же унывать-то нам?! С нами Бог! Надеющийся на Господа, яко гора Сион, не подвижется в век живой во Иерусалиме. Горы окрест его, и Господь окрест людей своих. Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою. Господь сохранит вхождение твое и нахождение твое отныне и до века. Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию».

И тогда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том.

— К тому, — отвечал батюшка отец Серафим, — что таким-то образом хранит Господь яко зеницу ока Своего людей Своих, то есть православных христиан, любящих Его и всем сердцем, и всею мыслью, и словом и делом, день и ночь служащих Ему. А таковы — хранящие все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устами исповедующие благочестие, Ею преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа.

В подтверждение же того, что еще много на земле русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу православных и благочестиво живущих, батюшка отец Серафим сказал некогда одному знакомому моему, то ли отцу Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли отцу Симону, хозяину Маслищенского двора, что однажды, бывши в духе, видел он всю Землю Русскую, и была она исполнена и как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся ко Господу»*.

Будем же верить в наши тяжкие времена, что Господь ради рабов Своих помилует Россию и на сей раз. Буди, буди!

* Перепечатано из статьи С. А. Нилуса: «Что ждет Россию» («Московские Ведомости», 1905 г. №68); см. также: «Душеполезный Собеседник», издание Св. Пантелеймоновского монастыря на Афоне, август 1905 г.

Глава XI

МОНАШЕСТВО И МИР

Среди наставлений батюшки рассеяно множество советов о том, как нужно жить по-христиански в миру.

Правда, сам «пламенный» Серафим несравненно больше любил и чтил, как и подобает, ангелоподобное девство, а следовательно, и монашество: ради этого он и оставил мир. И не раз в беседах с монашествующими он с восторгом превозносил иноческое житие. Однажды к нему заехали с нижегородской ярмарки в пустыньку курские купцы. Перед прощанием они спросили батюшку:

— Что прикажете сказать вашему братцу (Алексию)?

Угодник ответил:

— Скажите ему, что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь.

А когда они отбыли, то преподобный воздел руки к небу и с восторгом, притом несколько раз, повторял пред присутствовавшей тогда дивеевской сестрою Прасковьей Ивановной славословие монашеству:

— Нет лучше монашеского жития! Нет лучше!

И в другой раз, когда в тот же родной Курск отъезжал почитатель преподобного, И. Я. Каратаев, и тоже спросил: не передать ли чего-либо родственникам его, то святой Серафим, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, сказал:

— Вот мои родные. А для живых родных я уже живой мертвец.

И он так любил монастырь и монашеское житие, что решительно никогда даже в помысле не пожалел о мире и не пожелал воротиться назад. Когда та же сестра Прасковья задумала по малодушию оставить Дивеевскую обитель, батюшка, прозрев это духом, вызвал ее к себе в пустыньку, стал утешать ее и стал в назидание рассказывать ей о самом себе и о своей жизни в монастыре. А в конце прибавил:

— Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел, и никогда, ниже мыслью не выходил из монастыря.

— В продолжение рассказа, — передавала потом сестра, — все мои мысли понемногу успокоились, а когда батюшка кончил, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом.

Дальше мы увидим, с какою любовью относился преподобный к своим «сиротам» дивеевским, с какою нежностью говорил он о них и посторонним. За них пришлось много вытерпеть батюшке.

«Вот и приходят ко мне, матушка, — свидетельствует сестра Ксения Васильевна в своих записях, — и ропщут на убогого Серафима, что исполняет приказания Божией Матери. Вот, матушка, я им и раскрыл в прологе из жития-то Василия Великого, как блазнились на брата его Петра; а святитель-то Василий и показал им

неправду блазнения их да силу-то Божию. И говорю: «А у моих-то девушек в церкви целый сонм Ангелов и все силы небесные соприсутствуют! — Они, матушка, и отступили от меня посрамленные. Так-то вот, радость моя, недовольны на убогого Серафима; жалуются, зачем он исполняет приказания Царицы Небесной».

Умилительнейший разговор о любви к монахиням передает старица Мария Васильевна Никашина.

«Быв замужем, еще мирскою, с мужем бывали мы у батюшки Серафима. Раз спрашивает:

— Видала ли ты Дивеево, и моих там девушек, матушка?

— Видала, — говорю, — батюшка.

— А видала ли ты пчелок, матушка? — опять спросил он.

— Как, — говорю, — не видать, видала, батюшка.

— Ну, вот, — говорит, — матушка, ведь пчелки-то все кругом матки вьются, а матка от них — никуда. Так вот точно и дивеевские мои девушки, ровно как пчелки, всегда с Божией Матерью будут.

— Ах! — воскликнула я, — как хорошо всегда так-то быть, батюшка. — Да и думаю: зачем это я замуж-то вышла?

— Нет, матушка, не думай так, что ты думаешь, — тут же на мои мысли и отвечает он. — Моим девушкам не завидуй. Нехорошо. Зачем завидовать им? Ведь и вдовам-то там хорошо же, матушка! И вдовам хорошо! Ведь и они там же будут! Анну-то пророчицу знаешь, читала? Ведь вот вдова была, а какая, матушка!

После эта раба Божия овдовела и поступила в желанный Дивеев.

Но, любя монашество, преподобный имел в виду *истинных* монахов и монахинь, которые принимали иночество не по чему-либо иному, как только по любви к Богу, ради спасения души своей; и притом, если иноческий путь проходится ими не внешне только, а с благодатными последствиями. В этом смысле замечателен случай с одним семинаристом.

«В молодости моей, — записал он впоследствии, — перед окончанием семинарского курса в 1827 году, я жил в августе месяце по приказанию старца Серафима в Саровской пустыни до трех недель. Думал о монашестве.

Однажды батюшка обратился ко мне с вопросом:

— Зачем ты хочешь идти в монахи? Вероятно, ты гнушаешься брака?

Я на это отвечал:

— О святом Таинстве брака я никогда не имел худых мыслей, а желал бы идти в монахи с тою целью, чтобы удобнее служить Господу.

После сего старец сказал:

— Благословен путь твой! Но смотри: напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце: учись умной, сердечной молитве... Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, не монахи, а черные головешки! Помни, что истинная монашеская мантия есть радушное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей, нет и спасения».

Впоследствии юноша постригся в монахи с именем Никона и кончил жизнь свою архимандритом Балаклавского монастыря в Крыму.

Многие просили у батюшки благословения удалиться для спасения души на святую гору Афон, но он советовал спасаться в православной России.

— Там очень трудно, — говорил он, — невыносимо скучно... Если мы (монахи) здесь плачем, то туда идти — для стократного плача, а если мы здесь не плачем, то и думать нечего о святой обители.

Кто достойно и по воле Божией принимает монашество, тому везде открывается великая благодать. Вот как радостно говорил преподобный о постриге Елене Васильевне Мантуровой, сравнивая его в земном порядке с браком, этим наиболее торжественным и счастливым моментом человеческой жизни.

— Теперь, радость моя, — сказал ей о. Серафим, вызвав из Дивеева в пустыньку, — пора уж тебе и с Женихом обручиться.

Елена Васильевна, испуганная, зарыдала и воскликнула:

— Не хочу я замуж, батюшка!

— Ты все еще не понимаешь меня, матушка, — ответил, успокаивая ее, батюшка, — ты только скажи начальнице-то Ксении Михайловне, что о. Серафим приказал с Женихом тебе обручиться — в черненькую одежку одеваться. Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя! Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше мужайся. Так молитвою, вечно неразлучною молитвою и приготавливай все... Три года и приготавливайся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю,

матушка... А как пострижешься, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более. И каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась, но тут же сказала: «Се раба Господня: буди Мне по глаголу Твоему!» Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка.

Вот с каким величайшим и блаженнейшим событием сравнил наконец о. Серафим иноческий постриг — с воплощением Самого Бога в утробе Девы... Даже сказать страшно. Но батюшка говорил с опыта.

Монашество нужно почитать и мирским людям и сердцем и делом, и таким образом хоть несколько быть сопричастником иноческой благодати через других: для этого батюшка советовал давать в монастыри милостыню или поработать самому. И наоборот, «обидание монашествующих, — учил он, — строго будет наказано Господом».

Иван Семенович Мелюков, брат чудной святой угодницы Марии, о коей речь впереди, будучи к концу своей жизни монахом в Сарове, на послушании привратника, рассказывал:

«Будучи еще мирским крестьянином, я часто работал у батюшки Серафима. И много, много чудного он мне предсказал о Дивееве. И всегда говорил: «Если кто моих сирот-девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание, а кто заступится за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Божия свыше. Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе, батюшка, помни: «Счастлив всяк, кто у убогого Серафима в

Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра: и Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!»

А сами иночествующие за добро должны воздавать только молитвами, и даже удивительно, батюшка не велел и благодарить за дары:

— Молитесь, молитесь паче всего за творящего вам благо, — наставлял он сирот своих, — но никогда, никогда словами его (благодетеля) не благодарите, потому что без благодарности он полную и всю мзду и награду за добро свое получит; благодарением же вы за благо вам окрадываете его, лишая его большей части, заслуженной добродетелью его, награды. Кто приносил дар, приносит его не вам, а Богу; не вам его и благодарить, а да возблагодарит он сам Господа, что Господь примет его дар.

Брать же из монастыря, хотя бы для своих родных, преподобный считал великим и опасным грехом:

«Это как огонь, вносимый в дом: кому дадите, он попалит все, и дом разорится и погибнет, и род весь пропадет от этого! Свое есть — дай. А нет, то приложи больше молитвы сокрушенным сердцем».

Но зато самое монашество, достойно проходимое, является уже великою милостью Божией не только самим иночествующим, но и всему роду их.

— По совету ли или по власти других, или каким бы то ни было образом, пришел ты в обитель — не унывай: посещение Божие есть (то есть милость Божия). *Аще соблюдеши, яже скажу тебе, спасеши сам и присные твои, о которых заботишься: не видех, —* глаголет пророк, — *праведника оставлена, ниже семене*

(потомства) его, просяща хлеба (Пс. 36:25). — Так учил батюшка одного послушника нового.

Но особенно сильно высказал он ту же самую мысль в беседе с родными дивной девятнадцатилетней схимницы Марфы, бывшей послушницы Марии, после смерти ее. Когда старшая сестра ее, Прасковья Семеновна Мелюкова, дивеевская монахиня, приехала к преподобному Серафиму за выдолбленным им для покойницы гробом, то батюшка, утешая ее, сказал:

— А вы не унывайте, матушка: ее душа в Царствии Небесном и близ Святыя Троицы у престола Божия. И весь род Ваш по ней спасен будет!

И брату ее, упомянутому привратнику, тогда еще крестьянину Ивану, сказал после похорон Марии:

— Вот, радость моя, какой она милости сподобилась от Господа! В Царствии Небесном у престола Божия, близ Царицы Небесной, со святыми девами предстоит! Она за весь род ваш молитвенница! Она схимонахиня Марфа, я ее постриг. Бывая в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, говоря: «Госпоже и мати наша Марфо, помяни нас у престола Божия во Царствии Небесном!»

Но, увы, не все и монашествующие спасутся. Даже из его сирот дивеевских иные не сподобятся помилования. Это было открыто ему в чудесном видении Самою Божией Матерью в 1830 году на празднике Успения.

«Небесная Царица, батюшка, — записал потом этот рассказ протоиерей Садовский, духовник Дивеевский, — Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима. И вот, радость нам какая, батюшка! Мать-то Божия неизъяснимою благодатию покрыла убогого Серафима.

«Любимиче мой! — рекла Препоблагословенная Владычица, Пречистая Дева. — Проси от Меня, чего хочеши».

— Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!

И угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга.

— А убогий-то Серафим, — продолжал батюшка, — Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыни спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка!.. Только трем не дано: «три погибнут», — рекла Матерь Божия, — при этом светлый лик старца затуманился, — одна сгорит, одну мельница смелет, а третья, — сколько ни старался я вспомнить, — пишет о. Садовский, — никак не могу: видно, уж так надо».

Через семь месяцев преподобному было другое явление Богородицы, самое чудное. Тогда присутствовала и сестра Евдокия Ефремовна. Ей после видения о. Серафим вспомнил и о предыдущем посещении его Божией Матерью, и рассказал следующие подробности о нем:

«Вот, матушка, — в обитель-то мою до тысячи человек соберется. И все, матушка, спасутся. Я упросил, убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима. И, кроме трех, всех обещала Милосердная Владычица спасти, всех, радость моя! — Только там, матушка, — продолжал, немного помолчав батюшка, — там-то, в будущем все

разделятся на три разряда: «Сочетанные», которые чистотою своею, непрестанными молитвами и делами своими сочетаваны Господу: «Вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут. «Избранные», которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И «званные», которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым — темное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка, которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами. Куда как мрачно и тяжело будет им! Будут сидеть все, качаясь из стороны в сторону на одном месте! — И взяв меня за руку, батюшка горько заплакал.

— Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы! — продолжал батюшка, — говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка. И ты так сказывай всем. — Затем, благословив, отпустил меня».

Таинственные страницы из будущего мира открывает здесь преподобный, но не нашему плотскому и ограниченному уму рассуждать о сем. Только нам, монахам, нужно запомнить и о трех погибших, и о многих *званных*, но, увы, не *избранных*. Далее мы узнаем об ужасной участи двух осужденных игумений. Недаром плакал угодник Божий о нас, нерадивых. Восстави нас из этой тины, Господи. За молитвы Твоей Матери. И преподобного Серафима.

Но странно закончил эту беседу о «званных» батюшка, как о чужих каких:

— Нам до них дел нет, матушка, пусть до времени хлеб наш едят!

Точно отчужденные, изгнанные, Богом забытые... И вспоминается слово разбойничье: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем... Тайны — суды Божии...» Лучше помнить об осуждении и «судилище Христове», как зовет Церковь.

А теперь перейдем к наставлениям батюшки о мирской жизни.

Читая об обращении батюшки Серафима с мирянами и его советах им, поражаешься, умиляешься и даже в удивление приходишь иногда, видя, с какою любовью и нежностью относился он к ним. Право, иной раз может даже показаться, что он предпочитал их монахам. Конечно, на самом деле, это было не так, мы уже слышали от него самого о превосходстве девства. Но все же достойно глубокого внимания неизменно ласковое и глубоко сочувственное отношение батюшки к мирянам.

Вот они — и в браке живут, и детей рожают, и делами занимаются — кто в положении помещика, кто на военной службе, кто торговлей, большая часть крестьянским трудом и притом в крепостном состоянии, и т. д. И казалось бы, не за что особенно чтить их. Между тем святой Серафим почти всегда принимает всех радостно, называет любезными именами: «батюшка», «матушка», «сокровище мое», а чаще всего «радость моя», в более торжественных случаях «ваше Боголюбие» и т. п. И это — без различия сословий. Нередко кланялся до земли пришедшим, не раз целовал руки не только у священных особ, но и у простых людей. И так он принимал не одних благочестивых, но и грешников. И лишь в самых редких случаях он

проявлял гнев праведный, когда видел лицемерие или гордыню, или лукавые хитрые козни.

Нельзя не заметить, что главными приближенными при о. Серафиме и доверенными лицами были не монахи, а опять все те же миряне.

Михаил Васильевич Мантуров, бывший управляющий имением и небогатый помещик Нижегородской губернии. Обычно батюшка называл его «Мишенька». Жена его Анна Михайловна, лифляндка родом, лютеранка по вере, постоянно роптала на мужа за то, что он отдал себя в безусловное послушание старцу, но потом, после чудесного случая с самозагоревшейся лампадкой в ее доме, смирилась и кончила жизнь в тайном постриге.

Николай Александрович Мотовилов — помещик, совестный судья и смотритель уездных училищ Симбирской губернии. Он называл себя «служба Серафимов». По благословению батюшки он женился на простой крестьянской девушке, дочери известного уже нам Ивана Мелюкова, Елене Ивановне, которая дожила и до открытия мощей святого Серафима в 1903 году. Батюшка назвал и назначил его быть «питателем обители» Дивеевской, попечителем ее. И Мотовилов оправдал это послушание, особенно впоследствии, когда на обитель поднялось гонение.

Третьим сотаинником и сотрудником батюшки по монастырю был тоже семейный человек, о. Василий Никитич Садовский, кончивший Нижегородскую семинарию в 1825 году и бывший потом духовником Дивеевским. Святой Серафим сам руководил им и относился к нему с полным доверием.

Этим трем лицам, светским, а не монахам, заповедал батюшка перед своею смертью попечение о Дивееве: «Кроме них... никого не слушать». Пытался вмешаться саровский послушник, некий Иван Тихонов, выдававший себя за «ученика Серафимова», но это был самовольный человек, нанесший потом огромный вред Дивееву. Впрочем, и ему батюшка многое открывал при жизни, для спасения его.

— Кроме меня, — часто говорил батюшка сиротам своим, — не будет у вас отца. Вручаю вас Самой Матери Божией, Она Сама вам игуменья. А по Ней все управят.

Припомним, что и двери его затвора были открыты впервые не для монахов, даже не для строгого епархиального епископа Ионы, а для губернатора Безобразова и жены его.

А если мы вспомним самое великое, самое дивное откровение о. Серафима — его небесную беседу о цели христианской жизни, когда он преобразился Фаворским светом, то невольно опять задумаешься: почему этого сподобился мирской человек, все тот же Мотовилов, «служба Серафимов», а не какой-либо затворник монах, или хотя бы тот же священник Садовский?..

Кроме этих выдающихся лиц, мы далее, на втором плане, видим много и других мирян: крестьяне Мелюков, Ефим Васильев, вдова-дворянка Еропкина, Аксакова и т. д. Да и всякий, побывавший у святого старца, считал уже потом себя близким ему.

Чем же объясняется такое отношение пустынноика, затворника, умершего для мира инока, к живущим в миру?

Ответ на это неоднократно давал сам батюшка своим, точнее — общехристианским, учением о сущности христианства: стяжании благодати Святого Духа. А это стяжание не только возможно, но и обязательно для всех без различия. В своей дивной беседе об этом преподобный говорил Мотовилову:

— Что же касается до того, батюшка, что я — монах, а вы — мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскует правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любви к Богу и ближнему — вот престол, на котором Он любит восседать и. на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. *Сыне, даждь Ми сердце твое* (Притч. 23:26), — говорит Он, а все прочее Я Сам приложу тебе, ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие (Мф. 6:33). Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих и оба имели веру в Него, хотя бы яко «зерно горюшно», и оба двинут горы (Мк. 11:23).

Подобно этому преподобный говорил и другому мирянину, Богданову, незадолго перед своею смертью:

«Царство Божие — не брашно и питие, но праведность и радость во Духе Святом (Рим. 14:17). Только не надобно ничего суетного желать, а все Божие — хорошо, и девство славно... И брак благословен Богом *и благослови я Бог, глаголя: раститесь и множитесь* (Быт. 1:22). Только враг смущает все».

Итак, все дело — в стяжании благодати Святого Духа, или, что то же, — Царства Божия. А это даруется Богом не независимо от той или иной формы жизни, а в силу стремления человека к цели христианской жизни. И потому существенной разницы между монахами и мирянами, собственно, нет. Различие может быть лишь в степени, но и то зависит от произволения и подвига каждого.

Однако, и помимо всего этого, были другие причины, почему преподобный Серафим относился с такою сердечностью к мирянам: монахи и без того спасались, живя в монастыре, а миряне нуждались в большем попечении, тем более что обыкновенно они приходили к батюшке со своими скорбями, бедами, недоумениями, болезнями. Однажды к преподобному пришел давний почитатель его и духовный друг, настоятель и создатель Надевской пустыни, блаженный иеромонах Тимон. Пеший, во время весенней распутицы, добрел он из Костромской губернии в Нижегородскую к возлюбленному батюшке, которого не видел уже двадцать с лишним лет; и, дойдя до кельи его, с нетерпением стал ожидать сладостного свидания со святым старцем. Но батюшка все принимал других, и мужчин и женщин, и лишь к вечеру впустил и о. Тимона. Упал строитель в ноги святому и с огорчением спрашивает его: «За что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?» Отец Серафим посадил путника и друга и с великою любовью начал ему говорить:

«Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю, но это я делал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение. Да еще испытывал тебя: чему ты научился, живя столько лет

в пустыни? Не пустой ли ты из нея вышел? А прочие люди — мирские, да еще больные: их надо прежде полечить и отпустить: ибо *не здравии врача требуют, но болящих* (Мф. 9:12), как Господь сказал. А с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать». И тако, — заканчивает свое воспоминание о. Тимон, — с ним всю ночь препроводили в беседе».

Между прочим, упомяну здесь и наставление, данное преподобным о. Тимону:

— Сей, отец Тимон, сей; всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на песке, сей и на камени, сей при пути, сей и в тернии; все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле да не истязан будеши от своего Господина; но отдавай его торжником: пусть куплю деют. Еще скажу тебе, отче Тимоне, не води дружбы и не имей союза: во-первых, с врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками и раскольниками; во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают; в-третьих, с женами: ибо они много нас, иноков, повреждают.

Хотя, строго говоря, все люди, кроме святых, больны, но к преподобному шли особо страждущие и часто за сотни и даже тысячи верст. Как же не утешить их прежде монахов? Приведу один случай, нигде в других житиях не печатавшийся, но поучительный для всякого скорбящего. В книге «Святое служение иерея» (и. Тихона) рассказывается следующее.

Жили муж и жена; они были люди интеллигентные и жили в любви. Но у мужа был порок — пристрастие к вину. Чем далее шло время, тем страсть одолевала

его все более. Ни просьбы жены, ни его собственные усилия не приводили ни к чему. Измученная жена отправляется в Саров к багюшке о. Серафиму и в горячих слезах рассказывает их грех. Преподобный пожалел ее, утешил и дал такое наставление: в течение сорока дней читать ей, тайно от мужа, акафист Божией Матери. Она воротилась домой и стала исполнять повеленное старцем. Но страсть мужа нисколько не уменьшалась. А к концу сорокоуста, к ее ужасу и недоумению, запой его усилился до безумия. Однако она продолжала читать Богородичный акафист. В сороковой день с мужем случилось нечто необыкновенное и неожиданное: он приходит со смирением к жене, просит у нее прощения за все свои грехи и за мучения, причиненные ей, и обещает больше не пить. От радости не верится бедной женщине, но она благодарит Матерь Божию и преподобного Серафима. И с этого дня муж совершенно выздоровел.

Однако вернемся к другим мирянам, особенно к тем, кои были близкими и доверенными друзьями святого. Была еще одна особая причина доверия к ним: они были преданными послушниками Серафимовыми. Этого мы не замечаем в большинстве саровских монахов: к преподобному была даже неприязнь среди многих из них. Между тем, для такого дела, как создание обители, да еще и женской, нужны были сотрудники совершенно послушные. И жизнь нам показывает, что доверчивую простоту души иногда скорее можно встретить в мирянине смиренном, чем в ином самомнительном монахе. Да и соблазнительно было вручать женскую общину инокам, ибо и сам девственнейший Серафим

ни разу не посетил даже своей обители, кроме единого проезда с похорон в сане иеродиакона, но и тогда не остался там на трапезу; несмотря на дождь, ушел пешком в Саров. И в другой раз, когда в Дивееве М. В. Мантуровым была выстроена Рождественская Церковь и сосед по саровской келье, монах Павел, звал о. Серафима на освящение, батюшка ответил ему:

— Нет, зачем их смущать, не пойду. И ты не ходи. Им лучше дать, что нужно: они сами все сделают и распорядятся всем как следует. А ходить нам к ним не надобно.

Но и при всем том, все еще не вполне понятным остается как бы предпочтение преподобным хороших мирян перед монахами. И нельзя ли усмотреть в этом еще одну особую причину? Не наступало ли уже при жизни преподобного то омертвление духа среди и монахов, и иерархов, и священников, о котором батюшка выразился так резко, назвав внешних делателей «черными головешками»? Не приходили ли сроки, когда истинные христиане должны быть определяемы не по признакам своего положения, сана, формы жизни, не по имени, а по действительной благодатной сущности? Не являемся ли мы в наше время свидетелями, как те, которым подобало бы защищать истину, остаются к ней равнодушными, а неофициальные в церкви лица, простые миряне, религиозно настроенные, оказываются оплотом Церкви? И сбывается слово Господне: последние делаются первыми.

Известно, что среди пророчеств преподобного Серафима сохранилось одно, доселе еще скрываемое, чтобы не было соблазна, — предсказание о падении

архиерейского чина, об оскудении ревности в нем по славе Божией*. Не могут хвалиться ею и обители, занявшиеся больше благоустроением, чем «духовным художеством», молитвенно созерцательным благочестием и святостью жития. Ведь не напрасно же несут в наше время очистительное наказание и епископы и священники, не без воли Божией закрыты монастыри, даже и лучшие, но все прежде обеспеченные.

И, наконец, в наше время оскудения истинного христианства во всем мире не подобало ли указать всем, что оно принесло не для одних лишь монахов и духовенства, а для всего мира, и, следовательно, прежде всего для самих же мирян? Разве не поразительно, что Сам Господь Спаситель первое чудо совершил на браке в Кане Галилейской, претворив воду в вино? Он звал этим человечество к духовному претворению и преображению жизни, именно среди самого мира же. А это возможно везде и всем. И сущность этого заключается в облагодатствовании своей души, а через это и всей окружающей жизни. Разве же в самом деле христианство принесено только для монахов? Нет, но и для всех людей. И все призываются к тому «стяжанию благодати Святого Духа», или Царства Божия, о котором напомним миру всему, позабывшему о самой сути христианства, великий всемирный светильник, преподобный Серафим. Так в свое время великий преподобный

* Предсказание преп. Серафима, получившее название «Великая Дивеевская тайна», известное в рукописных списках и до революции, впервые было опубликовано в Америке братством преп. Германа Аляскинского в 1968 году в книге «На берегу Божией реки» (2 ч.).

угодник и «новый богослов», святой Симеон (VI век) напоминал охладевшим грекам, монахам и мирянам, о потерянном ими понимании христианства, как о жизни и, притом, ясно ощутимой во Святом Духе. Беседа Серафимова скоро засияет.

Итак, оба пути, и монашество, и брачная жизнь, могут быть спасительными. А какой из них выбирать каждому, этот вопрос решается различно. По существу, оба они имеют одну и ту же цель: стяжание благодати Святого Духа. А по степени самоотречения и подвига хорошее монашество выше семейной жизни: *неженатый*, — говорит апостол, — *заботится о Господнем, как угодить Господу* (1 Кор. 7:32). «Но зато иноческий путь труднее мирского, монашеская жизнь не всем выносима, — сказал батюшка некоей и уже пожилой дворянке. — Отсюда понятным является, что вообще люди предпочтительно должны избирать для себя брачный путь: он благословен Богом. Но и в этом случае Господь никого не приневоливает на девство, — изрек батюшка, — принуждения от Господа нет, но, — тут же добавил, — все возможно верующему. И лишь в явных случаях неспособности к девству и при отсутствии решимости лучше и безопаснее без колебаний вступать таковым в брак и спастись в сем «среднем» пути, по словам святого Григория Богослова. А в конце концов, тот или другой путь, или, лучше сказать, и тот, и другой путь суть «дары Божии», и оба даны для спасения, как прямо говорит апостол Павел: *Желаю, чтобы все люди были, как и я (в девстве), но каждый имеет свое дарование от Бога: один так, другой иначе* (1 Кор. 7:25). Молитва, рассуждение, а особенно опыт

мудрых и прозорливых советников приведут к познанию Божией воли, к восприятию своего *дарования от Бога*. А если и это будет неясно или сомнительно, то надобно избирать брачный путь, как тоже Богом данный, благой, благословенный, а не укорный (Боже сохрани от такого кощунства!), — и подвизаться в нем».

Но когда Господь на нашем пути посылает нам духоносных советников, то нужно почитать это за милость Божию и обращаться к ним в случае недоумений. Так и бывало со многими лицами, обращавшимися к преподобному Серафиму за благословением на иночество.

«Однажды, — рассказывается в летописи, — в 1830 году один послушник Глинской пустыни, еще не решивший окончательно своего жизненного пути, нарочно прибыл в Саровскую обитель и спросил у о. Серафима: есть ли ему благословение Божие поступить в монашество? Молодой человек, не зная еще хорошо самого себя, не усвоивши мысли о своем призвании, колебался между миром и монастырем. Некому было поведать ему своих дум, не было вблизи человека, который бы решил его жизненный вопрос. Вот приходит Глинский послушник к о. Серафиму, падает ему в ноги, просит развязать душу от вихря сомнений, спрашивая: есть ли воля Божия поступать ему и брату его Николаю в монастырь? — Не так ли и сам о. Серафим, за несколько лет назад являлся в Киев к затворнику Досифею? Отвечал же он послушнику так:

— Сам спасайся и брата своего (родного) спасай! — Потом, подумавши немного, сказал: — Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой,

который упал в пропасть. Жезла нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу, и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл.

Сказав это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и произнес:

— Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братии, Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей.

После этого послушник решился поступить в монастырь. При пострижении ему дали имя Паисия, и в 1856 году он был произведен в игумена к Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а через шесть лет — возведен в архимандрита той же обители, сделавшись, таким образом, как провидел старец Серафим, пастырем душ человеческих. Родной же брат его, о котором о. Серафим говорил: «Спасай брата», поступил в монастырь под именем Назария и окончил жизнь свою в Козелецком Георгиевском монастыре, в звании иеромонаха».

Так решительно определял судьбу вопрошавших духоносный Серафим.

По поводу этого случая поместим здесь и свой рассказ о подобном же чудесном ответе батюшки в наши дни, записанном мною в тетрадь воспоминаний: «Из того мира».

«В Санкт-Петербургской Духовной Академии в студенческие годы у меня был друг и товарищ Николай В. С-в. За ласковость товарищи обычно называли его «Колечка». На втором или на третьем курсе он

задумал принять иночество. Думал, молился, спрашивал у некоторых духовных лиц совета, но ни от кого не получал определенного и окончательного ответа. «Можешь быть монахом, но и батюшкою хорошим тоже был бы», — говорили ему вопрошаемые.

Не удовлетворился Колечка. И снова тосковал по монашеству. Незадолго перед этим совершилось прославление преподобного Серафима и открытие его мощей. Мне, уже года два спустя, захотелось поклониться угоднику, и я отправился в Саров. А оттуда, купив монастырских подарочков, приехал в Академию к началу учебного года. Между прочим, Коле я привез небольшую иконку преподобного. А он давно еще особенно чтит Саровского Чудотворца — ранее канонизации его. Я при этом не имел никаких особых намерений. Но вот что случилось с К. Получив от меня приятный подарок, он, как сам рассказывал мне потом, решил обратиться к преподобному с просьбою: покончить так или иначе мучивший его вопрос о монашестве. Ему хотелось узнать только одно: есть ли воля Божия идти ему в монахи?

— И вот, — передавал он мне, — положил я твою иконочку пред собою в комнате и сказал вслух угодничку моему: «Батюшка, преподобный Серафим, великий Божий Чудотворец! Ты сам при жизни твоей говорил, чтобы к тебе приходили на могилку и все открывали, как живому. Батюшка дорогой! Я уже замучился своим вопросом о монашестве. Скажи мне: есть ли воля Божия идти мне в монахи, или же нет? Вот я положу тебе три поклончика, как живому, и открою твое житие (это, кажется, была книга Левитского

о преподобном Серафиме) и там, где упадет мой взор, пусть будет мне ответом».

Так все это он и сделал: положил три земных поклона, открыл житие на левой стороне, и его глаза впали на отдел, начинающийся словами:

«В 1830 году один послушник Глинской пустыни» и т. д., — о чем только что написали мы: «Есть ли воля Божия идти в монахи?» Обрадовался друг мой и со слезами стал благодарить своего чудотворца, который и его теперь благословил таким образом на этот же путь. Колебания кончились. И скоро вместо раба Божия Николая родился новопостриженный «брат наш Серафим», названный так по чуду откровения ему преподобным о монашестве. Сбылись и другие подробности из того же рассказа о Глинском послушнике: брат Серафим впоследствии стал тоже пастырем-епископом*. А кроме того, необыкновенное совпадение было и с «родным» братом, о котором в тот раз молитвы и не думал С-в, занятый лишь мыслью о себе самом: у него тоже был брат, который по временам страдал непонятной тоской и головными болями. И в эти минуты ему много помогал старший брат Николай, утешая и ободряя его. И вдруг теперь получается ответ и для него: «И брата спасай». Так тот и сделал: по окончании Академии о. Серафим взял к себе и мать свою — вдову, и брата на совместное житье. Потом постриг его в монашество, с именем Сергия: теперь уже в сане архимандрита, и он спасается вместе с братом своим — архиереем. А мать их скончалась мирно».

* Митрополит Серафим (Соболев) (1881-1950), видный иерарх Православной Церкви, богослов. — *Изд.*

Конечно, не нужно делать подобного способа познания воли Божией правилом, ибо это будет уже похоже на гадание. И такой путь не одобряется богомудрыми рассудительными старцами и святителями. В истории Дивеевской обители на этом пути совершилась великая и пагубная путаница. Нижегородский епископ Нектарий, в ведении коего была эта обитель, хотел провести в игумению некую сестру Гликерию Занятову, вопреки желанию большинства сестер остаться с прежнею настоятельницею Елизаветою Ушаковою. Для этого он, вопреки законам, употребил способ жребия, написав мать Елизавету, сестру Гликерию и еще одну, из ее же партии, Параскеву Ерофееву. Жребий пал на Гликерию, за которую стояло всего лишь сорок сестер, а остальные четыреста — за мать Елизавету. После этого поднялось большое дело. И вот приснопамятный митрополит Московский Филарет в своих мнениях, между прочим, писал:

«Я узнал, что преосвященный смотрит на брошенный им жребий, как на волю Божию, и потому ставит свое дело выше решения Св. Синода».

Такой взгляд Митрополит Филарет считал неправильным. После такое же воззрение высказал и Св. Синод, и решение дела жребием было отменено, а мать Елизавета возвращена на законное место. Сестра же Гликерия со своими приверженными последователями удалена из обители. Мир был восстановлен.

И некий другой святитель, возглавитель Церкви, писал по иному делу:

«Нужно молиться, чтобы Господь указал путь и увенчал успехом наше дело; но решение должно принимать

лишь по сознательному убеждению в его разумности и целесообразности, принимая на себя вместе и всю ответственность за это решение».

А если мы и привели рассказанный случай, то не как правило, а как особый исключительный случай проявления воли Божией, оправдавшийся потом и на деле.

Святые отцы, например Варсонофий Великий, а за ним и другие, включительно до автора «Невидимой брани», указывают такой путь при разрешении недоумений: отказавшись внутренне от своей воли и предубежденных предreshений, обратиться с троекратною по образу моления Господа в Гефсиманском саду, молитвою к Богу, и при этом со всею ответственностью в совести рассудить о деле снова; после этого — принять то решение, куда хотя бы немного склонилось сердце.

Но и при всем этом дар рассуждения есть особый дар Божий, который дается от Духа Святого: *Одному дается Духом слово мудрости... иному различение духов*, — говорит апостол Павел (1 Кор. 12: 8,10).

И преподобный Серафим учит:

«Настоятель, яко пастырь словесных овец, должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подать полезные советы каждому, требующему его наставления». И не «всякий человек верен, — по словам святого Петра Дамаскина, — дати совет ищущим, но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен».

Но кроме особого дара Божия рассудительность приобретается, по словам о. Серафима, и из постоянного, «день и ночь, поучения в Священном Писании»,

«в Законе Господнем». Наконец, указывается им и еще один путь к сему:

«Послушливый много к созиданию души успевает; кроме того, что он приобретает через сие понятие о вещах и приходит в умиление».

А когда есть прямое распоряжение начальства, то батюшка о. Серафим заповедует исполнять его беспрекословно, за святое послушание:

«Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; ибо несть власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть (Рим. 13:1)».

«Повинующийся повинуется во всем. А кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек; тот имел волю свою и в том, в чем отсек».

«Что делается по-своему, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо».

Поэтому батюшка настойчиво советовал всем монашествующим, а особенно же своим «сиротам» — послушание: послушание — выше поста и молитвы, — постоянно повторял он им.

У мирян свой путь. Но и там, как увидим мы, есть и свои пути послушания и уразумения воли Божией. И там, в миру, и должно и можно жить благочестиво и спастись. К этому теперь и перейдем.

Невозможно нам собрать все советы о. Серафима, да и не все напечатано. Выберем самое главное и практически нужное для подвижающихся в миру.

Глава XII

БЛАГОЧЕСТИЕ В МИРУ

Беседуя с мирянами, батюшка проявлял неестественную чуткость к душевному состоянию каждого, точно он в самом себе видел чужую душу. И потому его советы были не общими наставлениями, а отвечали на затаенные чувства и мысли посетителей. И другим он после советовал приспособляться к людям:

— С человеком душевным надобно говорить о душевных вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных предметах. А иной раз о духовном и совсем не нужно говорить, особенно, когда в них не примечается и желания к слушанию.

Но так как к нему самому приходили люди с раскрытою душою, то и батюшка открывал им не только свою любовь, но и самую душу. И тогда из него изливались мудрые и спасительные советы. «Нередко, — пишет составитель летописи, — он открывал самые сокровенные помыслы посетителей, и тогда потоки слез вырывались и у таких людей, которые имели твердое окамененное сердце. И все уходило от него с назиданием, иногда на всю их жизнь».

По его или, лучше сказать, общехристианскому учению, спастись и должно, и можно во всяком звании и состоянии. Так говорит и великий апостол Павел:

Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам... все — в соблюдении заповедей Божиих. Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов (1 Кор. 7: 17, 19—22).

Поэтому мы в житии и наставлениях преподобного не видим ни умаления брака, ни безусловного восхваления монашества, ни унижения богатых, если они смиренны и благочестивы, ни предпочтения бедных, если те не возвышаются духовною жизнью. Воистину «всё — в соблюдении заповедей Божиих».

Духовные, чиновники, военные, больше — крестьяне, купцы, идут к нему; и всех их равно приветливо и серьезно принимает о. Серафим; всем дает нужные наставления, утешение, ответы.

Прежде всего, сколько людей приходили к нему с вопросом о браке, а иногда о монашестве. И с какою верою он решал их недоумения, точно Всевидящее око Божие глядело в нем. И притом нередко решал не так, как думалось вопрошавшим. Вот несколько поразительных примеров.

Однажды посетили его две девицы: одна — молодая, из купеческого рода, а другая — уже пожилая, из дворян. Последняя стремилась к монашеству, но

родители не благословляли ее на это, а другая и не помышляла о монашестве. Но прозорливый угодник Божий дал им советы, совсем обратные их намерениям. Дворянку настойчиво увещевал идти в брак. «Брачная жизнь, — говорил он ей, — благословенна Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество тебе нет дороги. Монашеская жизнь трудная, не для всех выносима».

А юной девице батюшка велел поступать в монашество и даже назвал её имя монастыря, в котором она будет спасаться. Понятно, что обе посетительницы были недовольны беседою и ушли от старца разочарованные. Но впоследствии все случилось именно так, как предсказал о. Серафим.

Мысль о благословенности брака батюшка повторял своим посетителям часто. Пришел к нему один юноша с просьбою благословить его поступить в монастырь. Но преподобный, испытывая его твердость и укрепляя в добром намерении, сказал намеренно о браке:

— Не все могут вместить это, и на это принуждения от Господа нет. Но, — тут же и прибавил прикровенно, — все возможно верующему... Останься в мире, женись; не забывайте с сожительницею общения, страннолюбия; держитесь тех добродетелей, которые будут поминаться на Страшном Суде Божиим по святому Евангелию: *взалкал, и дасте Ми ясти; возжаждал, и напоите Мене; наг бех, и одеясте Мя...* Вот в чем ваше спасение! И еще приложите чистоту, храните от общения среды и пятки, и праздничные и воскресные дни. За нехранение чистоты, за несоблюдение

среды и пятки супругами дети рождаются мертвыми; а за нехранение праздников и воскресных дней жены умирают родами.

Юноша возвратился домой, но от советов батюшки еще более воспламенился желанием иночества и через полтора года вступил в Саровский монастырь.

Иногда о. Серафим неожиданно связывал судьбу людей, никогда прежде не видавших друг друга. Один офицер пришел просить благословения на вступление в брак. Батюшка сказал ему, что его невеста уже здесь, в гостинице. Скоро пришла к нему и эта девица, тоже за благословением на брак, имея в виду уже определенного человека.

— Нет, твой жених здесь, в Сарове, — ответил ей старец.

Молодые люди познакомились, а потом оба пришли к угоднику Божию, и он благословил их к венцу. Брак был весьма счастлив.

Часто видел о. Серафим, что будет с семьями в будущем. Отец поднес под благословение ему свою дочку — ребенка. Отец Серафим, взглянув на нее, сказал:

— У нее путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет.

Другой случай. Приехала к батюшке молодая купчиха из Елатьмы, Е. П. Гусева. Он взял ее за руку, ввел в келью и, поцеловав в голову, сказал:

— Эта голова много горя увидит! В горести зачнешь и в радости всех пожнешь.

Так и сбылось.

— Детей у меня было много, — рассказывала она после, — а он притчей предсказал мне правду: вырас-

тила их, всех поженила и всех же схоронила. И сама осталась теперь одна на белом свете.

Вступившим в брак о. Серафим повелевал не расходиться, как бы ни было трудно, или даже под предлогом девственной жизни впоследствии. Был такой пример.

Некие Т-вы разошлись между собою и развели детей. Муж заехал в Саров к о. Серафиму. Как только батюшка увидел его, стал строго обличать и необычно для него грозно начал приказывать:

— Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!

Обличенный муж послушался батюшки, воротился к жене, и остальная их жизнь прошла в единении и согласии.

Впрочем, известны два случая, когда о. Серафим благословил на вступление в монастырь семейных людей; но это было в особых условиях.

Один благочестивый посетитель монастыря дал обет принять иночество. Но возвратившись домой, вступил в брак и уже имел двух детей. Однако совесть не давала ему спокойствия, и он, по совету саровских монахов, обратился к преподобному старцу. Увидев его вышедшим из кельи с заступом в руках, посетитель бросился к нему в ноги, умоляя дать совет и благословить снова на желанный иноческий путь. Отец Серафим, выслушав все, сказал:

— Если ты точно обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой.

Потом старец благословил просителя, и тот ушел домой, предоставив все прочее на волю Божию. Вскоре

у него умерла жена, а за нею и дети. Похоронив их, покаявшийся грешник пришел в Саров, постригся в монашество и кончил свою жизнь примерным подвижником.

В другой раз одному купцу о. Серафим сам сказал: «Оставь мир». После долгого раздумья муж стал уговаривать жену уйти в монастырь с дочерью, чтобы потом и он мог сделаться иноком. Но жена не желала этого и стала ссылаться на неустроенность родителей, а потом и прямо заявила, что у нее нет никакого желания идти в монастырь. Но скоро померли и старички родители, и сама жена; а отец с дочерью разошлись по разным монастырям. Впоследствии его постригли с именем Мелхиседека.

Но такие случаи были крайне редки. А большею частью о. Серафим давал наставления как жить в семье. Часть этих советов мы уже слышали. Приведем еще и другие. Велел он больше заботиться о воспитании души детей, чем о привитии им разных знаний, хотя и этого не отрицал батюшка. Некий Богданов спросил его: учить ли детей иностранным языкам и прочим наукам? Отец Серафим сказал:

— Что же худого знать что-нибудь?

«Я же, грешный, — пишет Богданов, — подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это. Но тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: «Где же мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней!»

А вот назидательный рассказ для родителей, которые заботятся о религиозном воспитании своих деточек.

«В 1829 году, — сообщает ротмистр Африкан Васильевич Теплов, тоже один из преданных почитателей и друзей преподобного, — летом поехал я в Саров с женою и детьми. Дорогою жена моя, видя, что старший сын наш, которому было около десяти лет от роду, занимался исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимания на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уж привязаны к одним только священным книгам и что они вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и о прочем, необходимом на свете. По прибытии в Саров мы немедленно пошли к о. Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы пробыли здесь три дня. Благословляя мою жену, произнес:

— Матушка, матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее приложится им потом (Мф. 6:33)».

Благословляя же обоих детей наших, удостоил называть старшего «сокровищем своим». Так обличил праведный старец несправедливый ропот жены моей.

Сам батюшка любил детей, эти райские цветы. Рассказывается несколько умилительных случаев из жизни его.

Симбирская помещица Е. Н. Пазухина приехала в 1830 году посетить батюшку. А когда она подошла к келье его, то оказалось, что она была заперта изнутри: старец не принимал. Пробовали некоторые творить молитву монашескую («Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»), но дверь не отворялась.

«Наконец, — передает посетительница, — я обратилась к стоящей подле меня у самых дверей даме с маленькою девочкою, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только что малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась».

Подобный случай произошел в другой раз в пустынке. Народ собрался туда, чтобы повидать батюшку и получить от него хотя бы благословение. Но святой старец на этот раз почему-то решил никого не принимать и незаметно из кельи своей вышел в лес и спрятался в высокой траве. Среди посетителей в это время была Н. Аксакова с детьми. Не смея сами тревожить старца и даже искать его, богомольцы научили невинных деточек ходить по траве и звать батюшку откликнуться. Скоро они открыли скрывавшегося Божия угодника, но он начал им делать знаки, чтобы они не выдавали его. А невинные и обрадованные находкой деточки еще сильнее стали звать ждавших его посетителей, и батюшка с радостной улыбкой встал из травы, подошел с любовью к своим невинным «предателям», которые без всякой боязни, чистые сердцем, обступили его и стали ласкаться к «Божью дитяти» (Мф. 18:3-4). Тут уже подошли и взрослые.

Иногда батюшка брал детей на руки свои.

«В первый раз была я, — рассказывала дивеевская сестра Анастасия Протасова, — у старца Серафима еще малолетнею вместе с моими родителями. Во второй раз я была у него семи лет от роду с матерью и дивеевскою Ириною Прокопьевной. Он благословил нас и приказал приложиться к образу Божией Матери. А как я

не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной».

В это посещение батюшка предрек уже ей, что она будет монахиней в Дивееве. На 16-м ее году о. Серафим прямо сказал ей: «Тебя Божия Матерь семи лет избрала в инокини». Когда же к нему принесли еще трехлетнего брата ее Ивана, то батюшка взял его из рук няньки и, «подавая мне, — вспоминает Протасова, — спросил: «У вас есть сад?» — Я отвечаю ему: «Есть». Тогда он сказал: «Ты, матушка, носи его по саду и говори все: Господи помилуй; Господи помилуй, Господи помилуй! Он возмужает и будет сокровище наше вожделенное, а корми-то его сама, из своих рук».

После Анастасия сделалась сестрою Дивеевской обители.

Рассказывала еще о себе некая Наталия Евграфова:

«Бывши от роду пяти лет, я была нечаянно облита кипятком. Врачебные пособия не приносили мне никакой пользы. Тетушка моя, от неосторожности которой я пострадала, обратилась в молитве к о. Серафиму. Принеся ко мне его изображение, она дала мне наставление, чтобы я и сама призывала на помощь благодетельного старца. Изображение его поставили у меня в головах».

После этого она заснула и увидела себя будто бы в Сарове, а о. Серафим сказал ей: «Ты будешь, малютка, здорова». Боль прекратилась. Малютку повезли потом в монастырь; и она увидела там все, как ей приснилось в видении. А особенно до слез была поражена тождеством батюшки с виденным ею во сне ликом его.

«Старец ласково обратился ко мне, — рассказывает она дальше, — и сказал: «О, и малютка ко мне при-

шла!» — При этом он обнял меня, поцеловал в голову и долго ласкал».

После мы еще раз увидим, с какою необыкновенною нежностью святой старец встретил двенадцатилетнюю отроковицу, ребенка-подвижницу, будущую схимонахиню Марфу.

А в заключение приведу случай, сообщенный маленьким виновником его Я. М. Неверовым. Еще будучи мальчиком, он со своей матерью приехал из родного имения дедушки Верякуш Ардатовского уезда в Саров. Отправились к батюшке. Народу было много. Он по обычаю своему угощал посетителей крошечными просфорами и вином с ложки. Одна молодая дама, Засецкая, никак не хотела принять этого и все отворачивалась. Отец Серафим тогда сказал ей: «А ты пальчиком-то, матушка, пальчиком!» — то есть переложил с ложки в рот. Молодая дама рассмеялась от этих слов. Вслед за нею неудержимо начал громко хохотать и мальчик. Дама вышла, а потом мать вывела и своего веселого сына и в наказание оставила его без пищи. А через некоторое время повела его к келье батюшки просить прощения; сама же оставалась за дверями. Сотворивши входную молитву, мальчик вошел к о. Серафиму и увидел его сидящим в гробу с книгою в руках.

— Здравствуй, мой друг, здравствуй. Что тебе нужно? — чрезвычайно приветливо обратился к нему старец.

— Матушка прислала меня просить прощения у вас в том, что я давеча смеялся над вами.

— Тебя матушка просила, — самым добродушным тоном, но с ударением на слове «матушка», сказал

о. Серафим. — Ну, благодари от меня твою матушку, мой друг! Благодарю ее от меня, что она вступилась за старика. Я буду молиться за нее; благодари ее!

Мальчик, сознавая внутреннюю свою виновность пред старцем, позволил себе сказать: «Нет, не матушка прислала, а я сам пришел».

— Ты сам пришел, мой друг, ну, благодарю тебя, благодарю! Да будет над тобою благословение Божие!

При этом он позвал мальчика к себе и, благословив, сказал: «Раскаяние и грех снимает: ну, а тут не было греха. Христос с тобою, мой друг!»

После этого батюшка велел прощенному сесть на единственную скамейку возле его гроба и, открыв бывшее в его руках Евангелие, стал читать: *Не судите, да не судимы будете* и прочее из 7 главы Евангелия от Матфея. На ребенка слова Господа произвели потрясающее впечатление на всю жизнь. Батюшка с любовью отпустил смирившегося невольного шалуна и потом всегда с ласкою встречал его при приездах к нему. Впоследствии он сподоблялся быть наблюдателем необыкновенно умирительного причащения Святых Тайн старцем в своей келье, — о чем писалось уже раньше.

«Даже до сей поры, — заканчивает уже взрослый Неверов, — подходя к причастию и повторяя за священником слова причастной молитвы, я мысленно вижу перед собою величественный облик о. Серафима с чашею в руках».

По отношению к родителям батюшка повелевал детям хранить почитание, даже в тех случаях, когда у тех были какие-либо немощи. Так, например, один сын пришел к нему со своею матерью, которая страдала

пороком пьянства. Но только что тот хотел жаловаться на слабость ее, как преподобный закрыл ему рукою уста. А потом обратился сам к бедной женщине и сказал:

— Отверзи уста свои!

Когда она открыла их, о. Серафим дунул на нее трижды. А отпуская, прибавил:

— Вот вам мое завещание: не имейте в дому своем не точию вина, но ниже посуды винной, так как ты, — сказал батюшка, обращаясь к матери, — не потерпишь более вина.

В другой раз произошла такая беседа.

«Однажды я была у о. Серафима, — рассказывает М. В. Никашина, впоследствии сестра дивеевская, — с родною своею сестрою, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: «Жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения». На это сестра моя отвечала ему:

— Я все грешу, ссорясь со своим родителем за то, что он, сдавши свое место брату моему, сам все живет у меня.

Отец Серафим возразил ей:

— С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем?

— У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду.

— Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет! — опять возразил ей старец.

Действительно, сын ее вскоре умер, и ей пришлось жить с родителем».

После семейной жизни, общей для мирских людей, батюшка давал наставления и о разных видах служения и деятельности.

Приведем несколько примеров из разных кругов общества.

Вот приезжает на Рождество 1830 года в Саровский монастырь Богданов, занимавший начальственный чиновный пост, и спрашивает батюшку:

— Продолжать ли мне службу или жить в деревне (в имении)?

— Ты еще молод, служи, — отвечал старец.

— Но служба моя нехороша, — возразил тот.

— Это — от твоей воли, — разъяснил батюшка, — потому что спастись можно на всякой службе, во всяком деле.

В житии святого много случаев обращения к нему за советами лиц военных. И никогда он не подал и малого намека на уничтожение этого звания. Даже наоборот, можно приметить, что к ним батюшка бывал более внимателен и любезен.

Иван Яковлевич Каратаев по нуждам своего полка в октябре 1830 года проезжал из Курска мимо Сарова. Наслышавшись много о святости Серафима, он загорелся желанием повидать его, но его устрасила обычная для грешников мысль: «Мне казалось, — рассказывал он, — что старец торжественно обличит меня во всех моих грехах, особенно же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукою человека, к тому же, может быть, грешного, не может быть угодна Богу».

Так и проехал мимо малодушный офицер. Но на следующий год в марте месяце он снова возвращался с солдатами своими через Саров, направляясь на войну с Польшей. На этот раз, он, с неожиданной для него самой радостью, пошел к келье прозорливого старца. Народу толпилось множество. Отец Серафим, благословляя богомольцев, взглянул на офицера и позвал его за собою в келью.

«Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну, и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным крестом своим, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хотя мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей».

Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания святых икон:

— Как худо и вредно для нас желание исследовать Таинства Божии, недоступные уму человеческому, например, как действует благодать Божия чрез святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, — прибавил он, — и не только тело их, но и душу, так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного.

Затем батюшка привел и примеры почитания икон:

— Еще в Ветхом Завете, при кивоте Завета были золотые херувимы, а в Церкви новозаветной евангелист Лука написал лик Божией Матери; и Сам Спаситель оставил нам нерукотворенный Свой образ.

В заключение беседы батюшка сказал:

— Не нужно внимать подобным хульным помыслам, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда».

При прощании офицер оставил на столе три рубля, но при выходе его смутил помысел диавольский: «Зачем святому отцу деньги?» Неопытен еще был в борьбе духовной воин земной. Но зато он снова поторопился прийти к великому старцу, и тот сам встретил его словами:

— Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на святой храм. И молитвами святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твоё здоровье.

Затем батюшка снова исповедал его, влил ему в уста святой воды, сказав:

— Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна!

На прощание старец сказал:

— Положи упование на Бога и проси Его помощи. Да умей прощать ближним своим, и тебе дастся все, о чем ни попросишь.

«В продолжение польской кампании, — заканчивает рассказ Каратаев, — я был во многих сражениях;

и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего. Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение; и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось в действительности: ни один из них не был даже ранен».

Другому военному человеку, О. Лодыженскому, отправлявшемуся в 1830 году в Китай и тоже смущавшемуся вопросом об иконах, о. Серафим указал на пример святого Иоанникия Великого:

— Это был военный, весьма добрый и хороший человек. И сначала не то чтобы он не был христианин, он веровал в Господа, но в иконах заблуждался так же, как и ты.

«При этих словах он показал на меня рукою. Я был весьма поражен этими словами. «Теперь я, — говорил он своим сестрам, глубоким почитательницам батюшки, — совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа». Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мною и давать мне наставления; особенно, чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд».

Но особенно умилительный и назидательный случай произошел с одним генералом — Л. Больше по любопытству заехал он в монастырь. Осмотрев здания, он хотел уже и уезжать, но встретил помещика А. Н. Прокудина и разговорился с ним. Тот посоветовал ему непременно зайти к затворнику. Самолюбивый генерал с трудом согласился на это и вошел вместе со знакомым в келью старца. Батюшка устремился к ним на встречу и поклонился генералу в ноги, к немалому

удивлению его. Прокудин вышел обратно, а генерал побеседовал со старцем с полчаса. Когда он выходил потом, то батюшка поддерживал его под руку, а он, закрыв лицо свое, плакал точно дитя малое. Ордена же его и фуражка в горести были позабыты в келье — их уже потом вынес батюшка и подал генералу.

После он рассказывал, что прошел всю Европу, но в первый раз в жизни видел такое смирение, а о прозорливости даже и не подозревал никогда; между тем, старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. А когда кресты свалились с груди его, то батюшка сказал ему: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

Однажды пришли к нему управляющий имением одного помещика, его же крепостной Н. с женою. Они стали просить у батюшки благословения на поездку в Москву к господину своему, чтобы он отпустил их на волю или по крайней мере освободил его от трудной службы. Но о. Серафим взял управляющего за руку, подвел его к иконе Умиления Божией Матери и сказал:

— Прошу тебя ради Божией Матери: не отказывайся от должности. Твое управление — к славе Божией: мужиков не обижаешь. А в Москву нет тебе дороги. А вот твоя дорога: я благословил одного управляющего проситься на волю по смерти господина... Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему такую доверенность на управление имением, что только себя не вручила ему.

Посетитель исполнил приказание батюшки, а впоследствии с ним самим произошло все то, что старец говорил прикровенно о другом будто лице.

К подчиненным, особенно к крепостным крестьянам, о. Серафим всегда заповедовал относиться с вниманием и жалостью.

— Не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? — спросил его некий начальник. — И как сохранить нравственность людей, мне подчиненных?

— Милостями, облегчением труда, а не ранами, — ответил кроткий старец, — напои, накорми, будь справедлив! Господь терпит (то есть его самого), и ты прощай... Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил.

Тяжкое было то время для крестьян... И нужно было особенно настойчиво повторять о милости господ к рабам. Но если кто-либо из крепостных уходил от своих помещиков самовольно, то батюшка не покрывал таких. Одна девушка, желая скрыться от своих господ, надела на себя послушнический подрясник, остригла волосы в кружок и в таком виде бродяжничала по миру. А когда ее узнало начальство, то она сослалась на преподобного Серафима в надежде, что из уважения к святому старцу простят и ее. Наряжено было следствие над батюшкою: все это оказалось неправдою. А старец даже огорчился по поводу всего происшедшего и целый день не выходил из кельи своей, проводя время в молитве.

Так никакое само о себе звание еще не спасает человека. В одно время к батюшке особенно силился протискаться сквозь толпу какой-то крестьянин, но какая-то сила снова отталкивала его назад. Обратив, наконец, на него внимание свое, о. Серафим, со строгостью, совершенно для него необычною, вдруг спросил его:

— А ты куда лезешь?

«Крупный пот выступил на лице крестьянина, — описывает очевидец, — и он с чувством глубочайшего смирения в присутствии всех тут бывших начал раскаиваться в своих пороках, особенно в краже, сознавая, что он не достоин и явиться пред лице такого светильника».

К воровству батюшка относился очень строго. Давая наставления своим дивеевским сестрам, он был вообще весьма умерен и снисходителен в уставе о молитвах, о вкушении вволю и пр. Но зато требовал послушания, труда и еще приказывал никогда не держать подпавших греху воровства, а немедленно высылать таких из обители.

— Нет хуже вора, — говорил он Ксении Васильевне, — от такого — тьма грехов! Лучше уж блудника держать, матушка: ибо тот свою губит душу и отвечает сам за нее. А тот все: и себя и ближнего губит, матушка.

Но не одних лишь простых людей, а и знатных обличал иногда батюшка, если видел, что кротостью их не спасти.

Однажды проездом из Крыма заехал в Саров некий помещик. Во время обедни он на коленях и со слезами молился пред образом Божией Матери. Батюшка в тот день был в пустыньке. Проезжему дали из монастыря послушника проводить его к старцу, но батюшка отказался принять того и сказал послушнику:

— Я умоляю тебя именем Господним, чтобы ты и впредь избегал таких людей: этот человек притворщик. Он самый несчастный, самый потерянный человек.

Нечего было делать: провожатый передал отказ старца и на пути в монастырь понемногу объяснил поме-

щику причину этого. Зарыдал тогда он уже со всею искренностью и признался послушнику в своих самых нечистых чувствованиях.

Архимандрит Никон (Конобеевский), у которого батюшка при разговоре о монашестве спрашивал, «не гнушается ли он брака», записал впоследствии случай о вразумлении о. Серафимом важного чиновника.

Прибывши из Нижнего Новгорода в монастырь с семейством, чиновник несколько раз подходил к келье угодника, чтобы принять от него благословение, — уже все члены семьи сподобились этого, и лишь одного его не впускал старец. А когда господин стучался, то о. Серафим изнутри отвечал:

— Меня дома нет, мне не время.

Так было до пяти раз. Тогда он попросил Конобеевского, в то время еще молодого семинариста, проводить его к старцу. Сотворили молитву, и батюшка тотчас открыл дверь и радушно, точно ничего и не бывало, принял чиновника и сказал ему:

— Я говорил вам через двери, что ваши-то люди и говорят приходящим к вам по нуждам своим: «Барина дома нет! Ему не время!» Ведь этим отказом прогневая ближних, вы прогневаете Самого Бога!

Смиренно принял обличение светский генерал, поклонился при семинаристе батюшке в ноги и обещал впредь никогда более не допускать этого, не редкого в богатых кругах, но горького для бедных просителей, лживого обычая.

Иногда о. Серафим даже отвергал деньги, приносимые на построение обители и храма, как «нечистые и неугодные Царице Небесной». Однажды к нему

пришла сестра Ксения Васильевна и, не называя личности, радостно сказала ему, будто им обещают выстроить церковь в Дивееве. А батюшка отвечал:

— А вы не слишком-то радуйтесь, да не очень-то на благодетелей надейтесь. А кто же это обещал-то тебе, радость моя?

— Да Прокудин, — отвечала Ксения.

— Это он-то? — воскликнул отец Серафим. — И не моги братъ, матушка, и не надо! Он уже и мне, и Мишеньке говорил, да я не приказал, матушка. Запомни раз навсегда: не всякие деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери! И не всякие деньги попадут в обитель мою, матушка! Мало ли что, — другие и рады бы дать, — только возьми, да не всякие-то деньги примет Царица Небесная. Смотри: какие деньги. Бывают деньги обид, слез и крови! Нам такие не нужны, мы не должны принимать их, матушка!

Так и отказал от худой жертвы недоброго помещика.

Всем заповедовал о. Серафим трудиться. Одной страннице, Марии Иконниковой, проживавшей в Томске, известный подвижник Ачинский Даниил, с гневом грозя даже палкою, запретил попусту бродяжничать по свету:

— Ступай и живи в Томске. Питайся от своего рукоделия: чулки вяжи! А когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостыню. Да слушай же: больше не ходи по России!

Она сначала послушалась, но через полгода родственники и знакомые упростили ее сводить их в Киев. Она согласилась. На пути зашли к о. Серафиму.

А батюшка сурово взглянул на нее и громко, подобно Ачинскому подвижнику, закричал:

— Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить по России! Теперь же ступай назад домой!

Мария стала было просить благословения на богомолье в последний раз, ссылаясь на то, что у нее и денег нет на обратную дорогу. Но о. Серафим снова громко закричал:

— Я тебе сказал: ступай назад! А вперед идти тебе нет благословения! Ступай, ступай обратно! И без денег довезут на лошадях до самого Томска.

Послушалась с горечью странница, оставила своих спутников, а сама направилась на Нижний пешком. В этом городе, по промыслу Божию и за ее послушание, она нашла томских купцов и благополучно доехала до своего города.

Много бы можно и других поучительных о мирянах случаев рассказать здесь, но и без того повествование наше о них расширилось. Впрочем, это понятно: батюшке с ними именно и приходилось больше иметь общения.

Не советовал батюшка придумывать каких-либо особых подвигов или даже необычных дел. Некий посетитель спросил о. Серафима растолковать ему сон:

— Я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь.

Батюшка ответил:

— Это твое собственное желание. И если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом.

Мы уже видели, как батюшка неодобрительно относился к самочинному подъятию подвига юродства,

когда воротил к семье и торговле одного такого много подвижника, с веригами, босого, без благословения бросившего свое дело и начавшего бродяжничать. «Мню, — сказал ему о. Серафим, — что весьма хорошо торговать хлебом». И в другой раз говорил он:

«Из юродивых едва ли один отыщется, чтобы не в прелести находился. И погибали. Или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли. При мне один только обнаружил юродство — запел в церкви кошачьим голосом — старец Пахомий в ту же минуту приказал юродивого вывести и проводить за монастырские ворота. Три пути, на которые не должно выходить без особого звания: путь затворничества, юродства и путь настоятельства».

Из жития самого преподобного известны лишь всего два-три случая, когда он благословлял на подвиг юродства блаженную Пелагею Ивановну Серебренникову (о ней упомянем далее), Параскеву Семеновну Мелюкову и еще одну монахиню. Впоследствии в Дивееве подвизалась известная под именем «Паши Саровской» юродивая, которую в миру звали Ириною; она была крепостною у помещиков Булыгиных Спасского уезда. Вот и только за целое столетие; да и те жили в монастырях. А в миру нужно жить как живут все, обычно, стараясь спастись каждый в своем положении. И мы видели: сколько необыкновенных мирян светилось вокруг о. Серафима, как маленькие звездочки вокруг великой звезды!

Но зато старец всюду проповедовал смирение, покорность с кротостью и особенно любовь и милосердие.

Находящимся в монастырях о. Серафим, согласно общему отеческому наставлению, советует послушание как путь к смирению, а смирение — смерть страстям. «Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоём — тогда спасешия. Смирение и послушание суть искоренителие всех страстей и насадителие всех добродетелей» (Варсонофий Вел., отв. 309 и др.); «как сукно белильник колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело подобно снегу; так и послушник, терпя унижения, оскорбления, поношения, очищается и делается, как серебро чистое, блестящее, огнем разжженное» (Антиох. сл. 113).

И хотя эти слова сказаны были, собственно, для послушников, но в некотором смысле весь мир Господь устроил так, что приходится кому-либо повиноваться по необходимости: подначальные — начальникам, дети — родителям, жены — мужьям, и т. д. И везде приходится смиряться и ломать свою волю, подчиняя ее воле других... Даже с детьми родными приходится смиряться матери, чтобы не раздражиться, когда не нужно, и не пожалеть наказать, когда следует; а сколько требуется терпения, страданий во время воспитания, болезней, исправления пороков детей! А иногда внешние обстоятельства жизни складываются трудно, бедственно. Везде нужно смирение и терпение. А иной раз Господь и в миру посылает какого-нибудь человека, который побуждает, по воле Божией, ломать и сокрушать нашу гордыню. И вообще нужно так сказать: никто в мире не оставлен попечением Господним о спасении его, а спасение без смирения невозможно. И потому нужно лишь внимательнее примечать: как

именно Господь в настоящий вот момент смиряет меня? И этот Божий урок и следует тотчас принимать к исполнению, не ожидая другого, не отменяя этого, не придумывая своих, якобы лучших путей ко спасению. Господь лучше знает, что нам, грешным, именно сейчас нужно и наиболее спасительно. А то, что мы сами промышляем, большею частью только отвод врага от нужного и полезного делания Божия, хотя нередко эти отводы прикрыты советами «лучшего», даром и половица говорит: «лучшее — враг хорошего».

А если и нет прямых руководителей и опытных старцев, то мирянин имеет всегда при себе помощника. Упоминаемый Богданов, заранее заготовивший батюшке целый ряд вопросов, спросил его и о духовных советах:

— Можно ли верить учению других?

Отец Серафим отвечал:

— Довольно одного Ангела-Хранителя, от святой купели нам данного.

Впрочем, тут же прибавил и о советниках:

— Если ярость в ком есть — не слушай. Если девство кто хранит — Дух Божий таких принимает (следовательно, нужно им внимать). Однако же сам разум имей. И Евангелие читай.

И при этом дал целый ряд простых наставлений, которые известны всякому:

«Не забывай праздничных дней. Будь воздержан. Ходи в Церковь — разве немощи когда (не дозволят). Молись за всех: много этим добра сделаешь. Давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает».

Да не унывают же и миряне! Не напрасно же и их называл батюшка отрадными именами: «радость моя», «сокровище мое», «батюшка», «матушка».

Некоторые лица из мирян пользовались высоким почитанием даже у самого батюшки. Из их числа, между прочим, он выделял некоего священника села Бортсурмау, Симбирской губернии, о. Алексия Гненышева:

— Сей человек, по своим молитвам за души христианские, подобен свече, возжженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих подвижников.

Да и о. Василий Никитич Садовский, столь близкий сотаинник о. Серафима, был семейным. А, между тем, как его любил батюшка! И жену его называл почтительным славянским словом «подружье», посылал ей от себя сухариков, оставшихся после явления Божией Матери (1830 г., после Успения); и предсказал о смерти обоих:

«Подружье-то твое, — записал его слова о. Василий, — ранее тебя отойдет ко Господу! — сказал мне батюшка Серафим, — через два года после нее уйдешь и ты, батюшка! Ты помни: двенадцать, а ты, батюшка, тринадцатый! И вот что заповедаю тебе: как умирать-то будешь, то чтобы тебе лечь с правой стороны алтаря Рождественской церкви, а Мишенька (М. В. Мантуров) ляжет с левой. Так и вели себя похоронить тут. Вот хорошо и будет, батюшка: ты-то с правой, а Мишенька с левой, а я у вас посередке. Вместе все и будем».

Глава XIII

РАДОСТНЫЙ НАСТАВНИК

Мы старались доселе приводить дословно подлинные наставления батюшки, сказанные им разным лицам — это представляется нам дороже всяких наших собственных рассуждений, ибо задача наша заключается в том, чтобы дать читателю как можно более фактов и собственных изречений преподобного — это и его изображает ярче и живее, а главное в том, что его поучения сильнее и убедительнее всяких наших толкований.

Но когда мы собрали несколько материала о благочестии мирян, то к нашему, а может быть, и читательскому разочарованию, нам показалось, что все в приведенных рассказах получилось слишком «просто». Ничего нового — все это известно почти всякому православному. Ничего особенного чрезвычайного и сильного, все обыкновенно.

А между тем, в действительности батюшка производил на всех такое обаятельное, а иногда и потрясающее впечатление, что люди уходили от него в восторге, а иные — в рыданиях, и почти все — утешенные, ободренные, обрадованные, умиротворенные, приподнятые, точно в каждого из них он впрыскивал жизненную силу,

светлую радость, подъем духовного напряжения, крепость в добре, желание исправления. Кратко сказать: пламенный Серафим зажигал людей огнем и благодатным духом возрождения (Лк. 3:16). Это нам даже трудно представить, и только из рассказов да из необыкновенных благих последствий мы догадываемся и видим, что за чрезвычайная сила таилась и действовала в «убогом» и скорченном старце! Особенно умел он ободрить и обрадовать посетителей, свидание с батюшкой бывало для них истинным праздником! От него люди улетали точно на крыльях! Или наоборот, необыкновенно сосредоточенными, обличенными, но в то же время — с решимостью на борьбу со злом.

А в наших немногих рассказах получилось так «просто». Трудно передать словами дух. Евангелие о Христе тоже необычайно просто, а между тем, *великое множество Народа стекалось к Нему слушать и врачеваться у Него* (Лк. 5:15), так что апостолам *невозможно было и хлеба вкусить* (Мк. 3:20). Подобно этому бывало и в Сарове возле о. Серафима.

Отчего же, однако, выходит все так просто?

Просто потому, что и жизнь-то наша проста. Но попробуй исполнить самые известные заповеди Божии, и как трудно и непросто окажется это! Чего бы проще любить жену, мужа, родителей? Кто не знает, что нужно хранить целомудрие, верность, честность? Кто же не слышал евангельских заповедей о милосердии к бедным, об исполнении долга своего служения? Да, все это мы знаем, но не можем иной раз делать этого. А батюшка вдохновлял на добро, в этом и заключалась сила духовных людей. И фарисеи говорили, но их слова были мерт-

вы, а Иисус учил их, как власть имеющий (Мф. 7:29). И апостол Павел свидетельствует про себя: *И слово и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1 Кор. 2:4).

Да и что можно «нового» сказать, когда в христианстве все уже сказано? Остается лишь делать.

И однако же, мы попытаемся еще немного приоткрыть радующий и бодрящий дух наставлений и обхождений с мирянами о. Серафима.

«Однажды, — рассказывает сосед по келье батюшки, о. Павел, — привел я к о. Серафиму молодого крестьянина с уздою в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их одних. Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну, что? Отыскал ли ты своих лошадей?» — «Как же, батюшка, отыскал», — отвечает крестьянин. — «Где и как?» — спросил я еще его. А он отвечал: «Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг, и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидал и взял к себе моих лошадок».

Маленький, кажется, случай, а для крестьянина лошади — все богатство; потеря же их — разорение и горькая нищета... И вдруг такая радость: по слову Серафима, «лошадки», как ласково называл их хозяин, нашлись. Можно понять, что «молодой крестьянин» еще не раз с радостью потянется к Серафиму в Саров, а на старости лет, может, и жизнь свою окончит в монастыре. А какая радость для всей его семьи: «лошадок» нашли! Сколько, чай, слез пролито было и женой и детьми, если уж сам мужик плакал в монастыре, держа узду.

Или вот приехал по пути из Москвы в Пензу князь Н. Н. Голицын. Старец был в пустыньке. Князь поспешно отправился туда. По дороге он встретил батюшку и попросил благословения.

— Кто ты такой? — приветливо спросил о. Серафим.

Князь по скромности назвал себя просто «проезжающим» человеком.

Тогда старец с братскою любовью обнял его, поцеловал и сказал: «Христос воскрес!» Затем спросил его: «Читаешь ли святое Евангелие?» — Князь ответил: «Читаю». — «Читай почаще, — отвечал старец, — следующие слова в сей Божественной Книге: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11: 20-30)».

Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогою продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Пришедши в монастырь, старец пригласил князя к себе в келью, дал напиться святой воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжающего человека: долго ли он намеревается пробыть в монастыре? Тот ответил, что «предполагает уехать наутро, после ранней литургии».

Тогда о. Серафим с невыразимою, по словам князя, любовью сказал, что, полюбив его, он желает еще видеться с ним завтра, после ранней обедни; что поэтому, собственно, ради него он не пойдет завтра

в пустынь и останется в монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей кельи, благословил, обнял его и ввел к себе. Здесь опять напоил его святою водою, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из Евангелия и еще Символ веры, в котором просил особенно обращать внимание на двенадцатый член. К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестными, но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

Мир, утешение, отрада, ласка, любовь, внимание, со слезами целование, «Христос воскрес» — сплошная радость во время посещения. А на всю жизнь дано правило: искать утешения в скорбях, которые уже прозревал угодник Божий, — во Христе и христоподобном смирении: «Я упокою вас».

Мы уже упоминали и об Анне Петровне Еропкиной. Полюбив молодого человека из своего дворянского круга, семнадцатилетняя барышня вышла за него замуж, хотя святой Серафим явился ей во сне и не велел этого делать. В феврале 1829 года отпраздновали свадьбу, а 10 мая муж, после болезни, скончался без напутствования Святыми Тайнами. Молодая вдова едва не сошла с ума и постоянно думала о самоубийстве. А через год она, по совету людей, была уже в Сарове. Мы знаем, что утешил ее преподобный и успокоил относительно умершего без причастия мужа. Это было в марте. А через два месяца она, по благословению о. Серафима, снова поехала к нему. И вот как она сама описывает некоторые подробности этой второй поездки:

«Весела мне была тогда дорога; я думала, что еду к родному отцу. По прибытии в обитель бросилась я как лань к нему в лес, узнав, что он там, в пустыни. С трудом я могла рассмотреть, что он копошится в воде, вынимает оттуда крупный булыжник и после, выйдя из воды, тащит его на берег. В эту минуту я сквозь народ пробралась к нему. И лишь только он меня заметил, как с веселым лицом приветствовал: «Что, сокровище мое, приехала? Господь благословит тебя, погости у нас!» Вскоре он стал отсылать и меня и народ в монастырь, приказывая туда торопиться. Но никому не хотелось с ним расставаться. К тому же день был прекрасный, и до вечера оставалось много времени. Промешкав довольно долго в лесу, мы все потянулись длинной, непрерывной вереницей к монастырской гостинице. Вдруг нашла страшная грозовая туча, и от проливного дождя ни на ком из нас не осталось ни одной сухой нитки. На другой день, как я пришла к нему, он принял меня очень милостиво и с ангельской улыбкой сказал мне: «Что, сокровище, каков дождичек, какова гроза? Не попала бы ты под них, если бы послушала меня. Ведь я тебя заранее посылал от себя!»

Или вот еще утешительный случай. Мать потеряла неизвестно куда и как пропавшего единственного сына. Можно представить себе все ее неизбывное горе? Пошла она в Саров и с растерзанным сердцем припала к ногам о. Серафима и просила молитв о погибшем сыне. Утешил ее старец, ободрил, обнадежил и, к ее удивлению, велел ей ждать своего сына в монастырской гостинице. Как ни показалось невероятным такое утешение, все же послушалась несчастная мать, хвата-

ясь за предсказание батюшки как утопающий за соломинку. Прошел день, прошел другой, третий, а сына все нет. Грустная, направилась она к о. Серафиму, чтобы получить уже благословение и отправиться во-свояси, с прежним камнем на душе. И что же? Как раз в то время, как она пошла из гостиницы к батюшке, к нему пришел на благословение и сын ее. Отец Серафим взял его за руку, подвел к матери и поздравил с радостною встречею.

А сколько он утешал своих сирот, тому и конца рассказов нет! Упомянем уже и об этом здесь по связи, да и не одним только его монахиням утешительны и назидательны слова его и рассказы о нем, а и всякому христианину. Примеров много, возьмем два-три.

«А я прихожу к нему, батюшке Серафиму, — рассказывает старица Агафия Григорьевна, — да и думаю, смущенная духом, что по кончине не будет уже никому и никакой награды. Батюшка был в своей келье, в сеночках, положил голову на грешное мое плечо и сказал: «Не унывай, не унывай, матушка! Мы в Царствии-то Небесном будем с тобою ликовать!»

И прибавил: «Матушка, чтобы умная молитва повсегда бы при тебе была». А я, грешница, изнемогала в малодушии.

«Не слушай, — говорит, — матушка, куда тебя мысли-то посылают! А молись так, матушка: «Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствие Твое», — и с начала до конца (блаженства). «О, всепетая Мати». Потом: «Помяни Господи, отца нашего иеромонаха Серафима, и свое-то имя помяни. Вот, матушка, мои грехи простит Господь и твои: так и спасемся!»

И мирянам он тоже велел призывать его в молитвах в моменты уныния, скорбей и скуки или нападения врагов невидимых. Однажды заболела молодая крестьянка Александра Лебедева, села Елизарьева Ардатовского уезда. Возвратившись 6 апреля 1826 г. из храма после праздничной службы, она, пообедавши, вышла с мужем прогуляться. Вдруг с ней, без всяких видимых причин, случился припадок, после которого она начинала скрежетать зубами, грызть вещи, а потом засыпала. Такие мучительные припадки впоследствии стали повторяться с нею ежедневно. Лечение не помогало. Прошло больше года. 11 июня 1827 года ей явилась во сне старая женщина, со впалыми щеками, и велела ехать в Саров к о. Серафиму. «Он тебя ожидает к себе завтра, — сказала она, — и исцелит тебя».

— Кто ты такая и откуда? — осмелилась спросить больная.

— Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия.

На другой же день родные повезли ее к батюшке. Он действительно исцелил ее, а потом добавил:

— Сходи в Дивеево на могилку рабы Божией Агафьи, возьми себе земли и сотвори на сем месте сколько можешь поклонов: она о тебе сожалеет и желает тебе исцеления. Когда же тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: «Отче Серафиме! Помяни мя на молитве и помолись о мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия».

После этого от болящей недуг отошел ощутительно, с каким-то шумом. Женщина выздоровела окончательно, и впоследствии, кроме прежних двух детей, родила

еще четырех сыновей и пять дочерей. А батюшку всегда поминала в молитвах.

И ротмистру Теплому он говорил: «Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится». Это и при жизни имело силу, и еще более по смерти его, по ходатайству его пред престолом Божиим.

Утешая своих сироток, он, между прочим, дал совет против уныния, подобный которому мы находим и у других святых отцов: угостить скорбящего приятным кушаньем. Но какие кушанья могли быть в бедном Дивееве? Вместо этого батюшка велел сестрам есть волю то, что было, и даже на труды брать с собою хлеба.

«В кармашек-то свой и положи кусочек, — говорил он Ксении Васильевне, — устанешь, умаешься — не унывай, а хлебца-то покушай, да опять за труды!»

Даже на ночь под подушку приказывал он класть хлеба: «Найдет на тебя уныние да раздумье, матушка, а вы хлебушка-то и выньте да и кушайте, уныние-то и пройдет, хлебушек-то и прогонит его, и сон после труда вам хороший даст, матушка».

И когда после строгой стряпуха стала отказывать сестрам в хлебе, ссылаясь на распоряжение настоятельницы, батюшка призвал ее, строго выговорил и даже добавил:

— Пусть начальница-то говорит (о бережливости), а ты бы потихоньку давала да не запирала: тем бы и спаслась!

Или вот еще более умилительный случай, точно и не подобающий для монашествующих... Но батюшка

знал, что делал, по прозорливости своей, чтобы развеселить своих унывших сирот.

«Раз мы с Акулиной Васильевной, — рассказывает старица Варвара Ильинична, — пришли к батюшке. Долго что-то он говорил ей наедине, все в чем-то убеждал, но, видно, она не послушалась. Он вышел и говорит: «Вынь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей». Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел мне. Потом насыпал целый мешок сухарей, да и начал бить его палкой. А мы смеемся, так и катаемся со смеху. Батюшка взглянул на нас, да еще пуще бьет. А мы знать ничего не понимаем. Потом завязал его батюшка да и повесил на шею Акулине и велел нам идти в обитель. После уж поняли, когда эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потсм опять поступила к нам и скончалась в Дивееве». А потом наговорили на самое Варвару Ильиничну, и настоятельница общины матери Александры, Ксения Михайловна, выслала ее из монастыря своего.

«Я все плакала, да и пошла к батюшке Серафиму: все ему рассказала. Сама плачу, стою пред ним на коленях. А он смеется, да так ручками и сшибается (то есть хлопает рука об руку). Стал молиться и приказал мне идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она, по его благословию, и оставила меня у себя.

После именно эта сестра видела, как у батюшки на лице сидели мухи, а по лицу бежала кровь ручьями. Она хотела их смахнуть, но батюшка запретил ей:

— Не тронь их, радость моя: всякое дыхание да хвалит Господа!»

После такой терпеливости невольно наши скорби покажутся легкими.

И сколько таких утешительных случаев!

Но, помимо них, разве не утешительно для мирян, что самое их земное служение, каково бы оно ни было, ведет их к спасению, если только они несут его с верою, смирением, терпением, во имя Христово, исполняя, как заповедь Божию? Как осмысливается тогда всякое дело, всякий труд! Тогда, можно сказать, вся жизнь человека превращается в непрерывный подвиг спасения! И мы видели, как любил батюшка своих мирских сотрудников и сотаинников.

Поэтому, как ни простыми кажутся нам советы и наставления батюшки мирянам, но кто исполняет их, как «заповеди Божии», по словам апостола Павла, те могут сподобляться и последующих за сим дарований Господних, от благодатной радости «Утешителя» Святого Духа — до самого явления им Христа Спасителя... Дивны эти слова, но они изречены нам Самим Сыном Божиим:

Не оставляю вас сиротами: приду к вам... ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам (Ин. 14: 18-21).

И скоро мы увидим, как это слово сбудется на миряnine Мотовилове в дивной и сверхъестественной беседе с ним о. Серафима.

Вот какую радостью светился преподобный Серафим! А нередко она излучалась от него даже в совершенно зримом образе необычайного света, от которого в восторг приходили и сподобившиеся этого видения. Это удостоились созерцать многие: и ближние его соотайники, и Еропкина, и Аксакова, и Мелюков, и Тихонов, и многие сестры.

Что же еще из наставлений мирянам сказать нам в поучение?

Конечно, легко все это писать и еще легче о чужом спасении говорить. Но на самом деле всякий — и монахи, и мирянин знают, что спасение дается трудно, что каждый должен нести крест свой всю жизнь. И батюшка часто напоминает об этом, стараясь лишь облегчить людям ношу их.

Однажды к нему пришел профессор семинарии в сопровождении священника, желая получить благословение на монашество. Но батюшка, говоря с иереем, совсем не обращал внимания на ученого богослова. И мимоходом спросил спутника его: не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?

Священник объяснил, что проситель хорошо знает разные богословские науки.

— И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора. Вот какая разница между учением других и прохождением самому дела.

А в заключение он посоветовал профессору прочитать житие святого и ученого Иоанна Дамаскина, где

рассказывается, между прочим, как этому великому богослову запрещено было его старцем даже составлять священные песнопения, для смирения себя, а когда он, пожалевши брата, скончавшегося монаха, составил надгробные песни, то старец сначала хотел совсем прогнать его из монастыря, а потом, умоленный иноками, согласился оставить, но поручил провинившемуся в послушании богослову убирать нечистые места. И только после такого смирения и особого видения старцу Божией Матери уста церковного песнотворца были разрешены.

Да, нелегко дается спасение. И это лучше других знал сам подвижник Саровский по своему богатому опыту. Поэтому он и других предупреждал, что на пути земных странников непременно ждут скорби.

— Тесным путем надлежит нам, — говорил он офицеру Каратаеву, — по слову Спасителя, войти в Царствие Божие (Мф. 7: 13-14).

И в пример приводил святых:

— Все святые подлежали искушениям, но подобно злату, которое, чем более может лежать в огне, тем становится чище, так и святые от искушений делались искуснее, терпением умиловивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели.

А иногда ссылался для более убедительного действия и в утешение страждущим на самого себя. У одной женщины предсмертно занемог муж. Почитая батюшку, он отправил в Саров свою жену. Батюшка никого не принимал. Но, прозрев духом горе людское, он неожиданно раскрыл дверь и прямо обратился к скорбящей:

— Дочь Агриппина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой.

Потом, взяв ее руку, положил на плечо свое, где она осызала большой крест.

— Вот, дочь моя, — сказал старец, — сперва мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спешь же теперь и помни мою тяжесть. Прощай!

Муж еще был жив, принял присланного о. Серафимом вина, антидора и святой воды, благословил детей и мирно отошел ко Господу.

Но и при всем этом батюшка всегда и всех увещевал не унывать. Напоминал он слова Самого Господа, что хотя исполнение Его заповедей есть бремя, но это бремя легко (Мф. 11:30). Но особенно утешал скорбящих о. Серафим ожиданием грядущего блаженства для достойных его. Молодой вдове дворянке А. П. Еропкиной он с необыкновенным восторгом рассказывал о Царствии Небесном.

«Ни слов его всех, ни впечатления, произведенного на меня в ту пору, я не в силах передать теперь в точности, — пишет она в своих позднейших воспоминаниях. — Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил он мне о трех святителях: Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, описывая в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество святой Февронии и многих других мучениц. Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала. Но и он сам как будто бы не весь высказался мне тогда, прибавив в заключение: “Ах,

радость моя! Какое там блаженство, что и описать нельзя!»».

Даже грешникам не велел преподобный унывать. Спросили его однажды:

— Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

— Можно, — ответил он, — по слову: *превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117:13). Когда святой пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12:13). Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Ободряя унывающих грешников, преподобный Серафим ссылается, между прочим, на древний пример, рассказанный в Прологе. Один пустынник, отправившись за водой, впал в грех. Когда он возвращался в монастырь свой, то враг стал смущать его отчаянными мыслями, представляя ему тяжесть греха, невозможность прощения и исправления. Но воин Христов противостоял нападениям лукавого и решил в покаянии загладить содеянное. О сем Бог открыл некоему блаженному отцу и велел ублажить за таковую победу над диаволом брата, падшего в грех, но не поддавшегося унынию и отчаянию.

«Итак, — пишется в наставлениях, оставшихся от о. Серафима по записям его духовных чад, — не вознерадим обращаться к Благоутробному Владыке нашему скоро, и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно *есть грех к смерти*, как гласит Писание (1 Ин. 5:16). Аще не предашься унынию и нерадению, — говорит Варсофоний Великий, — то имаша почудитися и прославити Бога, как пременяет тя от еже небыти во еже быти (то есть из грешника в праведника) (Ответ 114)».

Уча покаянию, преподобный говорит словами святого мученика Вонифатия (память 19 декабря): «Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе», а страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа как в некоей воде чистой и невозмущенной видит свою некрасоту, и тако рождаются начатки и разрастаются корни покаяния».

Другой путь к воспитанию духа покаяния есть непрестанная молитва. «Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших».

И особенно советовал о. Серафим молиться кающимся словами сокрушенной и уповающей молитвы преподобного Антиоха (см. в конце сей главы).

«Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять».

«Отчаяние, по учению святого Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали... или — от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал (то есть неожиданным для себя, якобы не столь уже и худого). Первое врачуются воздержанием и благою надеждою, а второе — смирением и неосуждением ближнего».

«Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца-диавол старается привести человека в отчаяние. Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастиях, каковы бы ни были. Иуда-предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр — твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем».

«Итак, братия, — учит преподобный Антиох, — когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему; но укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего! Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем! Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся! А ты, пагубный, удались от нас! Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змеиную главу».

Но избегая всячески отчаяния, нужно жить в покаянии, — как постоянно просит Церковь на ектении, —

«прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати» даруй, Господи. Об этом непрестанно нужно помнить и молиться православному христианину. Наше Святое Православие, при всем уповании на милость Искупителя, особенно старается воспитать и установить своих чад в покаянии. Потому и у подвижников, и у спасающихся мирян самым «нормальным», обычным состоянием является дух сокрушения, а у иных и слезы, а самую лучшую молитвою — покаянное «Господи, помилуй», у более же усердных — молитва Иисусова. Нам, грешным, это — лучшая молитва. Но на этих же самых корнях воспитывался и преподобный Серафим с самого начала своего путешествия по монастырям. Этому он учил даже при нянчании ребенка, советуя говорить ту же молитву «Господи, помилуй». Даже для слуха невинного еще дитяти. Дивно и поучительно!

Нет, воистину «тесны врата» в Царство Божие... И нет иного пути, кроме покаянной борьбы, непрерывного подвига, непрестанного моления о благодатной помощи.

Потому-то и батюшка учил приходивших не только упованию на милость Господню, но и о кресте говорил, покаянным молитвам учил. И между другими заповедовал особо молитву сию.

— Несомненно приступай к покаянию — и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преподобного Антиоха: «Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя

еси ценою крове Твоя, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих, да не похитит мя враг.

Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую отстави от меня, заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не объмут мя, и души безстудней не предаждь мене.

Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не объмет меня тьма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, узвизитися рабу Твоему от псов чуждих.

Приятилище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Святыи, созижди мя. Путеводителю заблудших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуя. Лице Твое видети, Господи, возжелех, Боже, светом лица Твоего путеводи мя.

Источник слез даруй ми рабу Твоему и росу Святаго Твоего Духа даждь созданию Твоему, да не изсохну, якоже смоковница, юже проклял еси Ты: и да будут слезы питье мое, и молитва моя пищею.

Обрати, Господи, плач мой в радость мне и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да объмут мя и

отпусти вся грехи моя: Ты бо еси Бог истинный, отпущай беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, Единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим.

И воздвигни мя лежащего, яко Левия мытаря, и оживотвори мя грехми умерщвленного, яко сына вдовицы.

Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь».

Какой покаянно-сокрушенный дух проникает эту молитву! И ее велит преподобный читать «непрестанно».

А вот другая молитва, еще более сокрушенная, которую батюшка советовал читать в моменты уныния и против отчаяния:

«Владыко Господи небесе и земли, Царю Веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо аз в болезни сердца моего молю Тя, Истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, Света мира; призри многим благоутробием Твоим и приими моление мое. Приклони ухо Твое к молению моему и прости ми вся злая, яже содеях аз, одоленный произволением моим. Се бо ищу покоя, и сего не обретаю, яко от совести моя отпущения не приях. Жажду мира и несть во мне мира от темных бездн беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, к Тебе вопиющее: да не воззриши на дела моя злая, но паче призриши на болезни души моей и потщишися у врачевати мя, зле уязвленного. Благодатию человеколюбия Твоего даждь ми время покаяния и избави мя от безстудных дел моих. Не по

правде Твоей возмери ми и не воздаждь достойная по делом моим, да не до конца погибну.

Услыши, Господи, во отчаянии мя суща: се бо оскудех аз отнюдь волею моею и всяким помышлением ко исправлению себя; сего ради к щедротам Твоим прибегаю: помилуй мя, долу повержена и грехов ради моих осужденнаго. Изми мя, Владыко, поработеннаго и деянными злыми моими содержамаго, и аки узами окованнаго. Ты бо Един веси юзники разрешати; и яко Един, сведый тайная, исцеляеши язвы, никому же ведомая, Тобою же зримая.

Сего ради, болезнями лютыми всяко томим, точию Тебе призываю, врача всех скорбящих, дверь вне толкущих, путь заблуждающим, свет омраченных, искупитель во узах сущих, присно десницу Свою укрощающая и гнев Твой, иже на грешники уготованный, удерживающая, дарующаго же время на покаяние, великаго человеколюбия Твоего ради.

Скорый в милости и долготерпай в наказаниих, возсияй ми, зле падшему, свет лица Твоего, Владыко; и благоутробием Твоим руку ми простри и из глубины беззаконий возведи мя.

Яко Ты Един еси Бог наш, во еже не радоватися грешных пагубе, и не отвращаеши лица Твоего от вопиющих к Тебе со слезами.

Услыши, Господи, глас раба Твоего, взывающа Тебе, и свет Твой яви ми, лишенному света. И даждь ми благодать, отнюдь надежды не имущему, да всегда возуповаю на помощь и силу Твою. Плач мой в радость ми предложи, вретисце мое расторгни и веселием препояши мя.

И благоизволи да упокоюсь аз от примрачных деяний моих и тишину утреннюю восприиму со избранными Твоими, Господи, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание; и да отверзется ми дверь Царствия Твоего, яко да вшед с веселящимися во свете лица Твоего, Господи, улучу и аз живот вечный во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь».

Вот какой вопль покаяния советовал возносить к Богу «радостный» Серафим! И становится понятным одно изречение его, на которое редко ссылаются жизнеописатели:

— Мы, — говорит он, — должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Господа Иисуса Христа, Который сказал: *О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10:20).

Это он говорил по поводу почитания его людьми, получавшими пользу от советов его. А если он самому себе запрещал неблагоразумную радость, то что же нужно сказать о нас грешных?

Но, кроме того, у него есть и прямые наставления о плаче и слезах:

«Все святые и мира отрeksiиися иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блаженни плачуущи, яко тии утешатся* (Мф. 5:4). Так и мы должны плакать об оставлении грехов наших. К сему да убедят нас слова порфироносного пророка: *ходящии хождаху и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125:6); и слова Исаака Сирина: «Омочи ланиты твои плачем очию

твоею, да почует на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да придет к тебе (сл. 68)... У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды — Христа Бога».

Но в таком случае как же примирить с этим покаянным настроением светившую радость в о. Серафиме и его постоянно радостные приветствия приходившим: «радость моя», «сокровище мое» и пр.?

И подобает нам остановиться на этом с особенным вниманием. И вот почему.

В умах и на языках многих установилось одно неправильное воззрение на лик преподобного Серафима, а от этого стало переноситься такое же одностороннее истолкование и на все христианство; говорят, у преподобного Серафима лицо будто бы не такое, как у других православных святых. У тех оно более суровое, покаянное, аскетическое, печальное, а у батюшки — отрадное, ободряющее, светлое, радостное, едва не говорят — веселое...

А потом, не пройдя покаянного пути, начинают жить «радостию» и сами... И падают.

В такое, довольно распространенное среди интеллигентных христиан воззрение необходимо ввести самую серьезную поправку: это — не так. Если и в самом деле и путь, и лик о. Серафима не таковы, как у других православных святых, то одно это должно уже заставить нас, верных православию, задуматься и даже отнестись с недоверием: правилен ли тогда путь самого святого? Но так как в этом ни у кого нет сомнений, то нужно усомниться в правоте оценки наших современ-

ников. Для спасения грешного мира нет иного пути, как покаяние и подвиг борьбы. Это — неизбежный закон для всех христиан. Проходил его и сам о. Серафим, стоит лишь вспомнить 1000-дневное стояние его на камне с непрекращавшимся покаянным воплем: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику...» Но если бы он сам и шел более светлым, более легким путем (внутренняя жизнь всех святых от нас, собственно, скрыта) — приходившие-то к нему были ведь такими же людьми, со всеми их немощами, как и всегда, начиная от дней Иоанна Крестителя и доныне, когда, по словам Самой Истины, *Царствие Небесное силою берется, и лишь употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11:12). А если так, то они-то нуждались уже в обычном для всех покаянном пути. И не мог же батюшка наставлять их не «тесными вратами» идти, а ублажать соблазном «широкого и просторного», легкого и веселого пути, «ведущего в погибель», и которым — увы, и без того «многие идут» из нас (Мф. 7:13). И при внимательном проникновении в житие святого совершенно нетрудно увидеть, что сам он прошел такой тяжкий и крестный путь, что нередко с трудом пишешь, читаешь или слушаешь о его подвигах. Да и много ли мы, собственно, знаем о них? Малую каплю. Прочитать только одно искушение Мотовилова об адских муках (см. ранее) — жутко станет. А преподобный Серафим сам вынес жестокую борьбу с темными силами. А искушения? А люди? А невероятные постнические подвиги и изнурения?..

Пройдя такой крестный путь, преподобный подвижник еще на земле достиг того богоподобного блаженного

состояния, какое уготовано благословенным от Отца в Царствии Небесном. И хотя он как чистый душою вообще не унывал никогда, и как хранивший незапятнанною благодать крещения имел в себе всегда мир, но не нужно забывать и того, что полной радости пламенный Серафим достиг уже к концу подвига. А сколько времени и трудов он положил до этого в монастыре, пустыньке, молчании, затворе — один Бог лишь ведает то...

Но когда христианин достигает уже высоты богоподобия, тогда он изливает радость свою, подобно солнышку, на всех без различия: и хороших и злых, и на праведных и на грешников (Мф. 5:45). И этим, может быть, объясняется, между прочим, и его любезное отношение к послушнику Ивану Тихонову, который потом много горя причинил его сиротам, а преподобный видел душу его давно.

Кроме того, всякий знает, что истинная радость есть плод и спутник креста. И в покаянии мы всегда чувствуем благодатное утешение. Без него же — умирание, обман.

Но в особенности нужно принять во внимание благую цель, ради которой батюшка так радостно принимал своих посетителей; ведь притекали-то все больше люди со скорбями, в малодушии, больные душой, а то и телом, часто — грешные. И все они нуждались в слове утешения, ободрения, ласки, мира, радости. Горя-то у всех своего было достаточно, не хватало только тепла Божия. Вот его и разливал вокруг себя облагодатствованный Утешителем угодник Божий.

И особенно это нужно бывает в начале духовной жизни или тем паче для немощных грешников, чтобы

вызвать в них горение к добру. Когда же они укрепятся, их можно питать и твердою пищею сокрушения и плача. Впрочем, и самая праздничная радость, получаемая от праведного Серафима, обычно бывала и началом, и источником последующих спасительных подвигов покаянной жизни, желания исправиться, измениться, загладить прежние грехи, возродиться в Духе Святом. Сколько мы видели примеров, как от кельи или пустыньки «убогого» Серафима люди уходили в слезах и рыданиях! Сколько исповедей, самых глубинных, слышали стены Серафимовы!

И большею частью к этому располагала радостно-кроткая любовь хриstopодобного «батюшки». Не напрасно он даже будущему наместнику Троице-Сергиевой Лавры и сотруднику строгого Московского Митрополита Филарета, о. Антонию, дает такую заповедь на прощание: «...покоряться во всем воле Господней, быти прилежну к молитве, строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии; матерью будь, — говорил, — а не отцом к братии, и вообще ко всем быть милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность жизни есть красота добродетелей».

«Матерью, а не отцом будь...» Вот он сам и был такою нежною матерью. Особенно для «своих сироточек» дивеевских. «Я ведь вас духом породил», — говорил он не раз им. И нужно видеть, как эта радостная любовь возрождала их! Приведу один умилительный случай и этим наглядным примером закончу наставления батюшки о спасении и монахов и мирян. И хотя пример из монашеской жизни, но душа-то у всех одна.

— Раз стала я жаловаться сама на себя, — рассказывает одна из более близких батюшке сестер дивеевских Ксения Васильевна, — на мой горячий, вспыльчивый характер, а батюшка и говорит: «Ах, что ты, что ты говоришь, матушка? У тебя самый распрекрасный, тихий характер, матушка; самый прекрасный, смиренный, кроткий характер!» Говорит-то он это с таким ясным видом и так-то смиренно, что мне это его слово: тихий-то да кроткий — пуще всякой брани было; и стыдно мне стало так, что не знала, куда бы деваться. И стала я смирять свою горячность понемногу. А я всегда эдакая суровая, серьезная была... Батюшка запрещал мне быть слишком строгою с молодыми, напротив, еще приказывал бодрить их. Не дозволяя сквернословие или что-либо дурное, он никогда никому не запрещал веселости. Вот, бывало, спросит:

— Что, матушка, ты с сестрами-то завтракаешь, когда они кушают?

— Нет, батюшка, — скажешь.

— Что же так, матушка? Нет, ты, радость моя, не хочется кушать — не кушай, а садись всегда за стол с ними, они, знаешь, придут усталые, унылые, а как увидят, что ты сама села и ласкова и весела с ними, и духом бодра, ну и они прибодрятся и возвеселятся, и покушают-то более, с велиею радостью. Ведь веселость-то не грех, матушка, — она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает. И хуже его нет: оно все приводит с собою. Сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех пред лицом Господа дух всегда весел был, а не уныл — вовсе не грешно, матушка.

Глава XIV

ПРЕДИВНЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ

«Радуйся, преподобный Серафиме, Саровский Чудотворче!» — так поет теперь Церковь в акафисте Святому угоднику Божию.

Никто не знает и не узнает, сколько дивного совершил Бог чрез Своего «грешного раба», «убогого Серафима»!

— Я, грешный Серафим, так и думаю, что я — грешный раб Божий, и что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я и передаю требующему полезно. Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так я и действую, — так говорил преподобный Высокогорскому строителю Антонию в объяснение своей прозорливости.

Но это же самое нужно сказать и про все другие чудеса его: все творил в нем и через него Господь Бог. Нет и не может быть никаких иных объяснений! Да и не нужны они: для верующего чудеса и просты, и необходимы, ибо Бог все может; для неверующего же неотразимо остаются факты, дела, которых слишком много, чтобы их отрицать, и которые всякого человека должны заставить задуматься и остановиться в непо-

стижимом недоумении. А для нас эти Божии дела доставляют не только поучение и назидание, но и являются, так сказать, «окнами» в иной мир: через них мы зрим действительное бытие «того света». И радуемся, и утешаемся одному тому, что он воистину есть.

И особенно убедительно и отрадно то, что все эти чудеса совершились на наших почти глазах.

Однажды мне пришлось проезжать из Германии во Францию. На пути я познакомился с одной православной женщиной, хорошей женой и матерью двух детей. Разговорились о вере. Она, в простоте души своей, хотя была и образованной женщиной, сказала, что хотела бы как-либо сильнее и осязательнее убедиться в том, что *тот* мир действительно существует; она верит, но ей желательно укрепить свою веру, а для этого нужны ей факты.

— Да ведь вы же знаете Евангелие, там столько и таких фактов, каких никогда и не знал, и больше уже не узнает весь мир! — ответил я ей.

— Знаю, — сказала она, точно виновато и с недоверием, — но это было... уже так давно.

И я начал рассказывать ей дивные события из сокровищницы церковного опыта последних лет. Она вся тотчас же оживилась и с упоительною жаждой слушала: душа ее только того и искала. После беседы она с благодарною радостью счастливо улыбалась, как нашедшая то, что прежде ей казалось уже почти потерянным. А на другой день, по приезде в Париж, привела ко мне, подобно самарянке у колодца Иакова (Ин. 4: 28-30), еще других знакомых своих и принесла в благодарность большую корзину плодов.

И это понятно: невозможно не верить тому, что действительно было. Нельзя непредубежденному уму отрицать иной мир, если он сам тысячекратно открывается в одном лишь только святом нашего времени.

Я знал одну молодую девушку-христианку. Однажды она обратилась к своей матери с необычайным упреком за то, что та вместе с няней Александрой научили ее веровать. А теперь эта вера мешала ей грешить, а если и грешит она, то совесть мучает. И она даже завидует тем, которые, как некоторые из ее подруг, тоже грешат, но нисколько не смущаются, думая, что никакого другого мира вовсе нет. Не зная, что ответить в таком случае своей бедной дочери, мать в простоте сказала:

— Что же я могу тебе теперь сделать? Не могу же я говорить, что этого нет, когда я верю, что есть! А уж если тебе так хочется не верить, так это твое дело, кто мешает?

— Вот вы с няней и помешали. Я бы теперь и рада не верить, да не могу уж.

— Почему? — с недоумением спрашивает в свою очередь верующая мать.

— Потому, что вы про преподобного Серафима так внушили нам (ей и брату ее) с самого детства, что и забыть нельзя. Да я и сама теперь знаю, что все это было и на самом деле. А главное, не могу уже никак и усомниться, что был сам батюшка о. Серафим. А раз он был, значит, это и в самом деле все так и есть: батюшка никак не мог врать и придумывать. Вот я тебе и говорю: не могу не верить. Хочу и не могу: ничего не выходит. И мучаюсь сама, и на вас с нянькой злюсь.

— И слава Богу, — сказала облегченно мать, — лучше уж грехи да мучайся, чем к грехам прибавлять самое страшное — неверие, да еще когда знаем, что все это и действительно есть.

Совестливая, но немощная девушка потом прошла очень сложную и мучительную, нехорошую жизнь, но за ее простоту и доброту, а также и за исповедничество веры в «батюшку» Господь пронес ее через все испытания и поставил на духовно правый путь — теперь она с миром и радостью живет и верит, переносит крайнюю нужду (зимовали с мужем в хлеву «с буренушкой» вместе), терпит неизлечимую чахотку, и при всем этом не унывает, а считает себя счастливою. Живет где-то в Азиатской России, если только еще жива.

Устами этой христианки-девушки высказана глубокая, при всей простоте, философская мысль: существование того мира доказывается не какими-либо умозаключениями или нашими чувствованиями и желаниями, а неотразимым самим бытием его, или его проявлением, откровением, обнаружением. И тот мир, как и вообще все на свете, познается через непосредственное самооткровение. И сколько же раз открывался он и через преподобного Серафима! Воистину правильно сказала христианская душа: и хотела бы не верить, да не могу, ничего не выходит.

Но пора уж и нам насладиться самым чудным зрелищем Божьих чудес.

Только не знаешь: откуда же начать? Их так много... А сколько незаписанного, один лишь Господь знает это: вся Русская Земля полна рассказами о чудесах всем близкого и родного «батюшки Серафима»...

И сейчас он продолжает творить чудеса. Даже за границей пределов своей страны... Впрочем, для святых нет границ и пределов: они всем уже принадлежат и везде могут быть. Как Бог — везде, а они — в Боге (Ин. 17: 20-23); то и они в Нем везде.

Чудеса с батюшкой начались, как мы знаем, с самого его детства: невредимо упал с колокольни в Курске, исцелился от Коренной Иконы Божией Матери, это еще в миру. В монастыре снова — чудесное выздоровление при ясном участии Пресвятой Богородицы: Она ему являлась всего двенадцать раз, по его собственным словам. Поразительное пренебесное явление Самого Господа Иисуса Христа в сопровождении роя Ангелов во время служения им литургии в сане диакона... А сколько необыкновенных случаев прозорливости мы видели на всем протяжении его жития! И сколько совершенно невероятного при создании его любимого детища — Дивеева! Теперь же из многого множества его чудес извлечем главное.

Обыкновенно в прежних житиях его начинались рассказы со случая «угадывания». Начнем с него и мы: в нем видно будет, как необыкновенно «просто» святым творить чудеса. Перепишу прямо из летописи. Чудо — крестьянское, умильное.

«Однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкою в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок:

— Батюшка, ты, что ли, отец Серафим?

Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал ему в ноги и убедительно говорил:

— Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий, не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь.

Отец Серафим ласково взял его за голову и, приложив к своей, сказал:

— Огради себя молчанием и поспеши в такое-то (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задом четыре дома: там ты увидишь калиточку; войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча.

Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте».

Крестьянин пришел к о. Серафиму, уже осведомленный о широкой славе батюшки: «Говорят, ты угадываешь». Значит, чудес таких было настолько уже много, что молва о них распространилась и укрепилась в народе давно: в Сарове — прозорливый отец Серафим! И люди, ища милости Божией, потянулись к нему.

Были у него две дивеевских сестры: Акулина и Мария. Вдруг он в сенях и говорит им:

— Посторонитесь, посторонитесь, матушки: ко мне много господ идут!

«А вовсе никого нет, — рассказывает Акулина, — и не видно... Ну, да ведь ему-то издали все было видно, потому что чуть-чуть прошло времечко, минут несколько, а и впрямь много господ-то идет. Мы отошли к сторонке и слышим:

«Вот это, батюшка, моя дочь», — говорит одна.

«А это — мой сын, — говорит другой. — Благословите ему взять ее, дочь, за себя?»

— Нет-нет, — отвечает батюшка, — он должен взять за себя ту, что осталась там, а она выйдет за того, что возле вас тут живет.

И все это батюшка по названьям-то назвал: уж не запомню я местов-то. И как это он все знал, вперед и про всех, истинно — диво, да и только!»

А еще большее диво, когда он за целые десятки лет прозирал будущее: жизнь и смерть, бедность и богатство, брак или монашество, и прочее — без конца; заметим еще два случая — для семейных и монахов, оба поучительные.

«Одна вдова, имевшая троих маленьких детей, тяготясь воспитанием их, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердии о. Серафима, она решила обратиться к нему: испросить благословения и поведать свое горе. Благословив ее, старец сказал:

— Не ропщи на свою участь: скоро кончится твое горе — один будет твоим кормильцем.

Через неделю после этого двое из детей умерли. Мать поражена была неожиданною их смертью и опять пошла к о. Серафиму. Старец, увидев ее и предваряя речи ее, сказал:

— Молись Заступнице Пресвятой Богородице и всем святым: клятвою детей своих ты много оскорбила их. Покайся во всем духовному отцу твоему и вперед — укрощай гнев свой, чтобы не быть великою грешницею. В последний раз благословляю тебя, только ты прости их».

Пришла к нему в другой раз одна девица, чтобы попросить от святого старца наставление: как ей спасти свою душу? Но не успела она еще и уста открыть, как о. Серафим начал уже сам говорить ей:

— Много-то не смущайся — живи так, как живешь. А в большем Сам Бог тебя научит.

Потом, поклонившись ей до земли, сказал:

— Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо. Этим и спасешься.

Девушка никогда не думала о монашестве, не могла и понять, о каком распоряжении предсказывал ей старец, поклонившись до земли. А он, прозрев эти тайные мысли ее, прибавил:

— Когда придет это время, тогда вспомните меня.

Собеседница спросила: не приведет ли Бог ей еще свидеться с батюшкой?

— Нет, — ответил он, — мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в своих святых молитвах.

Девушка в свою очередь попросила молиться за нее.

— Я буду молиться. А ты теперь гряди с миром — на тебя уже сильно ропщут.

Действительно, в монастырской гостинице спутницы встретили ее с сильным ропотом за замедление у батюшки. Впоследствии она приняла монашество с именем Каллисты и была игуменией в Свияжском монастыре Казанской губернии: ей-то и поклонился в ноги батюшка и как уже игуменье, сказал на «вы»: «вспомните», — до этого же и после говорил с девушкой на «ты».

Не менее многочисленны и чудеса исцеления больных. Первое такое, по свидетельству самого отца Серафима, благодатное врачевание проявилось на любимце и безотказном послушнике его «Мишеньке», Михаиле Васильевиче Мантурове.

Будучи на военной службе в Лифляндии, он, видимо, простудился и потому вернулся к себе в Нижегородскую губернию, в село свое Нучу, в сорока верстах от Сарова, и стал лечиться у докторов. Но болезнь не только не проходила, но даже стала принимать угрожающие размеры: из ног стали уже выпадать кости. Наслышавшись о саровском подвижнике, Мантуров решил отправиться к нему за помощью. С большим трудом крепостные люди ввели его в сени кельи старца. Батюшка вышел туда и милостиво спросил:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Но Мантуров упал со слезами ему в ноги и стал просить исцелить его от неизлечимого недуга.

Тогда батюшка с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его:

— Веруешь ли ты Богу?

И получив троекратный с силою ответ об искренней и безусловной вере в Бога, святой Серафим сказал:

— Радость моя, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а я убогий Серафим, помолюсь.

После этого батюшка посадил Мантурова близ гроба, стоявшего в сенях его, а сам удалился в келью.

Спустя немного времени он вышел с елеем в руках и приказал больному обнажить ноги.

— По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую! — произнес он и помазал святым елеем больные ноги.

Затем надел на них чулки из посконного холста, какие ему принесли в дар посетители — крестьяне, вынес из кельи множество сухарей, всыпал их в полы сюртука Михаила Васильевича, а затем приказал идти с ношею в гостиницу. Мантуров встал и пошел со страхом, но совершенно твердо и не ощущая уже никакой боли. Пораженный и обрадованный чудом, он повернулся обратно к батюшке и, снова бросившись ему в ноги, стал с восторгом целовать их, благодаря за исцеление. Но великий старец, подняв его с земли, строго сказал ему:

— Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить (1 Цар. 2:6) Что ты, батюшка! Это — дело единого Господа, Который творит волю боящихся его (Пс. 144:16)! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!

С этими словами старец отпустил исцеленного, и Мантуров с радостью возвратился в свое имение к супруге Анне Михайловне и сестре своей, молодой девушке, Елене Васильевне. Порадовались-порадовались все они вместе, а потом и забывать начали про болезнь и исцеление. Но вдруг Михаил Васильевич вспомнил повеление о. Серафима «благодарить Бога и Пречистую»... А он доселе даже и не подумал об этом в радости и забывчивости. Смущенный, он снова собрался к батюшке. Встретив его, о. Серафим сразу же и заговорил:

— Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!

— Я не знаю, батюшка: чем и как? — в изумлении от прозорливости ответил Мантуров. — Что вы прикажете?

Тогда святой старец с особо проницательным взором поглядел на него, точно в одно мгновение прозирая все будущее, и весело сказал:

— Вот, радость моя: все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя добровольную нищету!

Не ожидал этого вопрошавший... И смутился... Вспомнил он и об евангельском богатом юноше (Мф. 19: 20-22)... Пришла ему на мысль и молодая жена, да еще и лютеранка. Необеспеченная сестра, думающая о богатом замужестве... Чем же жить?.. И в растерянном недоумении не знал Михаил Васильевич, что ответить своему благодетелю, а правильное — Самому Богу?!..

Прозорливый старец прочитал все эти мысли его и прервал сам недоуменное молчание:

— Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь: Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь.

Горячий душою и сильный верою, решительный бывший воин, Мантуров вдруг изменился в душе и, возлюбив батюшку все своим сердцем, сказал твердо:

— Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?

Но мудрый старец, желая испытать пылкого послушника, ответил:

— А вот, радость моя, помолимся; и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!

С этим они и расстались на сей раз. Но благодать Божия уже связала их на всю дальнейшую жизнь в деле строения женской Дивеевской обители. Скоро, по благословению батюшки, Мантуров отпустил своих крепостных, продал имение в Нуче, купил небольшой участок земли в 15 десятин в Дивееве и поселился поближе к своему старцу... Знакомые смеялись над ним как над потерявшим разум, роптала долго жена, совсем не склонная, как лютеранка, к подвигам и недостаткам, но раз решившись, Михаил Васильевич с беспрекословным послушанием отдался в волю святого старца, а все прочее терпел безропотно, смиренно, молча и даже с благодушием.

Особенно трудно было с женою.

«Говорю я, бывало, — сама записала после Анна Михайловна, — ну, можно почитать старца, можно любить его и верить ему, но уж не до такой степени! А Михаил Васильевич все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более раздражало. Так вот раз, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чем осветить комнату, — а вечера длинные, тоскливые, темные, — я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу. Сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом — на самого батюшку о. Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит да вздыхает... Вдруг слышу какой-то треск. Смотрю: Господи! Страх и ужас напал на меня! Боюсь смотреть и глазам не верю: пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною елечей... Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим!

угодник Божий! прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную; никогда более не буду!.. И теперь, — заканчивает она, — без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать, и как ни трудно бывало, а все терпела».

После она приняла православие и жила в тайном постриге в Дивееве. А Михаил Васильевич окончательно предался батюшке и сделался вернейшим его послушником и любимейшим другом. Потому-то о. Серафим и называл его всегда ласковым именем «Мишенька». Так закончилось первое чудо врачевания, оказавшееся столь благодетельным потом для Дивеева. Мантуров сделался беспрекословным исполнителем распоряжений батюшки. Все это знали и смотрели на него как на самого старца в делах обители. Все это произошло в 1822 году. При этом вспоминается и другой подобный же случай, и даже более дивный.

Дивеевская сестра Ксения Васильевна, как церковница, пришла в храм Рождества Христова заправлять пред иконою Спасителя негасимую лампаду по завету батюшки. Вылила она пред богослужением последнее масло, а после увидела, что оно все уже выгорело и лампада потухла. С горестным чувством она стала размышлять, что вот не исполнилось предсказание о. Серафима о неугасимости лампадки, хотя сестры и старались хранить завет его. Так, может быть, окажутся несправедливыми и другие пророчества его об обители? И сомнения в прозорливости святого налетели на душу одной из самых верных и близких послушниц батюшки... Закрыв лицо руками в печальном разочаровании,

Ксения отошла от иконы Спасителя на несколько шагов. Вдруг послышался треск...

«Восклонив голову, — пишет автор дивеевской летописи, — она увидела, что лампадка загорелась. Подошла ближе к ней и заметила, что стакан лампы полон масла, и на нем два серебряных рубля. В смятении духа она заперла церковь и поспешила поведать дивное видение старице своей, Елене Васильевне Мантуровой. На пути ее догнала одна сестра, с которою был крестьянин, искавший церковницу и что-то желавший передать ей. Крестьянин этот, увидевши Ксению Васильевну, спросил:

— Вы, матушка, здесь церковница?

— Я, — отвечала Ксения, — а что тебе нужно?

— Да вот батюшка о. Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес тебе 300 рублей ассигнациями на масло для лампы, чтобы она горела за упокой родителей моих.

При сем он назвал имена усопших родителей своих и подал деньги».

Эта сестра, Ксения Путкова, в монашестве Капитолина, — свидетельствует сам автор летописи, Леонид Чичагов, ныне Митрополит Петроградский*, — была жива еще при составлении летописи, то есть в 1895-1896 годах. «Ксения Васильевна» живет «милостию Божиею до сих пор (1895 г.) в Дивеевском монастыре,

* Митрополит Серафим (Чичагов) (1856-1937), видный иерарх Русской Православной Церкви, принявший на склоне дней мученическую смерть в Таганской тюрьме. Его святые останки покоятся на Бутовском полигоне ГПУ, вместе с десятками тысяч расстрелянных жертв сталинского режима.

на радость и руководство сестрам и на отраду всем приходящим к ней слушать рассказы ее об отце Серафиме. Эта славная молитвенница, по болезни, лежит ныне больше в постели». И, следовательно, она сама рассказывала и подтверждала ему рассказанный чудесный случай с маслом и деньгами.

А с самим преподобным о. Серафимом подобные случаи совершались часто, вызывая в свидетелях изумление, но не удивляя преподобного как явление обыкновенное и естественное. «Раз — пишет о. Василий Садовский, — рассказывал мне Михаил Васильевич, быв у батюшки о. Серафима, они долго беседовали с ним. И во время беседы той Михаил Васильевич вдруг видит, что сперва одна лампада пред образом у батюшки сама собою зажглась, потом и другая, и обе светло сами собою затеплились. Михаил Васильевич не мог в себя прийти от удивления и даже несколько испугался, что прозрел в нем батюшка.

— Что ты видишь, батюшка, ты не дивись тому и не бойся: так должно быть, — сказал о. Серафим.

Кроме болезней телесных преподобный исцелял и духовные. Известно уже нам, как он освободил от вражьего искушения припадочную Лебедеву; раньше он не один раз изгонял духа хулы из мучимых им, например от пристава И. Ш. Кредицкого, офицера М. Я. Каратаева. Но были случаи и гораздо более страшные.

«Я был свидетелем, — говорит известный уже нам лихачевский крестьянин, работавший в Сарове, а после и в Дивееве, Ефим Васильевич, почитатель батюшки, — как несколько мужчин привели с величайшим усилием к сениям пустынной кельи о. Серафима одну

бесноватую женщину, которая всю дорогу упиралась, а у крыльца сеней упала и, закинувши голову назад, кричала: «Сожжет, сожжет!» Отец Серафим вышел из кельи и, так как женщина не хотела открыть рот, насильно влил ей несколько капель святой воды. Все мы увидели, что в ту же минуту из ее рта вылетело как бы дымное облако.

Когда же старец вслед за тем оградил ее крестным знамением и с благословением сотворил над нею святую молитву, бесноватая очнулась и сама начала молиться. Впоследствии, увидев ее в Саровском соборе совершенно здоровой, я спросил, что она теперь чувствует. «Слава Богу, — отвечала она, — теперь я не чувствую прежней болезни».

И после смерти батюшки в Саров привозили бесноватых, ища спасения их от дьявольского насилия.

Одна молодая крестьянка Рязанской губернии, Ольга И., мучима была восемь лет: она икала, зевала, теряла зрение и, впадая в исступление, терзала себя, неистово кричала, рвала в клочья свою одежду и т. п. В 1858 году три странницы повели ее в Саров. При приближении к монастырю она упала на землю и решительно не хотела идти дальше. Едва могли ее довести силою до обители. Здесь отслужили молебен Царице Небесной и панихиду по о. Серафиму, а потом повели несчастную на источник преподобного. Тут с пей случился самый страшный припадок, она кричала: «Что ты меня душишь? Я силен! Что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» После этого ее ударило два раза замертво о землю — часа два она была слепою и немую. Наконец, злой дух закричал: «Три вышло! Один остался!»

Больную привели обратно в Саров, а потом отправились с нею в Дивеево. За полверсты от монастыря она снова упала на землю. Несколько раз перевертывало ее, как колесо. Едва к вечеру довели ее до Дивеева. Ночью она все пыталась бежать. Утром повели ее, не говоря куда, в храм Преображения Господня, алтарь которого сделан из пустыньки о. Серафима, там же хранится и одежда его. С необычайным трудом несколько человек едва втащили больную в храм. Здесь злой дух стал кричать: «Выйду, выйду, буду молчать!» С расprostертыми руками и ногами, с раздувшейся шеей и животом, ее потащили к камню Серафимову, на котором он молился 1000 дней и ночей. Положили на него страждущую, накрыли мантией преподобного, возложили на нее епитрахиль его, на руки ее надели рукавички о. Серафима; после этого она стала как бы мертвою. Члены ее начали приходить постепенно в нормальное состояние. Через полтора часа она совсем пришла в себя, а потом со слезами стала благодарить угодника Божия за свое исцеление. Настоятельница монастыря, мать Екатерина (Лодыженская), подарила ей портрет батюшки и часть от камня его, и на другой день, после литургии, благодарственного молебна и панихиды по о. Серафиму, раба Божия Ольга отправилась домой и доселе (пишется в житии преподобного, изд. 1893 г.) пребывает здоровою, хваля Бога и святого.

Такие чудеса от вещей преподобного повторялись многократно. Монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) свидетельствует: «После смерти батюшки много тоже кой-чего осталось у нас после него, родимого.

Вся одежда, что была, нам досталась: епитрахили две, нарукавники, шуба, кафтан, камилавка, шапочка. Вот больным-то и надевают на голову: ну и проходит боль-то. Еще полумантия, сапоги, башмаки, лапти, рукавицы и топоры, и все-все после батюшки. Есть у нас также четки, им самим сделанные из дерева. Так вот мы на бесноватых-то и надеваем, и много раз случалось, как наденут их (четки) на них-то, они и не могут выносить их, так и разорвут и бросят, а потом и выздоровеют. Оттого вот много из них потеряно, а уж как бережем!»

Так и до наших дней совершаются чудеса, какие были и в первые дни христианства. *Бог же творил немало чудес руками Павла*, — говорится в книге Деяний, — *так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них* (Гл.19: 11-12).

Но еще более дивно, о чем нельзя даже читать без трепета, как сила преподобного простиралась на бесов даже в их область ада. Раз сам о. Серафим сообщил о себе следующее:

«Умерли две монахини, бывшие обе игумениями. Господь открыл мне: как души их были ведомы по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Матерь Божию. Господь по Своей благодати, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Или вот другой случай. Однажды пришли к батюшке два брата-купца. Отец их опился вина и умер без покаяния. Не успели они еще ничего и открыть батюшке,

а он сам подошел к ним и обоим вложил в уста по просфоре, но приказал не жевать их, а понемногу глотать, когда они размокнут. Оставив их одних в сенях у гробика своего, преподобный удалился в келью на молитву. А когда вышел, то оба брата были почерневшими, и слезы ручьями катились по лицам их.

«Трудно вам было?» — спросил их угодник.

Они сказали: «Так трудно, что едва не задохнулись».

«Вот так-то трудно, — прибавил батюшка, — вырвать душу из рук сатаны опившегося вашего отца, когда и Святая Церковь не принимает молитвы за опоиц».

Затем батюшка приказал братьям вылить в память отца колокол и пожертвовать его какому-либо храму, а они именно и пришли просить благословения на эту жертву. За такую дерзновенную молитву враг злобствовал на о. Серафима, иногда явно.

Вот что рассказывала дивеевская сестра Анна Алексеевна: «Одна сестра обители (имя ее осталось сокровенным, вернее всего, то была сама она) сподобилась молиться с батюшкой в келье его. Вдруг сделалась там такая тьма, что от страха она упала даже на пол. Когда же пришла в сознание, батюшка приказал ей встать и сказал в объяснение случившегося следующее: «Знаешь ли, радость моя, отчего в такой ясный день сделалась вдруг такая ужасная тьма?! Это оттого, что я молился за одну грешную умершую душу и вырвал ее из рук самого сатаны, он зато так и обозлился на меня: сам сюда влетел, оттого-то такая здесь тьма!»

Вот как еще на земле-то сильна была молитва его, а теперь же на небе у Господа все, что ни попросит, может», — так закончила рассказ свой сестра Анна.

Велика была сила молитвы его во избавление от искушений диавольских и при жизни людей. Сам батюшка рассказывал крестьянину Александру Вавилову из Арзамаса следующий случай. Любимцу его, тоже крестьянину села Павлова Горбатовского уезда, Алексею Гурьевичу Воротилову предстояло великое искушение впасть в смертный грех. Отец Серафим издалика прозрел это и тотчас стал на коленях молиться, чтобы Господь спас его душу от погибельного греха. И Господь исполнил прошение Своего угодника. При свидании старец заметил и самому Воротилову:

— В такое-то время и в таком-то месте мы, — смиренно объединил и себя вместе с искушаемым батюшка, — по милосердию Божию, избавлены от зла, за молитвы убогого Серафима.

Другой случай произошел с Дивеевскими сестрами. Однажды Ксения Васильевна с иною сестрою пришла к батюшке в монастырь. Отпуская их ночевать в гостиницу, он вслед сказал им прозорительно:

— Кто бы к вам ночью ни вошел — не вставайте, не откликайтесь, не говорите и не пускайте никого!

Они обещались. Когда сестра заснула, а Ксения тоже собиралась ложиться, в номер к ним вошел неизвестный монах (дверь еще не была заперта). Разговорились; оказалось, он был земляком Ксении, и она заслушалась его рассказов о родных и своем селе, забыв заповедь батюшки. И уже позднее вспомнила об этом и постаралась немедленно проводить собеседника. Но зато от сознания греха непослушания и страха перед батюшкой она проплакала всю ночь... Утром побежала, однако, к нему с раскаяни-

ем. Там в это же самое время был и ночной монах; о. Серафим разговаривал с ним любезно. Ксения со стыдом за себя отвернулась. А когда гость ушел, она со слезами бросилась батюшке в ноги и стала просить у него прощения.

— Так-то вот, — наставительно и с укором сказал старец своей «пчелке», — не послушала меня... А знаешь ли, что я ныне всю ночь только за тебя одну молился, и если бы не молитва моя — пропала бы ты. Вот как надо осторожно хранить себя: потому ведь вы, глупые, сами не видите и не знаете, как погибаете. Ведь секунда одна... Ну, да полно, полно, радость моя, — добавил он, уже утешая все плакавшую Ксению, — встань. Господь тебя простит. Ведь теперь ты еще больше моя, ибо я тебя ныне ночью, аки добычу у льва, из зуб вырвал (1 Петр. 5:8)».

После она была уже осторожна и сама рассказывала о том, как вообще хранил своих овечек от хищных волков о. Серафим.

Следующий случай покажет нам, какой гнев Божий может постигнуть человека за один легкомысленный, но опасный соблазн. Сейчас мы будем свидетелями чуда такого наказания в пример всем.

«А как батюшка Серафим не терпел, чтобы кто трогал, либо обижал кого из дивеевских, — сообщает Ксения, — как сейчас помню, был в Сарове монах Нафанаил, лучший иеродиакон. Келью он имел в монастыре возле самой батюшкиной кельи. Часто требовал к себе дивеевских-то батюшка, не разбирая, бывало, ни дня ни ночи, только и знаем мы: то к батюшке, то от него ходим в Саров или в Дивеево. Придешь, бывало, к нему

утром, да и стоишь-ждешь: дверь-то заперта. А Нафанаил увидит, выйдет и скажет:

— Что старик-то морозит да морозит вас!? Чего стоять-то? Когда еще дожدهшься: зайдите-ка ко мне да обогрейтесь!

Ну, иные по простоте-то и ходили было, слушая его уговоры. И дошло это до батюшки! И растревожился же он и страшно разгневался!

— Как, — говорит, — как он хочет сироточкам моим вредить?! Не диакон же он после этого обители нашей! Нет-нет, от сего времени он не диакон нашей обители!

Долго повторял батюшка, растревоженный, каким я его никогда еще не видала, ходя по своей келейке... И что же, ведь чудо-то какое! Стал вдруг с этого времени пить иеродиакон Нафанаил, да все больше и больше. Недели через три и выслали его, отдали под начало. Да так и пропал совсем! Вот сколько, сколько раз за долгую жизнь мою вспоминаю я всегда батюшку: как только кто тронет ли Дивеево или кого-нибудь из нас, дивеевских, то не минует того, непременно кончит больно дурно и в беду попадет.

В этом весьма поучительном случае мы видим то же самое распоряжение бесовскими силами, но только с обратной стороны: о. Серафим, подобно апостолу Павлу, не только мог освобождать людей от власти дьявольской, но и «предавать сатане» заслуживших это! (1Тим. 1:20; 1Кор. 5:6)... Страшна сила святых! Неблагодарейный иеродиакон за одну возможность толкнуть на соблазн сестер обители и за вольно-дерзкое отношение к «старика», святому угоднику Божию, был, по

силе Серафимовой жалобы Богу за «сироточек» его, несомненно предан во власть бесов и погиб... Помилуй нас, Господи, за молитвы преподобного!

После такой власти над невидимыми и страшными, могущественными во зле, силами, гораздо меньшим чудом представляется господство батюшки над законами видимой естественной природы. Хотя посторонним наблюдателям это казалось едва ли не самым дивным, но о. Серафим считал такие чудеса для себя вполне обычным явлением: «Ты не дивись и не бойся: так должно быть», — эти слова, сказанные им Мантурову, могут относиться ко всем подобным чудесам, когда неодушевленная природа подчинялась святому, когда он переступал уже законы и времени и пространства, и даже проявлял божественную власть над самою жизнью и смертью. Творческая Божия сила, действовавшая во святых, распоряжалась со свободой над тварью. Лишь падший человек рабски подчинился стихиям мира сего ограниченного, а восстановившие в себе истинный образ Божий, сделавшиеся совершенно свободными от страстей, ставшие преподобными Богу, вместе с этим восстанавливают в себе утраченное господство над миром. Сам о. Серафим в беседе с Мотовиловым объясняет нам потом следующее об Адаме: «Когда вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни», то есть благодать Господа Бога Духа Святого, тогда-то, по выражению Моисееву, «и бысть Адам в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как Он, навеки бессмертную. Адам был сотворен до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом

стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля пожрать в пропастях своих, ни воздух не могли повредить каким бы то ни было своим действием: все покорено было ему как «любимцу Божию, как царю и создателю твари».

Это первозданное и восстанавливается во святых чрез возвращение в них благодати Святого Духа. Так именно совершилось все сие на преподобном.

Мы уже неоднократно видели, как батюшка во время молитвы поднимался над землею: так было при расслабленном племяннике княгини Ш., которого привезли к о. Серафиму в Саров из Петербурга и лежащим внесли в его келью.

— Ты, радость моя, — сказал ему угодник, — молись, и я буду за тебя молиться, но только смотри, лежи как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся.

Больной сначала повиновался, но потом любопытство взяло верх, и он оглянулся на о. Серафима: старец стоял на воздухе в молитвенном положении. От страха расслабленный вскрикнул. Батюшка подошел к нему и сказал:

— Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим — святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего: иначе болезнь твоя опять вернется.

Больной встал здоровым, но, к удивлению привезших его, ничего не говорил о том, что видел и о чем с ним беседовал батюшка. А после смерти о. Серафима сообщил о случившемся на глазах его чуде.

Такой же случай рассказала и дивеевская сестра Дарья Трофимовна. После смерти родного батюшки «сиротки» по вечерам собирались в кружок над горевшей лучиной и делились своими воспоминаниями о виденном и слышанном.

— Я любила слушать, — говорит она... — Принесли на носилках одну больную, всю сведенную. Батюшка тоже не велел ей смотреть на него во время молитвы.

Долго она сидела, поникнув головою, но потом взглянула на него и видит, что он с аршин выше полу, как на воздухе, стоит на коленках с воздетыми ручками и молится. Он, видно, почувствовал это, обернулся и сказал ей: «Ведь я тебе сказал, чтобы ты не смотрела на меня». И тоже велел молчать до смерти его.

Пришла еще дивеевская сестра Анна Алексеевна с тремя другими сестрами к батюшке в монастырь. А он повел их в пустыньку, идя впереди. Сестры увидели, что «чулочки-то у батюшки спустились, а ножки-то какие белые». Отец Серафим, прозрев это, остановился, велел им идти вперед, а сам пошел сзади. «Идем это мы лугом, — рассказывает Анна Алексеевна, — трава зеленая да высокая такая. Оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он и говорит нам: «Радости мои, никому о сем не поведайте, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите».

Являлся батюшка в разных местах, отдаленных от Сарова и его пустыньки. Как мы уже знаем, он не

посещал Дивеева. Но неоднократно видели его там совершенно непостижимым для человеческого ума образом.

Сестра Мария Иларионовна тридцать недель пролежала в постели от нестерпимой боли в голове. и из них тринадцать недель была совершенно глуха. Молилась она разным святым, призывала и о. Серафима. Но болезнь только усиливалась. Наконец, она изнемогла совсем душою и телом и предалась на волю Божию.

«Однажды, не помню в какой день, глухая и слабая, я глубоко вздыхая, пролила горячие слезы, — рассказала она потом. — Вдруг вижу, что в келье, где лежала, сделалось светло. Входит батюшка Серафим и говорит: «Ну вот, матушка, слезы и вопли твои заставили меня придти к тебе: ты больна и ни в чем не находишь утешения, и вот я пришел».

— Ах, батюшка, отец наш! Ты ли это? — А он говорит: «Перекрестись и говори до трех раз: во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

— Батюшка, я от слабости не могу и рук поднять, — говорю ему, — и они у меня не владеют!

Тогда он взял обеими руками мою больную голову, приподнял и перекрестил ее. «Ну вот, матушка, — сказал он, — я, собственно, для тебя и приходил, чтобы исцелить тебя. Головке будет легче, но совсем не выздоровеет».

— Да как же, батюшка, — говорю, — нет, уж исцели до конца. — А он в ответ: «Нет, матушка, не на пользу нам. Все будет немножко болеть».

После этого явления ко мне батюшки я стала видимо поправляться: голова прошла, но изредка болела».

И сестра Анна Алексеевна рассказывала про свою больную сестру Вареньку, страдавшую падучею немощью, как она пред смертью сказала: «Сейчас был у меня батюшка и благословил!»

Но это уже было явление из другого мира, по кончине его... Впрочем, святые еще и на земле живут в ином мире.

Когда мы будем писать о Дивееве, там мы увидим еще более подобных случаев сверхъестественного передвижения о. Серафима.

Подчинялись его молитве и стихийные силы природы. Анна Петровна Еропкина, о коей мы не раз уже упоминали, с любовью записала сама следующее:

«Когда я увидала у него пред святыми иконами толстую восковую свечу, он спросил: что ты смотришь? Когда ехала сюда, не заметила ли у нас бури? Она поломала много лесу. А эту свечу принес мне любящий Бога человек во время грозы. Я, недостойный, зажег ее, помолился Господу Богу: буря и затихла. — Потом, вздохнув, прибавил: — А то бы камень на камне не остался: таков гнев Божий был на обитель!»

Старица Устинья Ивановна, впоследствии монахиня Илария, вспоминает, что о. Серафим «в стесненных средствах обители всегда говаривал блаженной покойной сестре нашей Марии Семеновне, схимнице Марфе и высокой жизни, которую особо против всех любил батюшка:

— Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно. Я мог бы и золу превратить в золото, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее время будет у вас и изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему!»

Дивны святые. Подумать только: вот был же на земле, недавно еще, живой человек, как будто и мы, который смог сказать такие слова: могу и золу в золото, но не хочу только... Кто подобен им из мира сего!

От золота батюшка отказался, но вот целебную силу своему источнику вымолил у Господа.

А вот что рассказывал об этом событии Саровский иеромонах о. Анастасий. Раз случилось ему быть у батюшки о. Серафима около его колодца. Старец между беседой сказал ему:

— Вот, батюшка, я молился, чтобы вода сия в колодце была целительной от болезней.

И, действительно, с той самой поры и до наших дней от Серафимова источника совершилось бесчисленное множество чудес. Расскажем здесь всего одно. У вице-губернатора А. А. Борзко заболел припадками восьмилетний сын. К физическим страданиям присоединилась еще и постоянная тоска. Родители и доктора не знали, чем помочь. В это время (в 1856 г.) одна монахиня — Д. — подарила им житие преподобного Серафима и сама отправилась в Саров. Родители стали читать книгу. Вскоре ребенок видит сон. Является ему Спаситель в красной одежде, окруженный Ангелами, и говорит: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что тебе приказано будет старцем, который к тебе придет». Спаситель исчез, но за ним

явился действительно старец, назвавший себя Серафимом, и велел дитяти взять из его саровского источника воды, три дня умываться ею и пить ее.

Проснувшись, ребенок рассказал свой сон — сначала няне, а потом и родителям. В недоумении они не знали, откуда бы взять целебной воды. Между тем, дитя на другое утро рассказало новый сон: ему явилась на этот раз Божия Матерь с Ангелами же и с ласковою нежностью велела послушаться совета о. Серафима. Как раз в это время воротилась из своего богомолья монахиня Д. и запиской сообщила о том матери больного ребенка. К ней письменно же обратились родители с просьбою: где бы достать воды Серафимовой? А она в ответ прислала привезенную ею самую бутылку из источника его. С молитвою родители поступили так, как было указано во сне, и ребенок совершенно выздоровел.

Через четыре года отец с подростком-сыном съездили в Саров поблагодарить батюшку за исцеление. И тогда вице-губернатор собственноручно описал совершившееся чудо.

Мы намеренно выбрали случай с невинным ребенком, которого нельзя уже заподозрить в измышлениях, а кроме того, и все обстоятельства складывались при этом так, что видна была ясная рука промысла Божия. Но еще более здесь удивительно, что сам Господь и Богоматерь засвидетельствовали чудесность источника.

А теперь перейдем уже к последним чудесам о. Серафима: к его непостижимой власти даже над жизнью и смертью.

У известного уже нам А. Г. Воротилова смертельно заболела жена. По глубокой вере в силу преподобного Серафима он немедленно поспешил в Саров. И хотя прибыл в монастырь в полночь, но тотчас же направился к келье старца. А батюшка уже ожидал его на крылечке со словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов торопливо рассказал о своей горе, прося святых молитв о здравии жены. Но, к изумлению и ужасу, он услышал от батюшки, что болящая должна умереть. Тогда Алексей Гурьевич бросился со слезами к ногам угодника Божия, умоляя его исходатайствовать ей жизнь.

Отец Серафим здесь же погрузился в умную молитву... Воротилов же остался у ног его... Минут через десять батюшка открыл очи свои и, поднимая Воротилова, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот! Гряди с миром в дом твой».

В тот же час поскакал обратно муж к больной жене и узнал от нее, что она почувствовала облегчение в те именно минуты, когда о. Серафим погрузился в молитву. Скоро она и совсем выздоровела.

Подобный же случай был с И. М. К-м. Отец Серафим ему и его жене дал некую заповедь о воздержании в брачной жизни. При этом он сказал им:

— Если вы этого не исполните, то ты и она скоро умрете.

При жизни батюшки супруги исполняли данный им завет, а потом стали забывать его и возвратились к прежним невоздержным привычкам.

Вдруг муж болеет полным расслаблением и лишается голоса. Доктор объявляет положение безнадежным. Смерть уже была на пороге: даже губы его помертвели. Вдруг входит врач и рассказывает о своем сне, будто он идет к К., а навстречу ему попадает какой-то старичок, в лаптях, и говорит:

— Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь. И он должен умереть! Но ты скажи ему, чтобы он дал пред Богом какой-нибудь обет, и тогда он останется в живых.

Больной, однако, был еще в состоянии слышать рассказ, и мало-помалу понял, что явившийся был о. Серафим, вспомнил нарушенный им и женою завет его и дал в себе обещание взять на воспитание бедную сироту девицу Надежду. После этого он мгновенно почувствовал облегчение, а через несколько минут позвал как здоровый жену, все рассказал ей. А на следующий день ходил уже по дому и скоро выздоровел. Сироту они взяли тотчас же к себе.

Но самый поразительный случай власти о. Серафима обнаружился на сестре М. В. Мантурова, Елене Васильевне.

В 1833 году Михаил Васильевич в имении генерала Куприянова, у которого он в это время был управляющим, заболел злокачественной лихорадкой. Отец Серафим вызвал к себе Елену Васильевну вместе с послушницей ее Ксенией Васильевной. Прибыли они к нему в монастырскую келью, и здесь вот и произошла совершенно небывалая беседа между ними.

— Ты всегда меня слушала, радость моя, — начал преподобный, — и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли ты его, матушка?

— Я всегда вас слушала, — ответила она, — и всегда готова вас слушать.

— Во, во! Так, радость моя! — воскликнул старец и продолжал: — Вот видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, брат-то твой, болен у нас. И пришло время ему умирать. Умереть надо ему, матушка. А он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот. Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила Васильевича, матушка!

— Благословите, батюшка, — ответила Елена Васильевна смиренно и, по-видимому, спокойно.

После этого о. Серафим долго и проникновенно беседовал с ней о смерти и о будущей вечной жизни. Елена Васильевна все слушала молча. Но вдруг неожиданно смутилась и произнесла:

— Батюшка, я боюсь смерти!

— Что нам с тобою бояться смерти, радость моя?! — ответил о. Серафим. — Для нас с тобою будет лишь вечная радость!

И простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порог кельи, тут же упала. Ксения Васильевна подхватила ее. Батюшка о. Серафим приказал положить ее на стоящий в сенях гроб, а сам принес святой воды, окропил Елену Васильевну, дал напиться и таким образом привел ее в чувство. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану». Так и сбылось. Через несколько дней после соборования и неоднократного приобщения Святых Тайн она скончалась. Пред смертью сподобилась видеть Царицу Небесную и райские селения. А в самый предсмертный момент к ней бросилась Ксения,

умоляя ее сказать, «Господа ради», видела ли она Самого Бога?

— Бога человеком невозможно видети, на него же не смеют чини ангельстии взирати, — сладко и тихо запела Елена Васильевна 9 ирмос 6 гласа.

Но Ксения продолжала со слезами умолять об ответе. Тогда умирающая сказала:

— Видела, Ксения. — И лицо ее сделалось восторженное, чудное, ясное... — Видела, как неизреченный Огнь! А Царицу и Ангелов видела просто!

— А что же, матушка, а вам-то, вам-то что будет?

— Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения, — произнесла смиренная праведница, отходящая ко Господу. — Он не оставит.

Затем она распорядилась собирать ее, как бы уже мертвую, чтобы потом сразу вынести в храм.

Сестры начали исполнять приказание. Вдруг она испуганно прижалась к своей послушнице и воскликнула:

— Ох, Ксения, Ксения, что это, какие два безобразные: это — враги, — но тут же и успокоилась. — Ну, да эти вражии наветы уже ничего мне не могут теперь сделать!

После этих слов она совершенно покойно потянулась и скончалась — во исполнение данного ей великим Серафимом послушания — за брата. Это произошло 28 мая 1832 года, на 27-м году жизни святой девушки.

Преподобный Серафим в самый час ее кончины прозрел духом совершившееся и стал радостно посылать работавших в это время у него сестер в Дивеево, говоря:

— Скорее, скорее грядите в обитель: там великая госпожа ваша отошла ко Господу!

Ее похоронили рядом с основательницей общины матерью Александрою.

Все сестры, очень любившие Елену Васильевну, очень горевали и плакали по ней, а больше всех Ксения.

Когда на сороковой день она пришла к о. Серафиму, то он, утешая любимую церковницу, сказал радостно: «Какие вы глупые, радости мои! Ну что плакать-то? Ведь это — грех! Мы должны радоваться: ее душа вспорхнула, как голубица, вознеслась ко Святой Троице! Пред нею расступились херувимы и серафимы и вся небесная сила! Она — прислужница Божией Матери, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка! Лишь радоваться нам, а не плакать должно! Со временем мощи ее и Марии Семеновны будут почивать открыто в обители, ибо они так угодили Господу, что удостоились нетления. Вот, матушка, как важно послушание!»

Все это записано духовником почившей, о. Василием Садовским, а кроме того, подтверждено еще и устными показаниями жившей во время составления летописи, очевидца, участницы всех описанных событий, Ксенией Васильевной, монахиней Капитолиной.

Наконец, упомянем здесь об ответе о. Серафима на заданный ему вопрос. Вера в его сверхъестественное состояние побудила любопытного саровского послушника Тихонова обратиться к нему за разрешением такой задачи, которая превосходит уже всякий ум: не наступает ли конец мира? когда будет второе пришествие

Господа? И «убогий» Серафим с обычною ласковостью и смирением сказал: «Радость моя, ты много думаешь о Серафиме! Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно! Господь сказал Своими пречистыми устами: *О дни том, и часе никтоже весть, ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой един... Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческого. Якоже бо бяху во дни прежде потопа ядуще и пиюще, женящиеся и посягающе, дондеже вниде Ное в Ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся, — тако будет и пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24: 36-40). При сем старец тяжело вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного... Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока».

Правда, в некоторых случаях батюшка упоминал сестрам о пришествии антихриста, но эти указания настолько неопределенны, что об них нельзя говорить ничего решительного. Например, сказывал так: «До антихриста не доживете, а времена антихристовы переживете». Но это можно принимать в простом смысле гонений и скорбей, ожидавших впоследствии, а теперь уже сбывшихся на Дивееве. Посему и мы скажем словами святого угодника: «Нет, сего нам знать невозможно». Однако всем указано Тем же Господом: *Смотрите, бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, когда наступит это время* (Мк. 13:33). Может быть, в наши дни оно уже и «близко, при дверях». Не знаем... Одно

несомненно знаем, что время стало ближе к нам, чем было при преподобном Серафиме...

В дополнение же ко всем дивным чудесам, давно уже напечатанным и известным, считаем и историческим долгом, а еще более — исповедническим делом, сообщить во славу святого угодника об одном чуде, молва о коем ходит по России искони, а между тем еще о нем не напечатано. Я слышал об этом чуде от одной старой няни, родившейся еще во времена преп. Серафима. Но потом мне после пришлось услышать подтверждение сего из уст некой госпожи О. (ныне монахини Р.), весьма близко стоявшей к жизни Сарова. А ей говорил монастырский привратник.

Приведу рассказ приблизительно.

Однажды в Саровскую обитель приехал архиерей. Он, кажется, не вполне верил в святость о. Серафима. А может быть, ему наговорили против него и недоброжелатели, которые, как мы видели, не всегда относились к о. Серафиму с почтением. И потому архиерей приехал предубежденным против великого старца. Осмотрев монастырь, он пожелал видеть и знаменитого пустынника, о котором знала уже вся Русь. Его в это время не было в обители: он подвизался в пустыньке. Дело происходило зимою, или во всяком случае, поздно осенью, когда выпал уже снег.

Архиерей направился туда со свитой. Когда они подъехали к пустыньке, навстречу им вышел преподобный и поклонился в землю Владыке, прося благословения, а потом повел его в свое помещение. Свита же осталась наружи. Не доверявший архиерей, между прочим, спросил батюшку, что вот про него говорят, будто он творил

чудеса. А преподобный угодник ответил, что чудеса может творить только один Всемогущий Господь. Между тем, он стал хлопотать — чем бы угостить своего высокого гостя. Архиерей начал отказываться. А пока они говорили, в эти немногие минуты совершилось чудо! Святой Серафим направился в угол своей кельи и принес оттуда с живого куста совершенно свежей малины святителю. Пораженный этим, архиерей попросил прощения у батюшки за свое сомнение в нем и с великим удивлением уже не заметил куста; между тем, свежие ягоды были у него перед лицом. Испросивши святых молитв дивного старца, он, поддерживаемый опять под руки батюшкой, вышел молчаливый к свите своей, но, по увещанию угодника, никому не сказал о совершившемся на его глазах чуде, до самой смерти святого.

Некоторым это чудо может показаться маловероятным. Но в чудесах невозможно установить границу вероятности: там все — сверхъестественно. А кто знает другие знамения преподобного, а особенно явление в нем самом новой преображенной природы, во время беседы с Мотовиловым, тому и данное чудо с малинкой покажется неудивительным и даже несравненно менее значительным. Мы же огласили его потому, что доселе никто не напечатал о таком радостном знамении из райского мира.

Впрочем, и в напечатанных материалах рассказывается уже нечто подобное. «Однажды, — читаем мы в летописи Дивеева, — Прасковья Ивановна, впоследствии монахиня Серафима, работала у источника. К ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом белом балахончике. Еще издали воскликнул он: «Что

я тебе принес, матушка!» И подошел к ней, держа в руках зеленую веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невероятно приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста еще такой же фрукт, он произнес: «Вкуси, матушка, — это райская пища». В то время года (раннею весною) еще не могли созреть никакие фрукты.

Ранее мы читали уже о необыкновенном небесном хлебе, принесенном во время явления Божией Матери на праздник Ее Успения в 1830 году, часть которого преподобный передал своему другу, о. Василию, и его «подружью» — матушке.

«Невозможная у человек — возможна суть Богу», — сказал Сам Господь (Мк. 10:27)*. *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его*, — повторил великий апостол Павел слова пророка Исаии (64,4) коринфянам (1 Кор. 2:9). А он собственными своими очами созерцал чудесный рай, куда был восхищен «до третьего Неба»; но вследствие совершенной сверхъестественности его, не мог даже пересказать те неизреченные слова и вещи, которые видел и слышал там (2 Кор. 12:1-4). Аминь.

Сии слова — верны и истинны (Откр. 1:5). Аминь.

Глава XV

ДИВНОЕ ДИВЕЕВО

Повествовать о преподобном Серафиме и умолчать о дивном Дивееве так же невозможно, как нельзя сказать об отце и опустить о детях. Дивеево, после собственной души его, есть главное детище святого старца, плод духовного рождения его, полное чудес.

Бог есть Творец всего. И всякий, освященный Животворящим Духом Святым, не может не творить: через него и вокруг него начинает цвести жизнь, как весною от теплого солнца трава. Потому в день Святого Духа Церковь и украшает все зелеными ветвями, знаменуя этим жизнетворную силу Животворящего Духа. Дивеевская обитель и является творением благодати, действовавшей в святом угоднике Божиим.

Но чтобы описать хотя бы наиболее важные события из совершенно необыкновенной истории Дивеева, следовало бы написать о нем особую книгу. Теперь же мы извлечем из летописи этого монастыря лишь самое существенное, характерное, и дивное, а немало же рассказано было и ранее, в связи с житием о. Серафима.

Самое начало Дивеевской общины ознаменовано чудесным участием Матери Божией. Происхождение ее было таково. Урожденная дворянка Нижегородской губернии, Агафия Семеновна Белокопытова, конечно, знавшая о близком Саровском монастыре, вышла замуж за полковника Мельгунова, богатого помещика, владевшего имениями в Ярославской, Владимирской и Рязанской губерниях. Но вскоре же после брака она овдовела, оставшись с младенцем-девочкою. Будучи религиозною и желая сохранить в чистоте свое вдовство, она решила оставить мятежный и соблазнительный мир и посвятить себя иноческой жизни. Для этой цели она направилась в Киев, центр монашеского жития. И там остановилась во Флоровском женском монастыре, вместе с трехлетней дочерью своею. Как богатая владелица поместий она, конечно, могла бы рассчитывать на любезное отношение к ней в этой обители. Но промысел Божий судил иное. Раба Божия Агафия однажды после полунощной молитвы сподобилась в тонком видении узреть Пресвятую Богородицу и слышать от Нее следующее:

«Это Я, Госпожа и Владычица твоя, Которой ты всегда молишься. Я пришла возвестить тебе волю Мою. Изыди отсюда и иди в землю, которую Я тебе покажу. И прославлю имя Мое там, ибо в месте жительства твоего Я осную такую обитель великую Мою, на которую низведу Я все благословения Божии и Мои со всех трех жребиев Моих на земле: с Иверии (Грузии), Афона и Киева. Иди же, раба Моя, в путь твой!»

Посоветовавшись со старцами киевскими, Агафия Семеновна оставила Флоровский монастырь и пошла на север. Обходя многие места и монастыри, она

направилась к Сарову. Это было около 1760 года. За 12 верст от монастыря, в селе Дивеево, Нижегородской губернии, Ардановского уезда, она села отдохнуть возле небольшой деревянной церкви и в дремоте сподобилась вторичного видения Богоматери: «Вот здесь предел, который Божественным промыслом положен тебе. Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете; это — четвертый жребий Мой во вселенной. И благодать Всесвятого Духа Божия и обилие всех благ земных, с малыми трудами человеческими, не оскудеют от этого места Моего возлюбленного!»

Придя в себя, раба Божия Агафия исполнилась необычайной радости и со слезами умиления поспешила к Сарову. Он ей так понравился, что она с охотою осталась бы здесь совсем, если бы то была женская обитель. Узнавши от нее необычайный промысел Божий о Дивееве, саровские старцы и направили ее туда. Но в Дивееве в то время от множества рабочих и открытых там заводов было неудобно, и, по совету старцев, она поселилась и двух верстах от этого села, в деревне Осиновке, во флигеле вдовы Зевакиной. Здесь заболела ее девятилетняя дочь и скончалась. Приняв это как указание Божие посвятить себя всецело назначенному ей делу, Агафия Семеновна сначала отправилась в свои имения и распорядилась ими во славу Господа и спасение души своей и родных: крестьян частью отпустила на волю, частью передала другим, по избранию самих крепостных; имущества свои пожертвовала на построение храмов и другие добрые дела. И приблизительно к 1765 году воротилась в Дивеево. Здесь ее пригласил

к себе жить священник о. Василий Дертев, впоследствии скончавшийся монахом Саровского монастыря с именем Варлаам. В то время он был уже старцем и жил одиноко с своею старицею матушкою. Агафия Семеновна на дворе его построила себе небольшую келью и работала у о. Василия как простая служанка: чистила двор, ухаживала за скотиной, стирала белье и пр. В таких сокровенных трудах она и прожила здесь 20 лет.

Но тайной и горячей заботой ее было исполнение воли Царицы Небесной. К этому она и приступила еще в 1767 году, испросив у саровских старцев благословения, а у Епархиального начальства разрешение на постройку нового каменного храма во имя Казанской иконы Божией Матери на месте прежней церкви Святителя Николая, возле которой она сподобилась чудесного видения, а ему был посвящен в новом храме левый придел. Постройка кончилась через 5 лет. Агафия Семеновна съездила в Казань за точной копией с Чудотворной иконы Богоматери и святыми мощами.

Каковы были ее подвиги — это тайна Божия.

Внешне же она продолжала жить просто. Помогала, особенно в страдную пору, ухаживать за крестьянскими детьми. По праздникам же вела беседы с богомольцами на паперти храма. Одежду она носила бедную, на поле ходила в лаптях. Во время отдыха подкладывала под голову камень, обшитый для сокровенности в холстину. Под одеждою тайно носила власяницу. По виду и в обращении она была весела, а от тайных слез у нее веки всегда были красными — об этом впоследствии свидетельствовал и о. Серафим. Она прекрасно знала церковный устав. Отличалась рассудительностью.

Можно сказать, это была тайная подвижница, сокровенная раба Божия.

Приблизительно в это же время строился в Сарове главный Успенский соборный храм. И Агафия Семеновна от сохранившихся капиталов весьма щедро помогала в этом святом деле. А саровские старцы, особенно о. Пахомий и казначей о. Исаия, руководили ее духовною жизнью.

Так незаметно шли годы, а воля Богоматери все еще не осуществлялась: обители пока не было. Но вокруг рабы Божией Агафии уже собралось несколько ревнительниц духовной жизни: девица из с. Вертьянова, круглая сирота, крестница о. Василия — Евдокия Мартынова, вдова Анастасия Кирилловна, Ульяна Григорьевна и Фекла Кондратьевна — все из ближних селений. Вот для этих первоначальниц мать Агафия и решила, незадолго перед своею кончиною, построить кельи — первое зерно будущей обители, удела Божией Матери. К этому представился по промыслу Божию особый случай. В 1788 году помещица с. Дивеева, Жданова, почитавшая Агафию Семеновну и знавшая от нее о дивном предсказании Царицы Небесной, пожертвовала ей 1300 кв. сажен земли своей, рядом с новым храмом. Вот на этой жертве мать Агафия и поставила три кельи с надворными постройками, и обнесла все деревянною оградой. Одну из этих келий она заняла сама, другую предназначила для трех послушниц, а сестра Евдокия прислуживала ей, третью же предоставила для отдыха странников, паломнических, проходивших чрез Дивеево в Саров. Так зародилась обитель. Туда же передала до 40 тыс. рублей, все

оставшиеся средства свои, Агафия Семеновна перед кончиною.

А в скорости после этого она стала слабеть, хотя ей было всего лишь приблизительно 55 лет. В первой половине июня 1789 г., когда игумен Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом Серафимом отправились на похороны благодетеля монастыря Соловцова, им пришлось проезжать через Дивеево. Мать Агафия, совсем уже больная, упросила их особоровать ее перед смертью, что и исполнили старцы, при этом она просила о. Пахомия не оставлять своим душевным попечением и необходимою материальною помощью остающихся ее сирот. Отец настоятель обещал, но, ссылаясь на старость свою, указал на молодого иеродиакона Серафима как на преемника своего в деле попечения об уделе Божией Матери.

«Духовность его тебе известна, — говорил он умиравшей, — и он молод, ему и поручи это великое дело».

Матушка стала просить молодого монаха не отказаться от святого послушания, которое налагает на него Царица Небесная теперь. «Она же и поможет ему, — говорила умирающая, — в свое время сделать все необходимое». Отцу Серафиму в то время было лишь 30 лет. Что он ответил тогда о. Пахомию и матушке, скрыто молчанием. Вероятно, ничего не сказал, а только воспринимал сердцем волю Царицы Небесной. После много раз говаривал он о том, что без воли Ее ничего не делал. «Исповедую тебе, — говорил он перед кончиною о. Василию, — и Богом свидетельствую, что ни единого камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им. А коли я, убогий, которому

Сама Матерь Божия поручила их, не соизволил своего... кольми паче другим надлежит то, батюшка!»

3 июня подвижница скончалась. Перед смертью она каждодневно причащалась Святых Тайн. И лишь только священник приобщил ее в последний раз, как она тут же и скончалась, в самую полночь. Возвращавшиеся в обитель старцы заехали снова в Дивеево и отпели рабу Божию и свою благодетельницу. Как уже было писано ранее, после погребения устроена была поминальная трапеза, но о. Серафим, по своему целомудрию, несмотря на проливной дождь, не остался после службы в женской общине и ушел пешком в Саров.

И после этого двукратного посещения он никогда больше не ходил туда (кроме чудесного явления, о чем будет сказано впоследствии), а руководил всем из своего монастыря и из пустыnek.

Скончалась матушка в иноческом чине с именем матери Александры. Об этом существуют разные предания. По одному, она приняла постриг еще молодою в Киевском Флоровском монастыре, но перед уходом оттуда старцы дали ей совет скрыть о своем постриге и под светским именем Агафии Мельгуновой отправиться в путь, указанный Божией Матерью. Это было во многих отношениях удобнее и в смысле путешествий, и для распоряжения имениями. Но Н. А. Мотовилов пишет, что ее послушница Евдокия перед смертью своею сообщила, как матушка Агафия за неделю или две до кончины послала ее с другою девицею в Саров с просьбою о постриге. Прибыл о. Исаия и во время вечерни постриг ее в великий ангельский образ, с наречением имени Александры. Чтобы примирить эти предания, можно

предположить, что во Флоровском монастыре ей был дан лишь «рясофорный» постриг с наречением имени Александры, что она, наверное, не скрыла потом от саровских духовников своих. А перед кончиною она была пострижена уже в полный чин «манатейного» пострига, с усвоением прежде уже нареченного имени. Во всяком случае, подвижница должна быть поминаема монахиней Александрой, хотя иногда в видениях своих она сама называла себя Агафией, под каковым именем она была гораздо более известна своим современникам и их потомкам. Батюшка о. Серафим называл покойную больше мирским именем, а иногда и матушкою Александрой: он высоко чтит ее. «Царице Небесной, — говорил он потом М. В. Мантурову, — угодно, чтобы была у них (сестер) своя церковь к паперти же Казанской церкви, так как паперть эта достойна алтаря! Ведь Матушка Агафия Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее». А в другой раз говорил о. Василию Садовскому, духовнику дивеевских сестер: «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафия Семеновна? Ведь она была великая жена, святая; смирение ее было неисповедимо, слез источник непрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всему нелицемерная... За жизнь свою она была всеми уважаема. Так как же нам презреть ее прошения? Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих просила она о заведенной общинке, так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, не оставь их!»

Свидетельство о. Серафима выше всяких иных похвал. Последующие события показали правдивость этого: известно несколько случаев явления подвижницы.

Например, в 1827 году, 11 июня, она во сне явилась молодой припадочной женщине Лебедевой и велела ей идти к о. Серафиму: «Он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная спросила: «Кто ты такая и откуда?» — «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия». Страдавшую Александру повезли в Саров. Батюшка исцелил ее и сказал: «Сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сем месте, сколько можешь, поклонов: она о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». В 1861 году почти умиравший священник Вятской губернии Гавриил Галицкий отправился в Вятку на лечение. Приехал в 8 вечера... А утром в 7 часов приходит на его квартиру какая-то старушка и предлагает купить портрет о. Серафима. Тот купил два. Уходя от него, старушка сказала: «Батюшка, когда придет время, не забудь Агафии». Священник дал обещание побывать в Сарове и поправился. Там он из жития о. Серафима узнал и о первоначальнице Дивеева, Агафии, и вспомнил слова старицы о ней. Может быть, и сама она была у него в Вятке...

Записаны и другие случаи помощи по молитвам ее...

Вследствие такого почитания матушки Александры, еще при жизни о. Серафима, находились жертвователи на построение чугунного памятника на могиле её. Но о. Серафим тогда посоветовал направить жертву на новую церковь в Дивеево. А про памятник так сказал: «Что в нем пользы-то? Нет никакой пользы, батюшки». И после долго не удавалось это. И только в 1871 году игуменья Мария построила сама маленький кирпичный памятник, наподобие часовни. А в 1885 году келья матушки

Александры, как потом и пустынька отца Серафима, была покрыта двухэтажным деревянным домиком. В ней собрали все сохранившиеся вещи первоначальницы: иконы, портрет старца Назария Валаамского, которого она почитала и которому кланялась перед всяким делом как живому, прося благословения, лампадка, деревянный стол, живописный портрет ее самой и копию с него, чтимую в обители как чудотворную.

Так сбылось, пока в малой мере, предсказание Божией Матери о Своем «четвертом уделе». Правда, при первоначальнице Агафии почти не видно было и надежды на последующий расцвет Дивеева, но ведь и в обещании Царицы Небесной сказано было, что обитель будет устроена не самой начальницей общины, но лишь «на месте жительства» ее, что и исполнилось потом.

Но чтобы осуществиться этому, потребно было молодой общине пережить очень много и событий, и скорбей... Кратко расскажем о них.

После кончины матушки Александры (так будем звать ее далее) в общине остались на житие три послушницы: Евдокия, Анастасия и Фекла. Они избрали между собою старшей Анастасию. В течение семилетнего заведования общиною она собрала 52 сестры. В числе их поступила вдова из г. Тулы, Ксения Михайловна Кочеулова с малолетнею дочерью Ириною. По смерти Анастасии она и сделалась начальницею общины.

Это была маленькая, сухая на вид женщина, крайне сурового нрава. Она не жалела даже своей дочери. Когда той кто-то подарил чайник и чашечку, то Ксения Михайловна не успокоилась до тех пор, пока Ирина

не разбила их и не закопала черепки в земле. Вследствие такой строгости сестры начали расходиться: из 52 послушниц через год осталось лишь 12. Но зато они уже оказались крепким фундаментом для будущей обители. Скоро к ним стали прибавляться новые ревнительницы спасения, и в 1825 году, когда о. Серафим вышел из затвора и мог уже вполне руководить общиною, в ней снова было 50 сестер. К концу же жизни его под управлением Кочеуловой было уже 47 келий и до 113 сестер. Такой строгий характер ее объяснялся не только природными ее свойствами, но вызывался пользою общины: нужна была строгая дисциплина для монастыря, особенно в начале создания его. Не терпела она, например, когда послушницы шили себе красивую одежду. Сподобившаяся впоследствии быть участницей видения Божией Матери (1861 г.) Евдокия Ефремовна была одно время келейницей у Ксении Михайловны. Как-то она подпоясалась красными тесемочками. Увидела это матушка. «Что это, — говорит, — вражью-то силу ты на себя надела?» Взяла их, да в печке и сожгла. В другой раз Евдокия пришла в храм в новенькой ряске, хорошо скроенной в талию. А начальница достает ее своею клюкою (посохом) и спрашивает, не узнавая: «Кто это? Кто это?.. Ах, это всечестная Евдокия!.. Что это ты делаешь, матушка? На что это ты восемь-то бесов себе посадила? Выпори, выпори четыре-то беса (четыре клина из ряски)».

И сам о. Серафим с похвалою отзывался о ней. Посылая в Казанскую общину новую послушницу, племянницу Евдокии, впоследствии монахиню Ермионию, которая и рассказывала все это автору летописи,

батюшка сказал тетке: «Отведи ее к матушке Ксении Михайловне». А обращаясь к отроковице, добавил: «Во, матушка! Ксения-то Михайловна — жизни высокой. Бич духовный, матушка!» «И вправду, — дополняет мать Ермения, — она была строга: станет выговаривать, думаешь, вот-вот убьет, сейчас тут умрешь. А кончит, делается прещедрая». И велит, бывало, дочери Ирине прочитывать соответственное житие святого. Сама-то она была неграмотна. «Вот видишь ли, Евдокиюшка: как трудно идти-то в Царствие Небесное? Ведь оттого так-то я и выговариваю. Ну, матушка, иди». А потому или сама сунет, или дочери велит дать какой-нибудь подарок.

Но и при всем том о. Серафим не вполне одобрял ее крайности. Например, он просил ее умерить строгость церковного устава, который она держала по саровскому образцу. Но она решительно отказала в этом батюшке, ссылаясь на правила, заведенные еще при о. Пахомии. Может быть, это было одною из причин, почему о. Серафим потом создал свою общину. Недоволен был батюшка и строгостью в пище у матери Ксении. Ксения Васильевна (мать Капитолина) рассказывала следующее: «У нас в трапезе была стряпухой строгая-престрогая сестра. Всем была хорошая сестра; да как еще то было при матушке Ксении Михайловне в старой обители, а матушка-то Ксения Михайловна, не тем будь помянута, была очень скупенька ...так строго заведено было, что, по правде, частенько сестры-то друг у друга хлебец тихонько брали. Вот и узнал это батюшка Серафим, да и потребовал ее к себе. Пришла она, и я в то время была у батюшки. Отец Серафим

разгневался на нее и так страшно, строго и грозно ей выговаривал, что страх и ужас охватил меня». Та ссылалась на приказы начальницы. А о. Серафим ей «все свое»: «Так что же, что начальница! Не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю. Пусть начальница-то и говорит: а ты бы потихоньку давала да не запирала. Тем бы и спаслась! Нет, матушка, нет тебе моего прощения! Сиротам да хлеба не давать?» Вскорости эта сестра занемогла и умерла.

Кочеулова управляла Казанскою общиной долго, сорок три года.

Перед своею смертью она дала приказание, чтобы в течение сорокоуста принимать и кормить всех странников. И совершилось нечто необычайное: имевшихся запасов муки, крупы и пшена должно было бы хватить на половину срока, а их достаточно оказалось на все 40 дней. «И все тогда очень дивились этому!» — рассказывала старица Дарья Трофимовна, бывшая в то самое время там на стряпушечьем послушании... Ин — суд Божий, ин — человеческий... Бог один — истинный судия! Иные святые были при жизни строгими — различны у Бога дары Духа.

После смерти в келье Ксении остались очень немногие, но характерные предметы: икона Скорбящей Божией Матери, картины страстей и бичевания Спасителя. Все такое — суровое... А из ее вещей — начальнический посох, символ власти и строгости, и еще — часы с боем, взятые из Тулы, для точности распределения порядков.

Наряду с этою Казанскою общиною, всего лишь в 100-150 саженьях, образовалась параллельная обитель,

соответственно Серафимова, или «мельничная», которая и является детищем преподобного. История ее такова.

Как уже было сказано, о. Серафим руководил устройством обители из Сарова. Поэтому ему нужен был помощник, который непосредственно заведовал бы всем делом на месте, и притом был преданным и совершенно послушным о. Серафиму. Такого служку и послал Бог старцу в лице Михаила Васильевича Мантурова, о коем уже упоминалось прежде. Он был помещиком в Ардатовском уезде в с. Нуча и жил там с сестрою своею, Еленою Васильевною, и с женою, Анною Михайловною. Неожиданно он заболел воспалением ног, так что выпадали даже косточки из тела. Не найдя спасения у врачей, он отправился за 40 верст в Саров к о. Серафиму. И здесь, как уже было рассказано, батюшка сотворил «первое» чудо исцеления. В благодарность за это в 1822 году о. Серафим и предложил Михаилу Васильевичу послужить святому Дивеевскому детищу. Взглянув на него особенным образом, он весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Не без смущения и колебаний Мантуров все же решился на предложение исцелителя: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» — «А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог». И с этого момента они расстались друзьями навеки и слугами Царицы Небесной по устройению Ее четвертого удела. С той поры о. Серафим стал звать его Мишенькой. По благословению батюшки, Мантуров продал свое имение в Нуче и купил 15 деся-

тин в с. Дивееве на указанном ему месте для будущей обители. Много пришлось терпеть ему насмешек и ропота от молодой жены, да еще и лютеранки тогда. Но он все вынес ради послушания батюшке, и в следующем году о. Серафим уже принялся за осуществление своего дела.

Однажды он потребовал к себе Михаила Васильевича. Когда тот прибыл, батюшка взял колышек, перекрестился, поцеловал его и велел Мантурову сделать то же самое. Потом неожиданно поклонился своему Мишеньке в ноги и велел ему вбить тот колышек в землю, в совершенно точно указанном ему месте в Дивееве, впереди Казанской церкви. Поехал Михаил Васильевич туда и в ужасе увидел, как поразительно точно определил все о. Серафим, будто бы он только что сам там был. Исполнив послушание, он воротился к батюшке. Отец Серафим снова молча поклонился ему в ноги и был необыкновенно радостен и весел... Прошел год. Отец Серафим снова зовет Мишеньку, дает ему теперь уже 4 колышка и приказывает вбить их около первого и обсыпать камешками для приметы. И снова поклонился Мантурову старец после исполненного послушания... А через два года на этом самом месте возникнет мельница для дивеевских сирот. Так начиналась славная обитель.

К ней стал подготавливать мало-помалу батюшка и обитательниц. Среди них особое место занимает сестра Мишеньки, упомянутая Елена Васильевна. Семнадцатилетнею веселою девушкой она сделалась невестою. Но потом беспричинно охладела к жениху. Однажды она явно увидела беса и дала обещание

Матери Божией быть монахиней. С этих пор она совершенно изменилась характером и стала читать духовные книги. А вскоре отправилась к о. Серафиму и стала просить его благословить ее на монашество. Но он настойчиво три года твердил ей, что у нее будет жених и она должна готовиться к браку. Напрасно Елена Васильевна отрекалась от этого. Старец все повторял о браке. Это еще более укрепляло ее в избранном и обещанном пути. А через три года батюшка неожиданно позволил ей отправиться на испытание в Казанскую общинку. На крыльях радости полетела она в Дивеево и была принята Ксенией Михайловной. В маленьком чуланчике погребла себя молодая барышня: ей тогда (1825 г.) было всего лишь 20 лет. В непрестанной молитве Иисусовой и чтении книг провела она месяц. Вдруг зовет ее батюшка и объявляет ей, что теперь пора обручаться с Женихом. Зарыдала Елена Васильевна: «Не хочу я замуж!» Но о. Серафим объяснил ей, что Жених ее — Господь. И велел Ксении Михайловне облачить ее в «черненькую одежду» иноческую. Дав ей правила жизни, особенно молчания, он отпустил ее восторженною в общину. Но временами посещала она духовного отца своего. Однажды она была вызвана батюшкой в Саров, и ей дано было чрезвычайное послушание — умереть вместо брата. Она, как уже известно, согласилась; вернувшись в монастырь свой, слегла и стала готовиться к кончине; часто приобщалась, сподобилась видения райских обителей, Матери Божией, и даже Самого Господа. За три дня до смерти ее о. Серафим прислал ей выдолбленный им дубовый гроб. На нее надели рубашечку его, платок и манатейную

ряску, а под платочек подложили шапочку из поручей батюшки, которую сам он надел на нее после пострига в 1828 году. Накануне праздника Троицы, 28 мая 1832 года она тихо скончалась. Провидев это духом, святой старец посылал всех в Дивеево: «Скорее, скорее грядите в обитель: там великая госпожа ваша отошла ко Господу!» Когда же узнал, что сестры очень плачут по усопшей, он, растревоженный, все ходил по своей келье и говорил (как передает сосед, о. Павел): «Ничего не понимают! Плачут!.. А кабы видели, как душа-то ее летела, как вспорхнула! Херувимы и серафимы расступились! Она удостоилась сидеть недалеко от Святыя Троицы, аки дева! Лишь радоваться нам, а не плакать должно!» И при этом, в сороковой день ее кончины, о. Серафим предсказал, что «со временем ее мощи... будут почивать открыто в обители». Для этого он и сделал ей такой же дубовый гроб, как и самому себе. По смерти рабы Божией Елены Васильевны остались две иконы Божией Матери и икона Спасителя, несущего крест, разработанная разноцветным бисером самую ею...

Так исключительно особенна была и кончина ее. Не менее, если только не более, была дивна судьба и другой послушницы из послушниц о. Серафима, схимонахини Марфы, скончавшейся на три года раньше.

Она происходила из семьи крестьян деревни Погибловой, Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, по фамилии Мелюковы. Это праведное семейство состояло из брата Ивана Семеновича и двух сестер — Прасковьи и Марии. Все они стали один за другим близкими и преданными о. Серафиму. Сначала, по

благословению его, поступила в Казанскую общину Прасковья Семеновна и была высокой жизни монахиней. А потом, 21 ноября 1823 года, в приснопамятный день Введения Божией Матери, под который и сам преп. Серафим пришел в Саров, Прасковья Семеновна привела к нему и сестру свою, тринадцатилетнюю отроковицу Марию, которая по словам старшей сестры, «увязалась за нею». Увидев ее, батюшка прозрел духом, что она будет великим сосудом Божиим, и повелел ей не возвращаться домой, а остаться в монастыре с сестрой. Мария беспрекословно и радостно послушалась. Отправляя ее туда, о. Серафим дал ей наставление о непрестанной молитве, молчании, кротости и полной откровенности ему. При этом он дал ей еще одну особую заповедь: ни на кого не смотреть в Сарове, а для этого она должна была носить платок так низко, чтобы видеть лишь под ногами своими. И однажды Мария спросила Прасковью Семеновну детски невинно: «А какие видом-то монахи, Параша? На батюшку, что ли, похожи?» Удивленная сестра в свою очередь спрашивает: «Ведь ты так часто ходишь в Саров, — разве не видела? Что спрашиваешь?» — «Нет, Парашенька, — ведь я ничего не вижу и не знаю. Батюшка Серафим мне приказал никогда не глядеть на них».

Эта монахиня-ребенок стала самым близким по духу другом — чадом праведного старца. Ей он поверял самые великие тайны свои о будущей судьбе обители и вообще о духовной жизни, заповедуя при этом хранить крайнее молчание, что она и делала. Послушание ее батюшке было беспредельно. А уходила она от него всегда восторженною. В общине Мария исполняла

всякие послушания, нередко и тяжелые физически: ездила в лес за дровами, носила камни на постройку, и пр. Так она провела в монастыре шесть лет и заболела. Ближайшим поводом к этому была ее ревность к послушанию. Сам о. Серафим так о ней говорил: «Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то девушки сами носили камушки, кто — по два, кто — по три, а она-то, матушка, наберет пять или шесть камешков-то, и, с молитвою на устах, молча возносила свой горящий дух ко Господу. Скоро с больным животиком и преставилась Богу». Но взята она была так рано потому, что достигла уже совершенства. Батюшка так любил это дитя Божие, что, прозрев о кончине ее, вдруг заплакал и с величайшей скорбью сказал своему соседу, о. Павлу: «Павел! а ведь Мария-то отошла... И так мне ее жаль, так жаль, что видишь — все плачу»... Прежде он укорял других за плач об Елене Васильевне, а теперь и сам не мог удержать слез любви, подобно Спасителю, плакавшему о друге своем Лазаре. На погребение о. Серафим и ей дал выдолбленный дубовый гроб, заблаговременно им сделанный для нее. А еще ранее того постриг ее в схиму, с именем Марфы. Так в схимнической одежде, с белыми крестами и в мантии, и положили ее в гроб. А в руки дали кожаную лестовку о. Серафима, на голову надели зеленую бархатную, вышитую золотом, шапочку, а сверху ее камилавку с батюшки. Все эти вещи дал ей сам о. Серафим, приказывая ей так приступать всегда к Причастию Святых Тайн, что она исполняла каждый двенадцатый праздник и все четыре поста. По своему внешнему виду Мария была привлекательной

наружности и высокого роста с продолговатым белым лицом, голубыми глазами и светло-русыми волосами. Погребли ее по левую сторону матушки Александры, возле Казанской церкви, а по правую легла потом Елена Васильевна... По смерти ее о. Серафим всех, кто только приходил к нему в эти дни, посылал в Дивеево: «Радости вы мои! Скорее, скорее грядите в Дивеево: там отошла ко Господу великая раба Божия — Мария!» И всем велел молиться о ней как о «схимонахине Марфе»: «Я ее посхимил». А родным ее — брату Ивану и сестре Прасковье, заповедал не унывать и не печалиться: «Ее душа в Царствии Небесном и близ Святой Троицы у Престола Божия, она близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит». — «И весь род ваш по ней спасен будет! Бывая в Дивееве, — заповедал он ее брату, — никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, говоря: «Госпоже и мати наша Марфо, помяни нас у Престола Божия во Царствии Небесном!» О ней о. Серафим также предсказал, что будут открыты ее мощи. «Во, — говорил он Ксении Васильевне, — матушка, как важно послушание! Вот Мария-то, на что молчалива была, и токмо от радости, любя обитель, преступила заповедь мою и рассказала малое, а все же за то, при вскрытии мощей ее в будущем, предадутся тлению одни только уста». Смерть ее последовала 21 августа 1829 года.

Брат ее Иван часто ходил к батюшке на работу и впоследствии сам поступил в Саровский монастырь монахом. Ему часто о. Серафим говорил о важности любви к Дивееву: «Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их (сестер), и того Господь наградит. И скажу

тебе, батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки — от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная каждые сутки посещает Дивеево!» «Помня заповедь батюшкину, я всегда это говорил и всем говорю.» У Ивана было три дочери, и все они потом поступили в Дивеево. Там же жила и дочка его Елена, с 5 лет. Но впоследствии, по прямому послушанию о. Серафиму, она вышла замуж за Н. А. Мотовилова и много помогала с ним обители. Предвидя это, батюшка велел звать ее еще с малолетства «великою госпожою». Елена Ивановна дожила до самого открытия святых мощей о. Серафима в 1903 году и рассказывала о личных своих наблюдениях современникам, и мы еще знаем собеседников ее.

Старшая же сестра Марии Прасковья одно время была настоятельницей в обители, а потом приняла по благословению Батюшки подвиг юродства. И впоследствии сподобилась чудного видения в Сарове. В ночь явилась ей Божия Матерь и преп. Серафим явно. Царица Небесная сказала: «Ты выправь дела моей обители, настой в правде, обличи!» В то время в Дивееве поднялась великая смута, и Прасковья Семеновна не боялась обличить даже самого архиерея Нектария и зачинщицу смуты Лукерью. После отъезда епископа она слегла, 9 дней ничего не ела, и пила лишь воду из источника о. Серафима и немного чаю. Причащалась, пособоровалась, и 1 июня 1861 года, в день Вознесения Господня, кончила многотрудные и долгие дни свои.

Но все же из всей этой семьи всех светлее — святая девятнадцатилетняя схимница Марфа...

После Мелюковых нужно назвать Ксению Васильевну Путкову как одну из самых близких послушниц о. Серафима. Это была молодая и красивая девица, она имела уже любимого жениха, но стала посещать батюшку, и он уговорил ее «почти насильно», как она рассказывала еще сама при жизни автору летописи, поступить в Дивеево. Она сначала не соглашалась: «Нет, батюшка, не хочу! Не могу никак!» Тогда он открыл ей о славном будущем удела Царицы Небесной, и Ксения не смогла уже противиться батюшке: отложила, будто за нездоровьем, венчание на год, стала чаще ходить в Саров, и потом поступила в Дивеево, где и пострижена была с именем Капитолины. Она проходила послушание церковницы и сподобилась многих знамений. При Елене Васильевне она служила за келейницу. Через нее батюшка много передавал о порядках монастыря.

Мало-помалу о. Серафим посылал к начальнице, Ксении Кочеуловой, новых и новых послушниц, подбирая новый состав будущей девичьей обители... И когда их набралось уже достаточно, пчелки готовы уже были к отлету в новый улей, но не доставало им теперь лишь непосредственного, близкого к Дивееву руководителя в повседневной жизни. И вот промысел Божий посылает туда священника о. Василия Садовского, имя которого тесно связано с уделом Божией Матери. Он родился в 1800 году; окончив Нижегородскую семинарию, стал священником, а в 25 лет был назначен в Дивеево к Казанской церкви. Это был человек несомненной веры и чистой жизни. С самого начала знакомства с о. Серафимом он совершенно предался в волю

его. Вот как сам он потом записывает первое свидание со старцем. Батюшка пригласил его к себе и стал говорить о том, кого бы назначить начальницей в новую общину. Батюшка сидел у своего источника грустным. «Кого бы нам?» — «Кого уж вы благословите», — ответил смиренно о. Василий. — «Нет, ты как думаешь?» — «Как вы благословите, батюшка». — «Вот то-то я и думаю: Елену-то Васильевну, батюшка, — она ведь словесная. Вот потому я и призвал тебя», — сказал старец. И тут он раз навсегда понял, что в лице молодого священника ему Божия Мать прислала покорного послушника наряду с М. В. Мантуровым. С такими сотрудниками — духовным и практическим — можно было уже приступать к созданию улья, устройению четвертого Удела Божией Матери.

Причину создания новой, параллельной общины указывает сам о. Серафим: он хотел устроить обитель специально для девушек, чтобы они всецело отдавались духовной жизни. Вдовы нередко вспоминают прошлое: какой-де хороший был у нее муж, да как любил ее, и прочее, а девы чистые всецело предаются любви к Господу. А главное: замужние женщины, привыкшие к самостоятельной жизни, не так легко отдаются послушанию, мы это видели уже на примере упорства в строгости устава Ксении Михайловны. «А вот, матушка, я тебе что скажу, — объяснял о. Серафим Марии Иларионовне, в монашестве — Мелитине, — жены и вдовы спасутся, но вот какое различие между ними и девами: когда жена или вдова молится, углубится в молитву, то не мешай ей, она все будет продолжать свою молитву, а попробуй-ка заставить ее

молиться, — сейчас по-своему и по своей воле творит — такое у них свойство. А девы-то, матушка, напротив, готовы на все стороны». Подошел батюшка к березке и стал гнуть ее: «Вот, видишь ли матушка, — так-то и девы преклоняют свои головы». Потом батюшка приподнял и встряхнул березку, продолжая говорить: «Вот так и они головки свои поднимут: которая же совершит грех, — оплакивает его, а потом и вспять; а жены готовы и способны на все! Однако, по милости Божией, матушка, все спасутся — как девы, так и жены». «В общежительной обители — легче справиться с семьей девами, чем с одной вдовою». Третья причина была в том, что батюшка намерен был поставить в новой обители и новые порядки, более посильные для послушниц и спасительные для духовной жизни; между тем, в Казанской общине уже установились свои порядки, которые изменять было трудно. И о. Серафим ясно сам указал на эту причину: «Вино новое — вливаю в мехи новые». Наконец, ему хотелось собрать под свое руководство девственников. «Как я сам, батюшка, — говорил он Мотовилову, — девственник, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были только одни девушки». Здесь указано и самое главное обоснование: воля Царицы Небесной.

К этому времени о. Серафим был обрадован неожиданным даром генеральши Постниковой, которая пожертвовала три десятины земли под обитель: «Видишь ли, матушка (Ксения Васильевна), как Сама Царица Небесная схлопотала нам землицы: вот тут мельницу-то мы и поставим». Наступило 9 декабря 1826 года. «В зачатии матери Анны и я хочу зачать обитель!» — сказал

батюшка. Он сначала решил основать «мельницу-питательницу» для сирот. Для этого еще ранее был заготовлен им материал. И в назначенный день «зачатия Анны» и состоялась закладка ее. Весною стали строить, а 7 июля, накануне Казанской Божией Матери, она уже замолола. По прямому указанию Божией Матери о. Серафим из Казанской общины отобрал семь сестер. Достоинство упомянуть имена этих первоначальниц: Прасковья Степановна Шаблыгина, впоследствии монахиня Пелагия; известная нам по чудному явлению Евдокия Ефремовна — монахиня Евпраксия; Ксения Ильинична Потехина — монахиня Клавдия; Ксения Павловна; Прасковья Ивановна — монахиня Серафима; Дарья Зиновьевна и Анна Алексеевна. А восьмою считалась начальница, Елена Васильевна Мантурова, хотя она продолжала жить в старой обители. Духовником их о. Серафим назначил о. Василия Садовского. Все сестры помещались в самой мельнице и лишь в октябре построили себе одну келью, в которую и перешли. Но к трапезе ходили целый год в прежнюю обитель.

Скоро стали набираться к ним новые сестры, по указанию батюшки: известная нам Прасковья Мелюкова, Ксения Васильевна Путкова — монахиня Капитолина, Анисья Семенова, Агафия Ивлевна и Екатерина Егоровна. Из прежней семерицы скоро скончалась Ксения Павловна; таким образом, с Еленой Мантуровой считалось 12 сестер, по числу апостолов. В тяжелых работах, непосильных девушкам, помогал им старец работник.

Отец Серафим с самого же начала определил им особый молитвенный устав. Он считал устав Саровского монастыря тяжелым для своей обители, способ-

ным навести дух уныния. А «нет хуже греха, и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния», — говорил батюшка. Поэтому он назначил легкие правила. Мы же знаем о Серафимовом правиле. Для трудящихся разрешалось читать его даже на ходу, но зато весь день за послушаниями сестры должны были стараться творить молитву Иисусову с добавлением после обеда «за молитвы Богородицы».

Между прочим, Божия Матерь прямо запретила о. Серафиму обязывать послушниц чтением долгих акафистов, чтобы этим не наложить лишней тяжести на немощных. При этом о. Серафим заповедал говеть во все четыре поста и двенадесятые праздники, — не смущаясь своим недостойнством. В отношении пищи он повелел кушать не стесняясь, даже позволял брать кусочки хлеба и под подушку, чтобы только не унывать.

Время шло. В новую общину все прибывали новые сестры. Теперь уже явилась потребность в собственном храме. Но прошло три года, пока начала осуществляться эта заветная мысль. В пост 1829 года пришло, наконец, распоряжение о вводе во владение пожертвованной Постниковой землею. Батюшка приказал передать следующее: чтобы все сестры обошли подаренную землю по линии колышков, поставленных землемером. А по пути бросали бы в снег камешки: весною камешки эти обозначат дарственный участок. Сестры все сделали беспрекословно. За это, и в знак радости, батюшка с тем же Мантуровым послал сестрам кадочку меду и велел им скушать ее после обхода земли. Весною же приказал опахать ее три раза по одной же борозде, по линии камешков. А когда земля просохла, то,

по благословению о. Серафима, по той же линии вырыли знаменитую канавку в три аршина глубиной и на вал посадили крыжовнику. Об этой канавке вот что пишет о. Василий Садовский:

«Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так что канавка эта — стопочки Божией Матери! Тут обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до небес высока! Землю эту в удел взяла Сама Госпожа Пречистая Богородица. Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит!» Рыли эту канавку сестры до самой кончины батюшкиной; к концу его жизни, по приказанию его, и зимою рыть не переставали — огонь брызгал от земли, когда топорами ее рубили. Но батюшка Серафим переставать не велел. «Раз одна из нас, — рассказывала старица Анна Алексеевна, — очередная, по имени Мария (Малышева), ночью, убираясь, вышла зачем-то из кельи и видит: батюшка Серафим в белом своем балахончике сам начал копать канаву. В испуге, а вместе и в радости, не помня себя, вбегает она в келью и всем нам это рассказывает. Все мы, кто в чем только был, в неописанной радости бросились на то место и, увидев батюшку, прямо упали ему в ноги. Но, поднявшись, не нашли уже его. Лишь лопата и мотыжка лежат перед нами на вскопанной земле... Так сам батюшка, видя небрежение наше, начал и закопал ее. Тут уж все приложили старание. И лишь только окончили, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал этого». Чудное это было явление Серафима, но Богу все возможно. История

Евангелия и Деяний знает, как Божиею силою святые могли переноситься с места на место (Ин. 6: 19—20; Деян. 8: 39—40)... Так еще один раз, но уже совершенно чудесно, посетил свою обитель дивный Божий угодник. «Это было, — добавляет старица Прасковья Ивановна, — в тот самый день, в который благословил он нам начать рыть канавку перед самым днем праздника Святой Троицы». «Тут стопочки Царицы Небесной прошли, — передавала слова батюшки близкая к нему Ксения-церковница, — стопочки Царицы Небесной, матушка! — Так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то».

Одновременно с рытьем канавки шла и постройка храма во имя Рождества Христова. Этим делом заведовал М. В. Мантуров: он продал все свое имущество и на эти деньги выстроил храм. Дальнейший план постройки в обители о. Серафим начертал собственною рукою. Он хранился в келье игуменьи. При этом он предсказывал, что его обитель разрастется в великий монастырь: «Еще не было и нет примеров, чтобы были женские лавры, а у меня, убогого Серафима, будет в Дивееве лавра».

К 1829 году был готов храм Рождества, а на Преображение — и освящен. После этого батюшка благословил под ним устроить нижнюю церковь в честь Божией Матери. Для этого пришлось углубить землю. А вследствие этого ослабел фундамент верхнего храма. Смущенный Мантуров спешил к о. Серафиму, но тот пришел от этого в восторг и велел поставить внизу под храм четыре больших каменных столба: «Во, во, радость моя! Четыре столба — четверо мощей! Радость

нам какая, батюшка! Четыре столба — ведь это значит, четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая! Радость-то какая!»

Постройка нижнего храма Рождества Богородицы закончилась летом 1830 года и в самый день ее праздника 8 сентября он был освящен. После этого о. Серафим начал заботиться о создании будущего великого собора. Для этого он приобрел, при посредстве Елены Васильевны Мантуровой, тогда еще жившей, часть земли за 300 рублей у помещика Жданова, недалеко от Казанской церкви. Купчая была после смерти Елены Васильевны передана брату Мантурову. Батюшка чрезмерно обрадовался этому новому приобретению. «Во, матушка, радость-то какая! Собор-то какой! Диво!» — восклицал он после покупки Елены Васильевны. А матушке Евпраксии говорил: «Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам царь и вся фамилия! Дивеево-то — лавра будет, Бертьяново — город, а Арзамас — губерния».

М. В. Мантуров в это время, после постройки храма, был приглашен генералом Куприяновым управлять его Симбирским имением, так как сам он отправился в поход на польскую войну. Батюшка отпустил своего служку. Но за это Божия Матерь вместо него прислала другого верного помощника. В сентябре 1831 года прибыл больной помещик Николай Александрович Мотовилов. Это был образованный человек. Он страдал расслаблением всего тела уже 3 года. Из села Бритвина Нижегородской губернии его привезли, и пятеро человек принесли к о. Серафиму. Батюшка в одно

мгновение исцелил его... К сожалению, невозможно здесь описать в подробностях это дивное чудо... И с той поры он сделался постоянным посетителем батюшки. А в один из этих приездов он сподобился, в ноябре месяце 1831 года, видеть о. Серафима в благодарственном состоянии, — о коем уже печаталось прежде. «А потом и многие тайны о будущем состоянии России открыл он мне», — записал Н. А. Мотовилов в «Достоверных сведениях о двух Дивеевских обителях».

Между тем, за эти годы скончались и схимонахиня Мария, и Елена Васильевна... Приходило время и к концу жития самого старца и отца их, Серафима. И стал помышлять он о попечителе, который бы заменил его дивеевским сиротам... Но, увы, среди монахов такого не находилось. Видно, не было на то воли Божией Матери... И батюшка, предупреждая о своем конце сирот, неоднократно говорил им: «Искал я вам матери, искал, и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери!» Старица Домна, монахиня Дорофея, рассказывала следующее: «За три недели до конца батюшки прихожу я к нему, он и говорит мне, глубоко вздыхая: «Прощай, радость моя! Скажу тебе, — придет время, многие захотят и будут называться вам «отцами». Но прошу вас: ни к кому не склоняйтесь духом — Мать вам Сама Царица Небесная, и по Ней все управят!»

Но все же он указал на главных попечителей обители. Духовное окормление батюшка завещал о. Василию Садовскому.

«Сама Матерь Божья, — записал он, — обителью правит, всему Она Сама научит, все устроит и укажет,

кого нужно, изберет и призовет; кого нет, имиже вестъ судьбами изженет из обители своей; что полезное — утвердит; бесполезное — разорит; и все-все Сама совершит, как Ее токмо единой воле здесь то угодно. Вот на что я, батюшка, отцом им называюсь, гляди! Исповедую тебе и Богом свидетельствуюсь, что ни одного камешка по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли Царицы Небесной. А коли я, убогий, которому Сама Матерь Божья поручила их, не соизволил своего и своему, выполняя лишь только святейшие приказания Ее, кольми паче другим надлежит то, батюшка! Вот ты им духовный отец. Царица Небесная Сама тебя избрала. Тебе жить с ними, то и должен ты все знать. Вот я тебе и сказываю...» А перед этим о. Серафим дал ему много наставлений о порядках в обители его. И после всего, сняв при этом с своих ручек надежные поручи, сам угодник Божий надел их на меня и сказал: «Вот, батюшка, теперь все я сказал тебе, и вот надеваю тебе свои поручи: возьми и блюди их! Блюди же обитель мою, тебе поручаю и молю: послужи ей всю жизнь твою, ради меня, убогого Серафима, и чем можешь не оставь!»

Второе лицо, коему доверил заботы о Дивееве, был известный нам сотаинник о. Серафима, свидетель его славного преображения, Николай Александрович Мотовилов. Если о. Василий был духовным руководителем обители, то Н. А. Мотовилову была поручена другая задача — материальная и юридическая помощь ей. Произошло это поручительство при такой обстановке.

Пригласив в сентябре 1832 года двух сестер — Евдокию, бывшую свидетельницею славного явления Божией Матери, и сестру Ирину, бывшую после начальницею в Дивееве, о. Серафим вложил в руки Мотовилова правые руки сестер и, придерживая их своими руками, заповедал, чтобы Николай Александрович помогал им, потому что Божией Матери угодно, дабы он был назначен «питателем» обители или попечителем ее. А сестрам старец заповедал, чтобы они обо всем рассказывали Мотовилову и ничего от него не скрывали. Впоследствии, именно по хлопотам Мотовилова, было рассмотрено дело Толстошеева. И вообще, он был опекуном обители до самой смерти своей.

А третьим лицом был преданный служба о. Серафима — «Мишенька», Михаил Васильевич Мантуров. Он был по преимуществу практическим исполнителем заветов батюшки по постройке монастыря.

Вот этим трем людям и поручил свое детище о. Серафим. Все они, как видим, были мирскими семейными людьми, но искренне религиозными, а еще важнее в данном случае — преданными и совершенно послушными святому отцу обители. «Кроме М. В. Мантурова, Н. А. Мотовилова и священника о. Василия Садовского, — никого не слушать и самим править, никому не доверяя, никого не допуская постороннего вмешиваться в дела обители. Кроме меня не будет вам отца».

Но самую главную Попечительницею была Матерь Божия. «Вручаю вас Самой Божией Матери: Она Сама вам Игумения». И, предсказывая в последующем скорби для монастыря своего, батюшка говорил о. Василию: «Убогий Серафим умолит за обитель, батюшка.

А Царица Небесная Сама ей Игуменья. Тут же только наместницы по Царице Небесной, все и управят, батюшка...»

Предсказал он своим сиротам, что у них и суды будут в обители. «Придут суды к нам, станут судить. А чего судить!.. Ха, ха, ха. Нет ничего». «И опять повторил это батюшка, — рассказывает Акулина Ивановна, — а подожмет ручки и заливается». Но предсказывал и великую славу Дивеевской обители, этого четвертого удела Божией Матери. Говорил и о создании великого собора, и о богатстве монастыря, и о том, что его посетят царские особы, и о преобразовании его в лавру. А главное, предсказал о мощах. «Дивное Дивеево будет, матушка, — говорил он сестре Дарье, — одна обитель будет лавра, а другая — киновия. И есть там у меня церковь, матушка, а в церкви той четыре столба, и у каждого-то столба будут мощи. Четыре столба и четверо мощей! Во радость-то какая нам, матушка».

Но предсказал и страшные беды: «Вы до антихриста не доживете, а времена антихристовы переживете», — не раз предупреждал он сестер. Предсказывал даже совершенно необыкновенное про эти времена Божий прозорливец старице Евдокии. «И скажу тебе: всем хорош будет мой собор. Но все-таки еще не тот это дивный собор, что к концу-то века будет у вас. Тот, матушка, на диво будет собор. Подойдет антихрист-то, а он весь на воздух и поднимется, и не сможет он взять его. Достойные, которые взойдут в него, останутся в нем, а другие хотя и взойдут, но будут падать на землю. Так и не сможет взять вас антихрист. Все равно как в Киеве приходили разбойники, а церковь-то

поднялась на воздух», — как повествуется в сказании о Киево-Печерской Лавре.

Когда же его однажды некто хотел спросить о конце мира и времени пришествия антихриста, то на это преподобный смиренно прозрел его и ответил так: «Радость моя! ты много думаешь об убогом Серафиме: мне ли знать, когда будет конец миру сему и тот великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делом его? — Нет, сего мне знать невозможно!»

Послушник в страхе припал к ногам прозорливого старца, а св. Серафим, подняв его, продолжал: «Господь сказал Своими пречистыми устами: «О дни том и часе никто же весть: ни Ангелы небесные, токмо Отец Мой един. Яко же бо бысть во дни Ноевы, тако будет пришествие Сына Человеческого. Яко же бо беху во дни прежде потопа, ядущу и пьюще, женящиеся и посягающе, донего же дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого*». Больше старец не сказал ничего.

Действительно, скоро же после кончины о. Серафима начались напасти, в связи с неким послушником Иоанном Толстошеевым, который возомнил себя заместителем батюшки и стал вторгаться в жизнь Дивеева. Из этого потом произошла великая смута, которая не только втянула в себя сестер, но и архиереев, а потом и Синод, и даже — царский дом... Не будем, однако, останавливаться на этом несчастном периоде. Кончился он мудрым вмешательством митрополита Московского

* См. Мф. 24: 37-39.

Филарета, который, как и его духовник, архимандрит Антоний, наместник Троицкой Лавры, чтит о. Серафима и созданную им обитель.

К концу жития о. Серафима в его Девичьей киновии было уже 73 сестры. Во главе их стояла Прасковья Степановна Шаблыгина, а в Казанской общине продолжала управлять всем Ксения Михайловна Кочелова. Сестры Девичьей обители прилепились душою к о. Садовскому. Он, собственно, и был духовным главой их. В 1842 году обе обители были соединены. Завет о. Серафима был забыт. От этого произошло потом много скорбей.

В 1848 году, 5 июня, после большой борьбы между защитниками воли батюшки и Иоанном Толстошеевым с почитателями его, совершилась все же закладка собора, предреченного о. Серафимом, и именно на указанном им месте. Это был первый радостный день Серафимовым сиротам за все 15 лет после кончины его. А в 1851 году была назначена Екатерина Васильевна Лодыженская, девица из дворян Пензенской губернии. Около же этого времени, 27 декабря 1844 года, в Дивеевский монастырь поступила молодая 25-летняя помещица Тульской губернии Елизавета Алексеевна Ушакова. Прежде это была веселая женщина, но потом, после чтения творений св. Тихона Задонского, изменилась и решила оставить мир. Она явится тем благословенным лицом, которое утихомирит обитель — согласно предсказанию батюшки...

При поступлении в должность настоятельницы матушки Екатерины, в обители было уже 390 сестер. При ней на место казначеи и была назначена Ушакова.

В 1859 году настоятельница Лодыженская, измученная внутренними неурядицами, решила покинуть Дивеево и уехать обратно в Пензу. Елизавета Алексеевна Ушакова оказалась преемницею ее. При ней разразился самый грозный момент бури в Дивееве, дошедшей даже до того, что епископа Нектария Нижегородского, несправедливо ставшего на сторону смутьяниц Иоанновых (теперь уже он назывался Иоасафом), даже ударили по лицу. Тут проявила себя и сестра схимонахини Марфы, Прасковья: била стекла, кричала против архиерея, обличала заводчицу бунта, Лукерью Замятину. Но еп. Нектарий продолжал делать по-своему. Ушакова была отстранена от начальствования — на ее место, по жребию, была поставлена архиереем Лукерья. После этого еп. Нектарий от службы шел мимо другой юродивой, Пелагеи Ивановны Серебряковой. Вынув из кармана просфору, он подал ей. «Она молча отвернулась, — рассказывает Анна Герасимовна, ухаживавшая за ней. — Ему бы и уйти: видит — неладно, прямое дело. Кто им, блаженным, закон писал? На то они и блаженные. А он, знаешь, с другой стороны зашел, и опять подает. Как она встанет, выпрямится, да так грозно. И ударила по щеке, со словами: «Куда ты лезешь!» — Видно, правильно обличила, потому что владыка не только не прогневался, а смиренно подставил другую щеку, и сказал: «Что же? По-евангельски бей и по другой». «Будет с тебя и одной!» — ответила юродивая. Архиерей уехал. Через 9 дней скончалась Прасковья Семеновна. Узнав об этом, еп. Нектарий пришел в страх и три часа был в ужасном расстройстве. А когда пришел в себя, сказал: «Великая раба Божия она!» — Но воля архиерея — не воля еще Божия!

Попечитель монастыря, Н. А. Мотовилов, не успокоился: исполняя завет батюшки, он отправился в Москву к Митрополиту Филарету — коему все и изложил в Сергиевой Лавре через наместника архимандрита Антония, коему давно-давно о. Серафим предсказал: «Придет время, не оставь моих сирот дивеевских».

А Митрополит Филарет доложил Государю Александру II, бывшему тогда в Лавре. Назначена была строгая ревизия. В результате ее Иоасаф Толстошеев был совершенно отстранен от участия в обители, возвращена была начальницею Елизавета Алексеевна Ушакова, противницы были удалены. Они после образовали свой монастырь, в Понетаевке. А Дивеево было изъято из ведения Нижегородского архиерея и передано в управление Тамбовского епископа, каковым тогда был великий подвижник, епископ Феофан, впоследствии — Затворник Вышенский. Начальница Ушакова была пострижена в монашество с именем Мария... Можно представить радость сестер: рыдания их и слезы благодарности Богу и батюшке-молитвеннику за устройство обители были так горячи, как разве при смерти о. Серафима. Сбылись и слова его, сказанные сестре Матрене Петровой: «Запомни, матушка, — у вас на 12-й начальнице устроится монастырь!» Это и была игумения Мария.

Жизнь Дивеева стала расцветать.

Собор, столь давно уже начатый, теперь, при игуменье Марии, быстро стал строиться: и в 10 лет, с 1865 по 1875 год, был закончен. Сестры хотели посвятить его иконе Умиления Божией Матери, но преосвященному Иеремии, человеку духовной жизни (последние 25 лет он жил на покое в монастыре), угодно было, по

откровению Божию, посвятить его Пресвятой Троице. Целую зиму 1874 года холодный собор стоял заколоченным... А летом 1875 года епископ Нижегородский Иоанникий неожиданно распорядился освятить его, хотя в нем было всего лишь еще три иконы. День освящения совпал с праздником Умиления Божией Матери, 28 июля. И тут свершилось знамение: во время освящения высоко в небе над храмом все время кружились три голубя, а выше их три журавля, как бы в знамение Пресвятой Троицы. После освящения они улетели на восток. Впоследствии, в 1880 году, был освящен правый придел храма в честь Умиления Божией Матери, а левый был оставлен до открытия мощей преподобного Серафима. В храме потом сами сестры монастыря расписали иконостас и стены. Их к 90-м годам собралось уже до 900 душ. Сам монастырь занимал пространство в 400 сажен длины и 150 ширины. Еп. Иоанникий, обозревая его впервые, сказал: «Это — область, а не монастырь». Длина собора 21 сажен, ширина 14, а высота 25. Кроме этого величественного здания, в Дивееве было более 30 корпусов для сестер и потребностей обители: трапезный, свечной, портновский, богадельня, больница, училище, живописный, стекольный, погребной, огородный, садовый, малярный, и пр. За оградой — две гостиницы, конный двор, пять домов для священников. В ограде монастыря — пруд и т. д. Действительно — целая лавра женская...

Итак, все обратилось во славу Божией Матери и преп. Серафима. Как же, однако, понять, что будто не исполнено указание преподобного о двух соседних обителях, когда они слились, и так прекрасно, в одно целое?

В ответ на это, во-первых, укажем, что среди предсказаний о. Серафима есть прямые указания на соединения, но в будущем, что и случилось в свое время: «на 12-й начальнице устроится обитель». Но, во-вторых, в начале необходимо было раздельное существование общин: о. Серафиму нужно было сделать перелом духовный, чтобы все потом было «батюшкино». Это и удалось, после долгих скорбей и борьбы. Слава Богу!

Теперь нам осталось сказать несколько слов о конце других сподвижников батюшки.

«Мишенька» Мантуров после управления в симбирском имении генерала Куприянова был им удален. Нищенствовал с своею женою, Анной Михайловною, в Москве. Потом направился в Дивеево. Отец Василий Садовский дал им сбереженные на черный день собственные 75 рублей, якобы взаимобразно. На них Мантуровы купили маленький домик на Серафимовой земле и жили в крайней бедности, питаясь от трудов рук своих. Незадолго до смерти он видел во сне о. Серафима, и тот сказал ему: «Потерпим еще, батюшка, потерпим немного». Через несколько дней после этого, в том же 1858 году, он заказал обедню накануне Казанской Божией Матери, приобщился, вышел в сад, сел на скамеечку и предал тут свою душу Богу. Ему было тогда 60 лет от роду. Погребен он был с левой стороны созданной им церкви Рождества Христова и Богородицы, а его жена, принявши православие, доживала свой век в Дивееве тайною монахинею.

Н. А. Мотовилов в 1840 году женился на Елене Ивановне Мелюковой и переселился с ней в Симбирское свое имение. 20 лет спустя они приезжали в Мо-

скую, для определения дочери в институт, и заехали в Саров. Здесь Н. А. Мотовилов и был свидетелем грозных событий смуты. После он мирно скончался в своем имении. А Елена Ивановна направилась в Дивеево.

Отец протоиерей Василий Садовский скончался 14 июня 1884 года глубоким старцем, жена же его, согласно предсказанию батюшки, умерла на два года раньше его.

«И вот что заповедую тебе, — говорил ему перед кончиною своею о. Серафим, — как умирать-то будешь, то чтобы тебе лечь с правой стороны алтаря Рождественской Церкви, а Мишенька-то ляжет с левой. Так и вели себя похоронить тут. Вот хорошо и будет, батюшка: ты-то с правой, а Мишенька с левой, а я у вас — посередке. Вместе все и будем!» Что означало это пророчество — покажет будущее, но только отсюда можно ждать, что и батюшка когда-то будет почивать со своими сотрудниками и сиротами любимыми в Дивееве*.

Благодатная сестра Евдокия — монахиня Евпраксия, сподобившаяся с о. Серафимом явления Божией Матери, скончалась 28 марта 1865 года.

Еще нужно бы особо говорить о юродивых: Пелагее Ивановне и Паше Саровской, жившей в Дивееве, но время уже приступить к описанию конца самого батюшки... Его детище было им не только «зачато», но рождено и поставлено на ноги. И ему на земле ничего уже не оставалось делать...

Как зрелый плод, он готов был отойти в иную жизнь, чтобы оттуда предстательствовать за призывающих его.

* В 1991 году святые мощи преподобного Серафима были чудесно обретены в С.-Петербурге и торжественно перенесены в возрожденную Дивеевскую обитель. — *Изд.*

Глава XVI

КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА

Чудесна жизнь преподобного Серафима, необычайна была и святая кончина его.

В житиях многих прославленных подвижников мы читаем нередко, что они и пред самую смертью своею не уверены были в последнем суде Божиим о своей участи за гробом. Так, например, св. Агафон плачет о себе. И когда удивленные этим братия спрашивают его, как он может плакать после стольких подвигов, то смиренный раб Божий со слезами отвечает им, что по силе своей он старался подвизаться о спасении души, но, добавил он: «Ин суд человеческий и ин суд Божий». А другой святой, Великий Пимен, выразился еще страшнее. Когда его спросили, чего он ожидает в будущем веке, он, не задумываясь, сказал: «Мне место — там, где сатана!» Странно и даже ужасно слышать такие слова в устах святого. А между тем, другим он же говорил, что для покаяния и помилования не нужно ни многих лет, ни даже месяцев, а достаточно нескольких дней раскаяния с обещанием Господу оставить грехи. Другие же святые выражались условно перед смертью:

«Если обрящу милость у Бога, то буду ходатайствовать о вас перед Ним». И вообще, православный человек, не в пример самомнительным сектантам, заживо еще считающим себя «святыми» и уверенным в том, что они будут, конечно, в раю, православный никогда не скажет ничего подобного. Самое большее, если он выразится, что надеется на милость Искупителя, но считает себя грешником, недостойным быть со святыми.

Совсем иное видим мы в угоднике Божиим Серафиме. Припомним, как он сказал еще блаженной Елене Васильевне Мантуровой, давая ей послушание умереть вместо брата, Михаила. Тогда она смутилась и произнесла: «Батюшка, я боюсь смерти!» Отец Серафим с совершенной простотой и несомненностью стал успокаивать ее: «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя, для нас с тобой будет лишь вечная жизнь». И в другой раз, это уже за 5 месяцев до смерти, в беседе с монахиней Симбирского монастыря Платонидою, им исцеленною, сказал ей, показывая рукою на небо: «Там увидимся: там лучше, лучше, лучше». А еще более сильно и определенно он говорил, как всем известно, своим любимым дивеевским сестрам, обещая им свою небесную помощь и по смерти: «Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик как к живому, и все расскажите. И услышу вас... Как с живым со мной говорите. И всегда я для вас жив буду!» Невольно вспоминаются слова Самого Господа перед Вознесением ученикам: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века». Апостол Петр говорит о себе христианам: *Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия стремились делать*

твердым ваше звание и избрание (2 Пет. 1: 15,10). И вот таким же христоподобным и апостольским духом жил еще на земле преподобный Серафим, как уже на небе.

Впрочем, что же удивляться этому, если уже Сама Божия Матерь и в начале, и в конце монашеского подвига преподобного ясно указала, что он человек не от мира сего. Когда он, еще будучи послушником Прохором, заболел, Она явилась ему с апостолами Петром и Иоанном и, указывая на него перстом, сказала им: «Сей от рода нашего». А незадолго до кончины его, в знаменитый день явления ему в Праздник Благовещения, Она назвала его «Своим любимцем». Об этом преп. Серафим сообщает так: «Небесная Царица, батюшка (разумеется прот. о. В. Садовский), Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, — и во, какая радость-то нам, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благодатью покрыла убогого Серафима. «Любимиче Мой! — рекла Препоблагословенная Владычица, Пречистая дева. — Проси от Меня, чего хочешь». Слышишь ли, батюшка, какую нам милость-то явила Царица Небесная!» А присутствовавшая при этом явлении старица Евдокия, впоследствии монахиня Евпраксия, добавляет: «Батюшка стоял уже не на коленях, а на ногах перед Пресвятою Богородицею, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком... Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами!» И благословила его. Простились с ним и все святые: девы целовались с ним рука в руку». Припомним здесь и еще нечто большее, о чем можно благоговейно

мыслить. Когда явился ему, во время служения литургии иеродиаконом, Сам Господь Иисус Христос, то преподобный «удостоился особенного от Него благословения». Каково это благословение, он так и не открыл никому, но да будет благословенно допустить, что Спаситель изрек нечто такое, что удоставляло его в особенной и милости и любви Божией, а может быть, и нечто еще более определенное о небесных благах, отчего «сердце мое возрадовалось чисто, просвященно, в сладости любви ко Господу!» — говорил батюшка.

При таком духовном состоянии смерть для преподобного старца не только не являлась страшною, но желанною, подобно как и ап. Павлу, который в римской тюрьме желал себе смерти: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (Фил. 1:3)... И о. Серафим говорил: «Там лучше, лучше, лучше».

Христианство в нем проявилось в полноте: спасенным и облагодатствованным он готов был отойти к Своему Спасителю. Жизнь эта дана для духовного рождения: и о. Серафим, умирая телом, рожден был для жизни новой. Так именно он сам о себе сказал одному собеседнику: «Жизнь моя сокращается. Духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв». А однажды, нимало не смущаясь, наоборот, со властью заповедавая, он повелел той же сестре Евдокии повествовать о нем, не убоясь при этом сравнить себя со святыми. «Раз я была у батюшки в келье. Он беседовал со мной шесть часов кряду. Много говорил утешительного и к концу беседы сказал: «Радость моя, я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не остав-

лю... Не убойся: говори мое, когда будут спрашивать, не умолчи моей благодати. И как у угодников Божиих — Антония, Феодосия и Сергия Чудотворца были помощники, списали их житие, так и ты: что слышишь от меня — запиши».

И такое упование — вера в будущее блаженство, в наследие святых обителей — делало преподобного особенно радостным еще при жизни. Он на земле уже жил, как бы на небе. Непостижима нам, грешным, в полноте жизнь святых! Но все же можно сделать усилие — понять такое светлое состояние их.

Благодать Святого Духа, эта сущность Христова дела, даруется человеку в крещении, делая его способным к святой жизни. И если «просвещенный», или крещеный, сохраняет сию благодать, знаменуемую и белою одеждою крещеного, неоскверненною, незапятнанною, и к тому же еще и возгревает ее подвигами благочестия, то он должен быть святым, он становится святым, он уже есть святой. Таковы были, в особенности, первые христиане, которые в посланиях апостольских так и называются — святыми: *Приветствуйте всякого святого во Христе Иисусе. Приветствуют вас все святые, а наипаче из дома кесарева*, — пишет из тюрьмы римской Филиппийцам апостол Павел (Фил. 4:21; 2 Кор. 13:12 и др.).

Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный, — сказал и сам Господь (Мф. 5:48). И это есть задача для всякого христианина еще на земле. И, следовательно, это не только должно, но и возможно. Правда, в действительности мало таких, которые хранят сию крещенскую одежду в благодатной чистоте,

но это совершенно возможно. И преподобный Серафим именно был одним из этих сохранивших благодать Святого Духа. И это есть очевидное и поразительное свидетельство истинности христианства: человек-христианин может, истинно может сохранить себя в святости. Преподобный угодник Божий однажды подтвердил это с особенной силой.

Однажды он, будучи уже глубоким старцем, беседовал в пустыньке с молодою 16-летней девицею. В это время подходил почитатель батюшки, не раз уже поминавшийся крестьянин, после живописец, Ефим Васильев. И вдруг ему пришли лукавые помыслы: «О чем это батюшка беседует с нею? какие еще наставления идут к ее возрасту?» Прозрел святой Серафим эти нечистые мысли его и подозвал к себе. Потом взял его руку и вложил в свой, лишенный уже зубов, рот, пальцы его и, сказал: «Я — ко всему мертв: а ты что думаешь?» И потом дополнил: «Притом ведай, что в сей жизни возможно. Благодатью Божиею достигнута чистота!»

Правда, для этого требуется великий подвиг, непрестанное хранение себя в самых глубинах сердца, молитва, посты, бдения, но мы знаем, что все это прошел святой Серафим в необычайной степени, о которой нам известна лишь небольшая часть. И теперь, к концу жития своего, он мог бы сказать, что не только «веру», но и благодать «сохранил» и «возгрел» (2 Тим. 1:6). И воистину, созрел для будущей блаженной жизни, как спелый плод.

Однако время перейти уже и к описанию последних дней жития его. Как ни велики были духовные силы преподобного, но телесная, смертная природа

должна была отдать свою дань тлению по заповеди Божией падшему человеку: «Земля еси и в землю отыдеши...» До времени, впрочем, воскресения. И в последний год святой старец стал заметно слабеть физически. «Я силами ослабеваю, — говорил он сестре Параскеве, — живите теперь одни; оставляю вас». «Жизнь моя сокращается», — говорил он саровским братьям. Особенно это чувствовали сироты его. Елена Васильевна Мантурова перед своею смертью часто советовала сестрам: «Наш батюшка ослабевает. Скоро, скоро останемся без него. Навещайте сколь возможно чаще батюшку: недолго уже быть нам с ним. Я уже не могу жить и не спасусь. Как ему угодно, не переживу я его — пусть меня раньше отправят». Так и сбылось скоро: она скончалась 28 марта 1832 года, а через 6 месяцев последовала кончина и ее старца — отца. И оба «вознеслись ко Святой Троице».

Вследствие расслабления преподобный все реже стал выходить из монастыря в пустыньку; меньше принимал людей, чаще затворялся. А это давало ему возможность усерднее готовиться к переходу в иную жизнь: его часто стали видеть в сенях кельи — здесь святой старец подолгу просиживал на уготованном им дубовом гробе, в глубоком молчании размышляя о конце своем и будущей загробной жизни. Эти размышления нередко заканчивались слезами. Но о чем проливал слезы свой угодник Божий, это осталось неизвестным. Может быть, в эти минуты и он оплакивал какие-либо свои несовершенства? Ведь один Господь без греха. Припомним, что не случайно поставил себя Преподобный на камень на тысячу дней и ночей, взывая: «Боже,

милостив буде мне грешному». И один лишь помысел греховный святые люди считают для себя столь же тяжким грехом, как и дела (Мф. 5: 21,22,28). А кроме того, должно сказать, что нам, обыкновенным и грешным людям, непостижимы чувства святых на высотах их духа. Так, например, в житии св. Симеона Нового Богослова, одного из великих столпов подвижничества и святости, рассказывается, что сподобившиеся освящения Духа иногда чувствуют себя сынами Божиими, а в другое время считают себя ниже даже животных; иногда восхищаются в восторге, а иногда оплакивают себя как последних из людей. И в молитве его к Причащению, которая читается доселе («От скверных устен» и пр.), мы встречаем поразительные сочетания чувств: с одной стороны, он просит «Боготворящих благодатей» Причащения, исповедует, что Господь «тепле кающихся» делает «общниками Божества»; сам он, окрыляемый милосердием Божиим, «крайним человеколюбием» к кающимся, «дерзает» и «радуясь, о гневе причащается». Но, с другой стороны, в той же самой молитве он исповедует себя таким грешником, каких можно видеть только среди нас, убогих: у него и «скверные уста», и «мерзкое сердце», и «нечистый язык», и «душа оскверненная»; в нем «зол множество» и «струпы» и «язвы» от прошлого. А Господь знает «и еще не содеянная». И кратко и сильно говоря, он человек — «треокаянный». Не просто даже окаянный, а «тре-окаянный»... Я знал одного ученого богослова — протоиерея, который публично сознался, что он никак не может понять такого сочетания переживаний: от тре-окаянности — до искания «обоготворения»... И действи-

тельно, это трудно понять нам: в духовной жизни все сверхъестественно; и неразумно нам не только мерять состояние святых нашими короткими и испорченными мерами или «объяснять» его нашим ничтожным, нечистым, смешанным опытом, но даже неблагоприятно стараться понять их чувства. Тот же св. Симеон Новый Богослов говорит, что святых могут понять только святые, а все другие могут лишь приближаться немного к пониманию их, да и то — с опасением... Потому мы за лучшее считаем продолжать свой рассказ далее, не углубляясь более в недоступные области.

Слабел св. Серафим телесно, отдавая дань естеству. Но это не влияло на светлый дух его. Поэтому он не только сохранял всю свежесть естественных способностей, но именно в последние два года своей жизни удостоился и самого великого явления Божией Матери, и открыл Мотовилову чудное и преславное благодатное свое состояние, просветившись несозданным светом во время беседы с ним зимою 1831 года. Но это нельзя назвать «последними» днями. Поэтому расскажем несколько о событиях, именно предпоследних в его жизни.

Обычно жизнеописатели останавливаются прежде всего на факте посещения преподобного Серафима епархиальным архиереем Тамбовским. И действительно, достойно умиления поведение святого старца в этом случае. В августе 1832 года приехал в Саровскую обитель епископ Арсений — впоследствии митрополит Киевский (сконч. в 1876 г.). Святой старец был в это время в пустыньке. Но, узнав, что прибыл новый архипастырь, почел долгом прийти в монастырь, чтобы встретить святителя вместе со всеми. А после встречи

снова воротиться в пустыньку. Осмотрев монастырь, архиерей пожелал посетить старца и в его пустыньке. Отец Серафим в это время занимался обкладыванием берега камнями. Так до последних дней трудился подвижник... Как только он увидел приближавшегося архиерея, тотчас же оставил работу и бросился в ноги к нему, прося благословения. Какое смирение святого!.. Архиерей попросил показать ему жилище, «пустыньку среди пустыни». — «Хорошо, батюшка», — смиренно и послушно ответил старец, называя владыку таким простым и душевным именем — «батюшка». Осмотрев простое убранство кельи, еп. Арсений попросил показать ему сокровенное уединение святого молитвенника: оно было за печью, и архиерею уже сообщили о том раньше. К ней и направился владыка.

— Не ходи, батюшка, — кратко останавливал его о. Серафим, — замараешься.

Но преосвященный уже отворил дверь туда и увидел между стеною и печью угол, такой тесный, что туда мог поместиться только один человек, и тот должен был там или стоять прямо, или же опуститься на колени; а ни присесть, ни облокотиться нельзя было. На стене в углу стоял образ с зажженной перед ним лампадкой. Перекрестившись, владыка вышел из пустыньки и направился в Дорофееву пустынь. На обратном пути он снова зашел к преподобному, который в это время беседовал с оставшейся свитой владыки и пророчески предсказал о будущей деятельности будущего митрополита. Когда владыка приблизился, о. Серафим подошел к нему, взял за руку и благоговейно обратился к нему с вопросом:

— Вот, батюшка, — так ласково и любовно продолжал он называть архиерея, — богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в благословение — я даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного вина церковного: можно ли мне это делать?

Жизнеописатели не объясняют почему именно об этом спросил старец. А мне приходит на мысль, что, вероятно, архиерею наговорили на него, что он чуть не «причащает» в пустыньке, наверное, маловерные в о. Серафима смущались этим и смутили архиерея. А старец, провидев это, — сам-то он не смущался столько лет, — и решил успокоить своего владыку будто бы недоуменным вопросом.

— Можно, можно, — сразу ответил епископ, как будто уже подготовил заранее решение, — но только в раздельном виде. А то простолюдины, как слышал я, думают по простоте своей, и между другими разглашают, будто ты причащаешь их Святых Тайн. А и того лучше, — прибавил он, — вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

Любовен был старец, деликатен оказался и владыка. Впрочем, и святительскую власть проявил любезно и кротко. Что же святой? — «Хорошо, батюшка: я так и буду поступать».

Недаром он всегда учил: «Помни всегда, что послушание превыше всего, превыше поста и молитвы». «Батюшка наш Серафим, кормилец наш, — повествовала уже 80-летняя старица Анна Алексеевна, — так заповедал нам всем: «Радость моя! Первая молитва у вас должна быть за начальников; и как вступишь в монастырь,

должна отречься от своей воли и всю себя вручить начальникам и творить их волю, как волю Божию». Так и сам он поступал. Известно, что после этого он так и поступал до конца жизни, как сказал ему, святому богovidцу, обыкновенный архиерей начальник.

После этого владыка стал прощаться с ним. Получив благословение от святителя, угодник Божий снова поклонился ему в ноги и так остался. Напрасно владыка просил его встать и даже поднимал его с земли, он так и продолжал стоять на коленях. И когда владыка удалялся, он все ему кланялся и кланялся до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Что это? Непослушание? Нет — это крайнее и непритворное смирение, и любовь, и почитание с благоговением. Так только истинно святые могут делать... Можно теперь легко понять, в каком настроении уезжал владыка от о. Серафима: все наговоры, если они и были, рассеялись, как временная роса от солнышка... И после, до самой смерти митрополит Арсений чтит угодника. В Саровской обители хранилось письмо его, написанное им спустя 23 года после этой встречи:

«Надлежало бы в жизнеописании о. Серафима упомянуть о первом его свидании со мною, — оно полно высокого значения и, бесспорно, открывает в нем дар прозорливости. Его слова и действия, его потом подарки мне: деревянное масло, красное вино, несколько свечей, кусок полотна и шерстяные чулки, и наконец, многократное коленопреклоненное прощание его со мною, которого я многими убеждениями не мог прекратить в нем и от которого я должен был поспешно уехать, дабы не трудить более старца, продолжавшего

стоять на коленях и кланяться, — были, как после оказалось, выразительными символами, изображавшими его и мою судьбу, — он вскоре затем помер, а я, при помощи Божией, продолжаю еще полагать камни на камни для ограждения церковного берега от напора волн мирских».

Но не прекраснее ли, не удивительнее ли, не умильнее ли всех этих предсказаний были смирение, любовь, благоговение святого старца? А они так были прекрасны, что нельзя их лучше показать, как просто о них рассказать...

Казалось бы, что угоднику Божию, еще при жизни земной уже жившему небесным миром, нечего иметь дела к миру земному. Но диавол, многократно испытывавший на себе благодатную силу о. Серафима, разрывавшего вражьи козни как паутину, сделал последнюю попытку причинить святому старцу огорчение на конце дней его. Для этого он употребил в орудие одну беглую крепостную девушку. Чтобы скрыть себя, она остригла волосы в кружок, надела послушнический подрясник и в таком виде бродяжничала по миру. Однако власти нашли ее и раскрыли обман. Тогда, чтобы укрыться авторитетом святого Серафима, на допросе она показала, что сделала это по благословию саровского старца. Светское начальство предписало игумену Нифонту сделать по этому делу розыск над святым угодником. И его спрашивали, выясняли как виноватого. Вскрывалось легко, что беглянка оболгала его. Но все же это причинило о. Серафиму некоторое огорчение. В данном искушении он узрел козни врага. Так нередко бывает в жизни, что диавол перед концом доброго дела

всячески старается или испортить его, или по крайней мере причинить огорчение, если оно уже устроилось. Так и Господь говорит: *претерпевший же до конца*, — а не в начале лишь и не перед концом даже, — *спасется* (Мф. 10:22). Поэтому всегда рекомендуется быть особенно осторожным и внимательным именно перед концом дела. «Конец — делу венец», — говорит и пословица. Поэтому, между прочим, существует и добрый мудрый обычай: после суеты сборов в путь — сначала присесть «на минутку», успокоиться, а потом уже помолиться, испросить благословения у родителей или старших и отправляться «с Богом». Иначе нужно ждать какого-либо вреда со стороны врага, ненавидящего все благое, устроенное, благополучное... И в конце ему легче бывает испортить сделанное, чем в начале; ибо в первые шаги человек еще достаточно имеет внимания к себе, а потом оно ослабевает мало-помалу, особенно к концу. И тут-то именно и пользуется враг, чтобы расстроить, навредить, уничтожить...

Даже Сам Господь только в конце Своего спасительного о людях подвига сказал такие слова: *идет князь мира сего*, то есть диавол, *и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14:30). Подобным образом бывает и с хриstopодобными людьми, в коих постепенно «изображается Христос», по слову ап. Павла (Гал. 4:19). Так было и с преп. Серафимом: враг хотел запятнать его в конце жизни, но был посрамлен: и в нем, угоднике Божиим, не нашел «ничего»... Но почему же опечалился все же батюшка? Можно думать, что огорчило его отношение к делу не только со стороны оклеветавшей его беглянки, но и со стороны своего монастырского начальства

и братии, которые в какой-то степени могли допустить возможность подобного поведения святого старца: все же они, хотя и по приказанию светского начальства, вели расследование.

Впрочем, это не наше лишь предположение, сам о. Серафим узрел в таком искушении нападение врага и указание на приближающийся конец; и потому стал еще более уединяться от людей, и такое огорчение было не единичным в последнем году; были и другие безвинные оскорбления: подозрения по поводу забот о дивеевских сестрах, раздача хлеба и вина... И должно сказать, на что имеются исторические основания в предании, а также в показаниях дивеевских сирот, что в подобных огорчениях принимали ближайшее участие свои же некоторые саровские иноки: не все ведь, как известно, почитали угодника Божия. А от своих принимать огорчения болезненнее, чем от чужих. И однажды о. Серафим сказал по этому поводу такие слова: «Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни». Припомним, однако, один случай, еще не вписанный в житие святого, в котором проявилось участие его к крепостной страдалнице. Недавно, в начале сего столетия, написана была маленькая книжка московским священником Н. Н. под заглавием: «Старица Феодосия». Со слов ее самой, автор, духовник ее, написал страстной путь этой неизвестной еще подвижницы. Здесь рассказывается горькая история одной крепостной девушки, которая отказалась служить похотям своего господина. Ее жестоко били, и раз и два. Потом она скрылась в лесу, где Бог послал ей беглых собак, которые и

кормили ее, принося краденую ими пищу. Но в конце концов ее нашли, воротили и снова беспощадно, почти до смерти, высекли. Как мертвую, ее бросили сначала в яму; но когда оказалось, что страдальца еще жива, то ее заключили в маленький грязный хлев. И вот здесь, ночью, за окном ей явился какой-то старец и сказал: «Беги в Москву, а оттуда в Саров». После этого она почувствовала себя исцеленной и тайно ушла из заключения. Дело происходило в Смоленской губернии. В Москве она узнала путь в Саров и благополучно, не преследуемая никем, достигла Сарова. Каково же было ее изумление и радость, когда она в о. Серафиме увидела того самого старца, который приказал ей бежать и исцелил! Прозорливый радостно принял ее и сказал ей следующие слова: «Ну, теперь твой кровавый крест кончился, начинается другой». И благословил ее на скитальчество. После того она прожила много лет, трижды побывала в Иерусалиме...

И еще в 1906 году была в Москве у своего духовника, который и написал ее житие. Последние дни ее остались пока неизвестны: книга оставляет ее еще живою, глубокою старицей — более ста лет.

Между тем прошло последнее лето земной жизни святого старца. Наступила осень и холодная зима. Замирала природа... Меньше приходило в монастырь богомольцев. Кончилась и жизнь угодника. И лишь наиболее близкие не прекращают пользоваться счастьем лицезреть святого отца своего. И особенно дорожили этим его «сироты».

Предвидя свой конец, о. Серафим мало-помалу начинает готовить своих чад духовных к разлуке.

Нередко он предупреждает посетителей: «мы не увидимся более с вами». Заехал к нему некто Лодыженский, брат двух глубоких почитательниц о. Серафима. Он сначала не верил своим сестрам о дивном старце. «Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком преувеличиваете», — говорил он. Но когда пришел сам к святому старцу, то не только поразился его прозорливости, но и получил исцеление от болезни раненой руки и сделался таким же почитателем его, как и сестры. Перед отъездом его — он отправлялся в Киев для сопровождения русской духовной миссии — о. Серафим подал ему половину просфоры и сказал с любовью: «На — тебе, от моей души. Мы с тобою больше не увидимся». Лодыженский стал было возражать, что он непременно заедет на обратном пути. Но старец все повторял: «Нет, мы с тобой больше не увидимся». Так и сбылось...

Но больше всего заботился о. Серафим о своих сиротах. Люди перед кончиною своею пекутся о своих детях и родных по плоти, делают завещание о наследствах, дают последние наставления. У преподобного Серафима, как мы уже видели, плотские связи с родными оборвались при переходе монастырских ворот. Как истинный монах, он весь отдался любви к Богу. И в Боге живущие стали ему родными духовно. Но самым дорогим и близким ему детищем было его Дивеево. Последние мысли на земле и были направлены им в эту обитель.

Еще за несколько месяцев он стал говорить приходившим сестрам о конце своем, но особенно памятна беседа об этом с сестрою Параскевою Ивановною в ближайшей пустыньке: «Живите теперь одни: оставляю вас».

И потом добавил: «Искал я вам матери, и не мог найти... Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери».

И после этого прямо сказал о близком конце своем. Сестра, припавши к ногам старца, громко зарыдала. Когда же немного успокоилась, то о. Серафим в утешение ей и всем через нее сестрам, начал читать на память прощальную беседу Господа к ученикам: «Да не смущается сердце ваше». Прочитал три главы (14—16) Евангелия от Иоанна и закончил словами: «Аминь, аминь глаголю вам: елика аще просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничегоже во имя Мое: просите и примете, да радость ваша исполнена будет». — Этими словами святой Серафим еще раз раскрывал своим чадам, что он будет ходатаем за них на небе. А сестра Параскева продолжала в это время плакать. — «Что же ты, матушка, все плачешь? — утешал ее старец. — По времени и у вас будет мать-праведница».

Но на кого же оставить сирот теперь? Отец Серафим не нашел себе заместителя. В свое время он получил послушание окормлять Дивеево от игумена и отца своего духовного Пахомия, по прямому указанию Божией Матери. Но за это долгое монастырское житие свое в Сарове он не увидел никого, кому бы мог спокойно и благонадежно передать свое духовное наследство-детище. Столько было монахов в Сарове, и не нашлось достойного... Печально, но так.

«Вот, матушка, — говорил он старице Ксении, — отец Иларион и старец, да за вас взяться не может; также вот и батюшка Исаия за вас не возьмется; мог

бы за вас взяться и быть всем отцем после меня о. Савватий, но не хочет. И так скажу тебе, матушка: помни, что после меня у вас отца не будет». И другим часто говорил: «Кроме убогого Серафима вам отца уже больше не будет».

И поэтому он, не выбрав особого лица, поручает попечение о сиротах и вообще об обители трем лицам — не монахам.

Но о конце своем он стал перед наступлением нового, 1832 года говорить совершенно явственно, как словами, так и знаменами. Например, пришел к нему в келью некий монах, а у него было темно, что и заметил вошедший. Преподобный сказал, что нужно зажечь лампаду. И не успел он трижды перекреститься и сказать однажды: «Владычица моя, Богородица!» — как лампада зажглась сама собой. В другой раз этот же брат застал преп. Серафима стоящим у гроба в сениях. А тот же пришел, чтобы взять на благословение огня из кельи старца. Взглянув в келью, преподобный сказал: «Ах, лампада моя угасла, а надобно, чтобы она горела». И после этого он стал молиться пред образом Умиления Божией Матери. Вдруг появился голубоватый свет, потом он потянулся как лента, к свече, и она зажглась. От нее о. Серафим зажег маленькую свечку и подал ее брату. При этом предсказал, что скоро придет из Воронежа гость, велел передать ему ответ, и промолвил: «Ко мне не води его, он меня не увидит». Лицо старца сияло тогда светом Божиим. Наконец, он сказал монаху: «Дунь на свечку!» — Тот дунул: свеча погасла. — «Вот так, — пояснил старец, — угаснет скоро и жизнь моя: и меня уже не увидят».

Предсказал даже батюшка об одном признаке его кончины. Как упоминалось раньше, рядом с кельей о. Серафима жил монах Павел, он иногда прислуживал батюшке вместо келейника. Порою он говорил старцу, что в отсутствие его от зажженных свечей может произойти пожар. На это прозорливец отвечал: «Пока я жив, пожара не будет, а когда умру, кончина моя откроется пожаром». Так и было.

За неделю до смерти, в день Рождества Христова, о. Серафим, по обычаю, направился в больничный храм на литургию, чтобы причаститься Святых Тайн. Здесь к нему пришел некий г. Богданов, прибывший издалека с целым рядом вопросов. Вот что потом он записал о свидании своем с ним: «Я пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начала службы и увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение». Он благословил приезжего гостя, но когда тот стал тут же просить «побеседовать с ним», старец поспешно встал, сказавши только два слова: «После, после». И скрылся в алтарь. Чтобы понять такое строгое отношение о. Серафима к гостю, нужно знать, что для него литургия была самым важным и высочайшим моментом — тут более всего уместны слова Господа Иисуса Христа: «Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем разумением твоим». И даже самые благонамеренные разговоры способны отвлекать причастников от «единого на потребу», от общения с «Сладчайшим Иисусом». Между прочим, поэтому именно Церковь перед причащением установила не чтение или произношение поучений, а пение «запричастна» — человек

должен в это время всецело сосредоточиться на грядущем моменте причащения. И о. Серафим больше, чем другие, знал это, потому и отклонил благочестивую, но несвоевременную беседу с гостем. А после он принял его и ответил на все заготовленные им вопросы (многие из них изложены были в предыдущих главах). «Все время нашей беседы, — пишет Богданов, — о. Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял опершись на дубовый гроб, приготовленный им для себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: «Ваше Боголюбие!»... Прощаясь со мной, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразился. Благословляя же (при прощании), хотел даже поцеловать мою руку, кланялся все до земли. А маленькой паломнице Вере батюшка предсказал горькую долю: «У нее будет путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет!» Дивные Божии прозорливцы!..

В тот же день Рождества Христова, после литургии, о. Серафим направился к игумену монастыря, о. Нифонту, и стал с ним прямо говорить о своей кончине. При этом просил его положить в приготовленный им свой гроб. Говорил и о братии, просил за некоторых из иноков, особенно за младших. И «простился» с ним в последний раз.

Возвратившись в келью свою, он одному монаху, Иакову, вручил маленький финифтяный образок явления Божией Матери преподобному Сергию. При этом сказал: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу, — сей образ прислан мне честным о. архимандритом Антонием, наместни-

ком св. Лавры, от мощей преп. Сергия». — Между прочим, в акте от 11 января 1903 года, при подробном описании осмотра вскрытого гроба о. Серафима, не упомянуто о сем образке, почему — неизвестно. Не случайно пожелал он иметь сей именно образок, думается, не потому лишь, что о. Серафим любил и чтит своего духовного сына, арх. Антония, но еще более потому, что это был дар от мощей преподобного Сергия, великого предшественника о. Серафима. Три главных светильника знает русская Церковь, между коими, как святая радуга, перекинута славная история ее: Киев, Радонеж и Саров — св. Антония с Феодосием, Сергия и Серафима. И преподобный Сергей как бы послал свое благословение преемнику своему по православному благочестию. Разные места, разные времена, но один Святой Дух, одно Святое Православие. А кроме сего, сим образком о. Серафим напоминал о родстве с преп. Сергием и по сходству их жития, а в особенности явления им Божией Матери: это было живым указанием на великую любовь преподобного Серафима к Царице Небесной и милость Ее к саровскому «любимцу» Ее.

Но вот наступил и последний день. Преподобный сподобился воистину «христианския кончины, безболезненны, непостыдны, мирны», — как молится Церковь, — он не болел ничем, был в полном и ясном сознании и скончался поразительно безмятежно: «уснул» для пробуждения в другой жизни...

Утром 1 января 1833 года, в воскресенье, он в последний раз пришел в ту больничную церковь свв. Зосимы и Савватия. Но вел себя на сей раз не совсем

обычно: поставил ко всем иконам свечи и приложился к ним, чего прежде не делал. Так он «прощался» теперь, а лучше сказать — готовился к встрече со святыми. После литургии он простился с бывшими здесь братьями, благословил их, поцеловал и сказал приведенные выше слова: «Нынешний день нам венцы готовятся», — чем ясно указал уже точно день смерти своей. Потом приложился ко Кресту Господню, знамению нашего спасения, и к иконе Божией Матери, обошел престол. И вышел из храма. Все заметили крайнее изнеможение старца, но духом он был бодр, спокоен и весел.

В течение последнего дня о. Серафим три раза выходил на то место, которое им самим было указано для погребения: по правую сторону соборного алтаря храма Успения Божией Матери, несколько к юго-востоку, рядом с могилою Марка-Молчальника... Необычайно было и это самое указание места: ни монахи, ни иеромонахи не делают сего, предоставляя старшим начальникам хоронить их на общем кладбище, или где благословят сами... Но святым «закон не лежит» (1 Тим. 1:9); и обычные мерки не приложимы были и к о. Серафиму. И не удивило это ни игумена, ни братию: все видели, что отходит от них угодник Божий, чтимый всею православной Русью, а не обычный инок обители.

Но и в последний день старец не переставал служить ближним. Житие его рассказывает о посещении иеромонаха Феокиста из Высокогорской пустыни. Ему о. Серафим благословил отслужить в Сарове, намекая на свою кончину. Но тот отказался, спеша в свой монастырь... «Ну, так ты в Дивееве отслужишь», — согласился на это прозорительно батюшка. Отец Феокист

выехал к вечеру из Сарова и заночевал в деревне Вертьяновке, недалеко от Дивеева.

Была еще сестра дивеевская Ирина Васильевна. После беседы старец послал своему детищу 200 рублей, поручая купить хлеба на эти деньги, так как в обители вышел весь запас муки и сестры были в нужде. Была и еще другая сестра: она даже заночевала в Сарове. После кончины старца она быстро ушла в Дивеево. Старица Матрена Игнатьевна, увидев ее, спросила: «Здоров ли батюшка?» — Та, помолчав, сказала: «Скончался». «Я закричала, заплакала, — рассказывает старица, — оделась наскоро, да как безумная, без благословения убежала в Саров».

Проводив последних посетителей из мира сего, о. Серафим снова направился к новому обиталищу своему, к месту погребения. Долго стоял он тут, смотря в землю безмолвно... Как зрелый плод, готовый упасть при малом колыхании от ветра, клонился святой старец к «земле, от нее же взят бысть». Так делал он до трех раз.

Вечером, в новый год, сосед о. Павел слышал, как старец в своей келье пел пасхальные песни: «Воскресение Христово видевше; Светися, светися, новый Иерусалиме; О, Пасха велия и священнейшая, Христе!» и другие победные духовные песнопения. Это пение было чрезвычайно знаменательно для праведника, было завершительным победным гимном всей его жизни: подвиг его переходит в славу Воскресения. Не покаянные воздыхания, не слезы о нераскаянном, а слава Новому Иерусалиму, небесному бессмертному блаженству ожидания «Невечерняго дня Царствия Христова»

как продолжения и полноты христианской жизни на земле, сущность которой есть «стяжание благодати Святого Духа», — вот о каком совершении пел св. Серафим в последний вечер своей жизни. Про одного старца рассказывается, что однажды его послушник приготовил ему несколько лучшую пищу, может быть, сваренных бобов. Авва спросил его о причине такой перемены. «Ныне, — объяснил ученик, — Пасха» — «А у меня, — ответил старец, — всегда Пасха в душе». Так бы мог и про себя, особенно про последние годы свои, сказать и о. Серафим. И он это часто выражал посетителям, встречая их пасхальным приветом: «Христос воскрес». А ныне и пропел в последний раз пасхальные гимны... Как он провел остальные часы ночи, можно судить по его концу: он молился. Когда другие спали, св. Серафим, подобно Спасителю в саду Гефсиманском, отдал свои часы Богу, Которому служил всю свою жизнь.

Между тем, 2 января, в свое время, в монастыре ранним утром начали богослужение. Часов около шести о. Павел, выходя из своей кельи на раннюю литургию, почувствовал близко запах дыма. Постучал с молитвою в двери к о. Серафиму, но ответа не было, а дверь была на крючке. Было еще темно, о. Павел вышел на крыльцо и позвал братию, проходивших в церковь. Один из послушников, Аникита, бросился к келье старца, откуда чуялся запах, и сорвал дверь с запора. В ней было темно. Старца не было видно сначала. На скамье тлели некоторые холщовые вещи и книги. Бросились за снегом и потушили огонь. Когда же принесли свечу, то увидели, что старец в своем обыкновенном белом

балахоне-подряснике стоял на коленопреклоненной молитве пред малым аналоем. Пред ним стоял образ Пресвятой Богородицы Умиления. На аналое лежала богослужебная книга, по которой о. Серафим совершал свое молитвенное правило. На ней лежали крестообразно сложенные руки, а на них склонилась честная глава святого старца: так записано в издании жития старца от 1863 года. Но Н. А. Мотовилов в своей записке «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» пишет иначе: «Батюшка скончался на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками, а не поникши вниз и лежащим на книге, как в сем издании 1863 года изображено. А что он действительно стоял на коленях, в таком именно, а не на книге, положении скончался, слышал я тогда по приезде моем из Воронежа, лично от самого игумена Нифонта и живших возле батюшки отца Серафима — иеромонаха Евстафия и иеродиакона Нафанаила, и которых игумен Нифонт призвал к себе при мне для того, чтобы о нем подробно сами мне сказали». Нужно более верить этому описанию кончины. Так писали и первые составители Жития святого, иноки Сергей, Георгий и Иоасаф. И только позже них Елагин изобразил дело иначе. Можно думать, ему, как светскому человеку, представлялось «неестественным», чтобы умершее тело оставалось еще и на коленях, а не упало вниз — потому он, вероятно, и истолковал «проще» и «естественнее» кончину старца. Но мы в житии святого видели несравненно большие чудеса. Поэтому останемся при общем и установившемся предании, что о. Серафим скончался стоя коленопреклоненно пред аналоем, а не на нем.

Так его изображают и прежние, и последние иконы. Так приняла и русская Церковь в акафисте святому. С этим сходится и другое показание, что на груди его висел материнский крест — благословение на монашество, иначе бы его не было сразу видно под главою на книге. Тело старца было еще тепло, точно дух отлетел от него только что. В это время в церкви пели уже «Достойно есть». Один из молодых послушников, узнавший о кончине, вбежал в храм и тихо оповестил о том некоторых из братии. Тотчас тесная келья наполнилась народом. Доложили игумену. И по его благословению подняли тело старца и положили в соседней келье иеромонаха Евстафия. Там омыли ему чело и колени (разоблачать монахов не позволяется), положили в известный нам дубовый гроб и тотчас же вынесли почившего в соборный храм.

После, разбирая вещи преподобного, заметили, что и Псалтирь, лежавшая на аналое, тоже несколько обгорела: вероятно, свеча, которая горела пред аналоем, упала на книгу и запалила ее, потом упала на другие вещи, и они затлелись. Так сбылось предсказание о. Серафима, что его смерть «откроется пожаром».

Для чего же именно случился небольшой пожар, трудно гадать: был ли он простым указанием кончины, согласно прозрению святого, или он нужен был, чтобы братия были очевидцами необыкновенной смерти коленопреклоненного старца, или же она имела символический смысл тления всего мира, для *огня блюдо-маго* (2 Пет. 3:7) — Бог весть... Только нам известно, что все подлежит разрушению через огонь, после этого будет «новое небо и новая земля, на которых обитает

правда» (ср. Откр. 21:1) — будет новый духовный мир и духовный человек с духовным телом (Рим. 8: 18—24; 1 Кор. 15: 35—51), подобным Воскресшему Христу Господу (Ин. 3:2). Будет «новый Иерусалим» (Откр. 20), о котором пел победные песни пасхальные преподобный Серафим в последнюю ночь свою на земле, чтобы от нее перейти потом, в свое время, к свету «Невечернего дне Царствия Христова»... И одно нам несомненно, что на «этой» земле никогда не будет и не может быть «рая», о коем мечтательно гадают даже некоторые христиане, забывая, что сущность христианства заключается, по учению Христову, апостольскому, отеческому и Серафимову, «в стяжании Благодати Святого Духа» еще здесь и в устроении «несозданного Царствия Божия», по слову св. Григория Паламы, — там. И новый мир будет совершенно иной, духовный, а не материальный.

Весть о кончине святого быстро распространилась по окрестным местам, и отовсюду потекли тысячи православных на поклонение угоднику. Больше всех скорбели и горевали теперь действительно оставшиеся сиротами дивеевские сестры. Прасковья Ивановна, которой передал преподобный последние 200 рублей, успела в день кончины купить обители муки и возвращалась в Дивеево. По дороге она услышала горестную весть и, не заезжая в монастырь, забыв о хлебе насущном для сестер, повернула лошадь и помчалась к бабюшке в Саров. Скоро там уже были и остальные сестры. Иеромонах Феоктист утром 2 января двинулся в путь домой. Но на дороге у него оборвалась завертка от саней и он вынужден был кое-как добраться до близ-

кого Дивеева. А там уже оплакивали кончину батюшки. Отец Василий Садовский был в это время в отъезде по делам благочиния. Сестры и попросили проезжего невольного гостя отслужить первую панихиду по общему Отцу их. Так сбылось и это предсказание о. Серафима: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь».

Восемь дней стояли мощи святого в храме, и, несмотря на чрезвычайную духоту от множества народа и свечей за все эти дни прощания, не чувствовалось ни малейшего запаха тления. 9 января было отпевание. Когда духовник о. Серафима, о. Иларион, хотел положить в руку его разрешительную молитву, то она сама разжалась. Свидетелями этого чуда были о. игумен, казначей и другие. Видел это и бывший послушник монастыря, впоследствии ризничий Невской Лавры, архимандрит Митрофан, который и сообщил потом о знамении. После отпевания тело преподобного было предано земле в указанном им месте, возле собора, где и почивало до прославления в 1903 году, то есть 70 лет. Впоследствии над могилою старца был воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы. На нем сверху такая надпись: «Под сим знаком погребено тело усопшего раба Божия иеромонаха Серафима, скончавшегося 1833 года генваря 2 дня, который поступил в сию Саровскую пустынь из курских купцов на 17-м году возраста своего, скончался 73 лет. Все дни его посвящены были во славу Господа Бога и в душевное назидание православных христиан, в сердцах коих и ныне о. Серафим живет».

Глава XVII

ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯТОГО

После праведной кончины слава о святой жизни о. Серафима не только не ослабела, но стала все более распространяться. Этому способствовали и новые чудеса его, о которых приходили вести отовсюду. Там он являлся во сне и исцелял болящих, в других местах чудодействовала вода из его источника или даже слитая с кусочков от камней его; в Сарове и Дивееве исходили бесы от несчастных одержимых; кому помогал песочек от его могилы или кусочки хлеба, раздаваемые в Дивееве, в память сухариков о. Серафима; творили чудеса частицы мантии его, и т. д.

И всех чудес поистине невозможно ни собрать, ни записать. Нам известно от собеседников Саровского игумена о. Иерофея, что обитель и не очень стремилась предавать письмам рассказы тысяч людей о помощи преподобного — так их было много, да и более смиренным считали иноки молчать о них, чтобы не показаться людям славолюбивыми для корысти в пользу обители... Особенно полна преданиями о батюшке и его чудесах земля прилегавшая к Сарову, на 100-200 верст

в окружении. Практически не было дома, где путешественникам не пришлось бы услышать рассказы о «нашем батюшке».

И вот, с самого момента кончины его, стали служить панихиды по нем. И нередко можно было видеть в домах его изображения: то кормящим медведя, то молящимся на камне, то шествующим по лесу с топориком...

Так голос церковного предания, движимый Духом Божиим, еще ранее открытого прославления уже канонизировал о. Серафима как несомненно святого. И оставалось только признать это официальным и торжественным решением церковной власти.

Впервые на свет Божий вынес эту святую мысль официально настоятель Саровский, архимандрит Рафаил. Еще при нем была составлена особая комиссия по вопросу о прославлении о. Серафима. Она собрала материалы о житии и чудесах преподобного и представила их в тамбовскую Духовную Консисторию... Но дело почему-то заглохло. Однако да будут благословенны имена первых делателей сих, и особенно — архимандрита Рафаила. Далее мы еще упомянем его благословенное имя.

Двадцать лет спустя, по постановлению Святейшего Синода, с одобрения государя Николая II, в 1903 году, 11 января, другою комиссией, под председательством митрополита Московского Владимира, была освидетельствована могила преподобного, и из-под свода ее извлечен гроб-колода, в коем был погребен о. Серафим. Цвет гроба был почти черный, дно его в ногах с правой стороны, а также верхняя часть крышки несколько

истлели, и во многих местах наружной оболочки дерева оказалось мягким и сырым. Но вообще гроб сохранился крепким. По снятии крышки внутренние стенки тоже оказались сырыми и с плесенью в трех местах. Но запаха не было никакого. В гробу присутствующие увидели остов почившего, покрытый остатками истлевшей монашеской одежды. Тело преподобного предалось тлению, но кости, совершенно сохранившиеся, были расположены правильно и легко отделялись одна от другой. Волосы главы и бороды седовато-рыжеватого цвета также сохранились. Подушка под главою старца была наполнена мочалом. В ногах лежали ступни из лык. Под руками Преподобного был медный литой крест, вершка в три величиной.

Итак, святые мощи не сохранились в целости, и притом мощи такого великого угодника Божия... Православные русские люди так привыкли к мысли о нетленности останков святых, что некоторые смутились открытым событием... А враги Церкви, безбожники и сектанты, постарались использовать этот факт для агитации против православия. Тогда первенствующий член Святейшего Синода, митрополит С.-Петербургский Антоний (Вадковский), опубликовал особое послание от 20 июня. В нем он не скрывал правды об останках мощей о. Серафима, но разъяснил, что святость праведных людей определяется их богоугодной и благодатной жизнью, а потом уже чудесами; нетление же мощей является дополнительным и необязательным признаком. Так, кости от пророка Елисея воскресили мертвого, головные повязки апостола Павла совершали чудеса, даже тень апостола Петра исцеляла больных.

И вообще, от многих святых не сохранилось целых мощей. Потому нет никаких оснований смущаться православным... И на прославление потекли в Саров тысячи людей.

Канонизация была назначена на 19 июля 1903 года, на день рождения о. Серафима.

К этому времени в Саров со всех концов Святой Руси сошлись не меньше ста тысяч человек, для помещения которых был создан вокруг монастыря целый временный «Городок» из дощатых бараков. Святая Русь пришла на торжество своего святого, родного, «нашего батюшки». С великою верою обходили богомольцы святыни Саровские. И снова, и снова потекли чудеса... Вот двенадцатилетний мальчик Вася Иовлев, немой от рождения, пришел из далекой Сибири, из села Илисского, Енисейской губернии, со своею бабушкой. Выкупался в источнике о. Серафима и... заговорил. Вот молодая девушка Агриппина Табаева, из села Тазиева, Симбирской губернии, слепая от рождения, после вторичного купания в том же источнике стала видеть... Вот 50-летний мещанин г. Спасска, Рязанской губернии, Василий Богомоллов, разбитый параличом 7 лет назад, привезенный в Саров на источник о. Серафима, встает и говорит, и костыли тут же бросает... Вот несчастная мать четырех детей, горемычная вдова, страдавшая слепотою уже 16 лет, оставляет и дом и детей, и идет из города Верного, пройдя 600 верст пешком, и получает зрение...

Само прославление происходило так. Еще 3 июля митрополит С.-Петербургский Антоний с епископами Нижегородским Назарием и Тамбовским Иннокентием

перенесли гроб с мощами о. Серафима из его могилы в больничную церковь свв. Зосимы и Савватия и переложили их в новый кипарисный гроб, дар Государя и Государыни. А этот гроб, в свою очередь, был вложен в дубовую колоду и поставлен на середине храма до дня прославления.

19 июля была совершена панихида в Успенском соборе и во всех других храмах обители за почивших государей, святителей Тамбовских, игуменов монастыря, живших за время подвижничества о. Серафима и до последних лет, и за родителей преподобного — Исидора и Агафию, а также и за самого «приснопамятного иеромонаха Серафима».

А народ все прибывал. Шли крестные ходы с разных концов Руси. Общество хоругвеносцев из Нижнего Новгорода, Суздаля, Тулы, Рязани, Москвы, Ярославля и пр. несли свои жертвы — хоругви — в Саров святому Серафиму. 17 июля из обители вышел крестный ход навстречу двум крестным ходам монахинь из Дивеева и Понетаевки. Впереди их несли Серафимову икону Умиления Божией Матери. Сироты его дождались прославления своего батюшки. Умилительное то было зрелище — как будто сам Серафим встречал своих чад духовных... Немало слез пролито было тут всеми...

В тот же день к вечеру прибыл государь с обеими императрицами, великий князь Сергей Александрович с великою княгинею Елизаветою Феодоровною, великие князья Николай и Петр Николаевичи, и иные царственные лица и сопровождавшие их министры: Плеве, Хилков, Саблер, Воронцов-Дашков и др. Народ радостно приветствовал своего царя.

В 7 часов того же 17 июля была отслужена заупокойная утренья (парастас) за о. Серафима. А в 11 часов ночи гроб его был перенесен из больничного храма в прежнюю могилу, которая к тому времени была прекрасно обделана мраморными плитами и в нее был сделан спуск по железной лестнице.

18 июля, в 5 часов утра, совершена была ранняя литургия во всех храмах обители. Император и обе императрицы присутствовали в Антониевском приделе Успенского Собора и сподобились причаститься Святых Тайн. А после поздней литургии благовест пригласил всех совершить последнюю поминальную панихиду по рабе Божию о. Серафиме. Присутствовал и император. А после митрополит Антоний освятил чудную раку и сень над будущим местом почивания угодника Божия, устроенную иждивением государя и государыни. Действительно, то было роскошное произведение художества в русском стиле «царственной Москвы». Рака — из желтовато-серого мрамора. А над нею сень высотой 12 аршин из позолоченной бронзы с пятью главами. Кругом чудные лампы...

В последний раз помянули «приснопамятного иеромонаха Серафима» как простого человека. Отныне он будет прославляться уже во святых.

В 6 часов вечера началась всенощная. Народ не мог втиснуться в монастырь даже в третьей части своей и молился вокруг него. Когда пришло время литии, все зажгли свечи, и крестный ход направился в храм свв. Зосимы и Савватия. Все сначала поклонились земно мощам преподобного. А после каждения вокруг гроба государь и великие князья с назначенными архи-

мандритами вынесли его наружу, где он был поставлен на носилки и поднят высоко над головами всех. Это был потрясающий момент. Раздались рыдания, потекли слезы. Под крестный ход подстилали холст, полотенца. А по сторонам лежали больные и убогие. С пением литии крестный ход двинулся вокруг Успенского собора. При мерцании тысяч свечей, при чудном богослужении и пении митрополичьего Петербургского, архиерейского Тамбовского хоров, при общем пламенном молитвенном настроении, а главное — благодатью святого угодника Божия Серафима был такой молитвенный подъем, что невозможно было удержаться от слез. И в это время совершилось еще несколько чудес. Вера Чернышева из Астраханской губернии, два года находившаяся в параличе со сведенными ногами, встала с одра и пошла за крестным ходом, другая исцелилась от припадков. Но зачем нам перечислять новые чудеса? И тех, которые совершены были при жизни о. Серафима, не вместить человеку! А сколько их еще будет потом...

После литии святые мощи были поставлены посреди храма. Приблизился момент полиелея. За все эти дни было сказано много проповедей и архиереями, и проповедниками из Петербурга, протоиереями Орнатским и Рождественским, а ко времени самого прославления вышел говорить местный Тамбовский святитель Иннокентий. В заключении своего слова он сказал: «Еще мгновение — и откроется крышка этого спасительного гроба, явятся благодатные останки дивного во святых Божиих Серафима, но кроткого и убогого в земной жизни. И в умиленной радости веры

нашей воспоем ему: «Ублажаем тебя, преподобный отче Серафиме!» Все духовенство вышло на середину храма. После пения «Хвалите имя Господне» все стали на колени, а священнослужители запели величание преподобным: «Ублажаем, ублажаем Тя, Преподобне отче Серафиме, и чтим святую память Твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов». Этот момент и считается церковным прославлением святых.

После прочтения Евангелия, когда архидиакон Александр-Невской Лавры Иоанн читал прошение «Спаси Боже люди Твоя», он среди святых упомянув в первый раз «преподобного и Богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея России Чудотворца», их же молитвами «Многомилостиво Господи, услыши нас, грешных, и помилуй». И понеслись впервые молитвы Православной Церкви: «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй» — двенадцать раз. Священнослужители, а за ними царствующие лица и народ начали прикладываться к мощам святого. Служба продолжалась, и народ все продолжал прикладываться. Кончилась она уже к полуночи, а храм был открыт, и тысячи людей шли и шли и шли к новопрославленному святому с верой и просьбами...

19 июля поздняя литургия началась в 8 часов утра. На малом входе, при пении духовенства: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу», священноархимандриты взяли кипарисовый гроб с мощами и понесли его вперед всех в алтарь... Так святой угодник Божий предшествовал в поклонении Господу и Спасителю... Невольно вспоминается при этом тот далекий момент, когда смиренный иеродиакон Серафим удостоился

видения Самого Господа Иисуса Христа, тоже на литургии, и приблизительно почти в тот же момент ее. Сбылось таинственное благословение, которым тогда уладил душу его Спаситель, исполнив его божественною любовью. Потом мощи, после обнесения их вокруг престола, были снова вложены в дубовую колоду-гроб, но уже не на середину храма, а в уготованную преславную раку под чудной сенью. Здесь нашел обиталище убогий Серафим, всю жизнь избегавший славы и за малейший соблазн поставивший себя на тысячу дней и ночей на камни. «Смиривыйся вознесется»... При этом моменте случилось новое чудо. Среди богомольцев стояла приехавшая из Москвы Евдокия Масленникова (из купеческого сословия) со своей больной дочерью Екатериною, 12 лет. Девочка страдала припадками эпилепсии и уже два года ничего не-могла говорить. Доктора не помогали. При пронесении гроба мимо мать коснулась его платком и потом отерла им лицо больной дочери. И та, на глазах у всех, произнесла имя своей матери и начала говорить как здоровая. После она была сподоблена митрополитом причащения Святых Тайн.

В конце литургии произнесено было слово архиепископом Казанским, бывшим Тамбовским, Димитрием «в честь и память» преподобного. В нем, между прочим, он выразил обычную для православного сознания мысль о том, что «Святая Церковь, в силу богодарованной ей власти, несомненно, всенародно удостоверила и утвердила эту общую веру в святость и ходатайственную силу перед Богом великого подвижника веры и благочестия, которого с глубоким умилением

и благоговением давно уже ублажают и прославляют вси роди земли Российской».

После литургии начался молебен новому Чудотворцу. При пении тропаря: «От юности возлюбил еси Христа, блаженне» гроб был вынут из раки и передан на руки Государя и великих князей, коими, при участии архимандритов, был вынесен из собора для шествия вокруг храма. Высокое религиозное одушевление снова охватило тысячи народа. Затем мощи были водворены на свое место уже для постоянного поклонения. Этим закончилось прославление, или канонизация святого праведника.

На другой день Государь и другие лица посетили Дивеево и поклонились иконе Умиления Божией Матери, осматривали пустыньки о. Серафима и прочие реликвии. После их отъезда, на другой день, 21 июля было совершено освящение в Сарове нового пятиглавого храма в честь новопрославленного святого. Храм сооружен над кельею его, которая помещена в западной части храма... Всю северную сторону этой кельи — часовни занимает большая картина явления Богоматери преп. Серафиму 25 марта 1831 года. В ней хранились все перечисленные выше вещи батюшки. Сюда же были составлены и пожертвованные хоругви и иконы ко дню прославления его.

А 22 июля освящен левый придел во имя преп. Серафима в храме Святой Троицы Дивеевского женского монастыря. Здесь так верили в святость и прославление «Батюшки», что еще с 1875 года заготовили особый придел для о. Серафима. Так вера не посрамляет чад ее...

Пока кончилась святая история... Еще будет продолжение ее. В предвидении ее вспомним и о других останках святого человека Божия — не хочется еще расставаться с ним. Все дорого Серафимово... И мы не сомневаемся, что и читателям дороги и самонамалейшие воспоминания о святом и великом светильнике России и всего мира: потому поместим описание автора «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», отца Л. Чичагова, впоследствии митрополита Петроградского Серафима, лично проверившего справедливость нижеизложенного.

Как мы видели, одно Св. Евангелие, обгоревшее при пожаре, досталось ближайшему сотаиннику дивного откровения о «стяжании благодати» Н. А. Мотовилову. Он же сообщает и о других вещах:

«Игумен Нифонт также благословил меня и образом Божией Матери Жизнеподательницы — он небольшой, на кипарисе, тот самый, которым благословила его родительница его при дозволении ему остаться навсегда в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку «Алфавит Духовный» (Димитрия Ростовского) с недостающими сначала несколькими листами, по которой сам великий старец Серафим учился духовной жизни. И из двух крестов, всегда бывших на нем, маленький крест, вырезанный его руками и обложенный серебром из того старинного рубля серебряного, который дала ему его матушка, отпуская его на богомолье в Киев, и который был на нем. «А медный большой другой крест осьмиконечный, его благословение, — сказал мне тогда игумен Нифонт, — и образ Божией Матери, Радости всех радостей, пред которою он стоял

на коленях и скончался, отдал я в его девическую Дивеевскую обитель».

Скоро после погребения родилась сама собою мысль о сохранении памяти о достоуважаемом старце Серафиме. Стали собирать и хранить его портреты. Так, мать дивеевской сестры Анастасии Протасовой, имея большую приверженность к о. Серафиму, просила раз у него благословения списать его портрет. Отец Серафим отвечал на это: «Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божии и святых, а мы — люди, и люди-то грешные»... Но мать сестры Анастасии стала умолять его с настойчивостью не отказать ей. Тогда только, из уважения к ее усердию, он уступил ее желанию и сказал: «Это — в вашей воле. Пусть будет по вашему усердию». Благодаря таким убеждениям были собраны и доныне находятся в Саровской обители, в квартире настоятеля, два верных изображения старца Серафима: одно написано в то время, когда старцу было около 50 лет. Отец Серафим представлен с открытою главою, лицо у него — чистое, белое, глаза голубые, нос прямой, с небольшим возвышением, волосы светло-русые, густые, с проседью, усы и борода густые, тоже с проседью, рука одна с другой соединены на груди. Старец стоит одетым в мантию. Этот портрет написан художником Академии Дмитрием Евстафьевым для госпожи Анненковой, и ею передан в Саровскую пустынь.

Другой портрет, находящийся также в келье саровского строителя, написан с натуры лет за 5 до кончины старца. Отец Серафим изображен в мантии, епитрахили и поручах, как он приступал к причастию Святых

Тайн. По этому портрету видно, что лета и иноческие подвиги имели влияние на внешний вид старца. Здесь лицо представлено бледным, удрученным от трудов. Волосы и на голове, и на бороде густые, но не длинные, и все седые. Правая рука положена на епитрахили у груди. Этот портрет написан художником Серебряковым, который был после иноком Саровской обители и в ней опочил вечным сном. Художники Саровской пустыни кроме портретов написали на полотне картину смерти св. Серафима, снимок с которой при жизнеописаниях прилагался с немногими взятыми с действительности дополнениями в подробностях.

Те лица, у которых были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить их у себя, а другие старались приобрести что-нибудь из его вещей на память себе. По завещанному с давних пор в Саровской обители порядку, все вещи после смерти брата сносятся в так называемую «рухальную» (кладовую рухляди) и делаются общим достоянием обители. Всякий брат, в чем нуждается, то и берет из рухальной и, износивши одну вещь, переменяет на другую. Вещи о. Серафима, поступившие в то же хранилище, не остались там, но по усиленным просьбам почитателей старца розданы были для них старшими из братии — о. Нифонтом и о. Исаиею. Так, у инока Саровской пустыни, Гавриила, был портрет о. Серафима. Счастливый владетель так дорожил им, что не хотел никому показывать его, и если показывал самым близким особам, то никак не выпускал его из своих рук. Крест медный, который о. Серафим всегда носил на себе поверх одежды, по благословению преосвященного Иеремии, бывшего епископа

Нижегородского, хранится в Дивееве, в церкви Преображения Господня. Большой же железный крест, который носил старец под одеждою на шее, находится в Саровской пустыни. Господа Тепловы, прослышав о смерти старца Серафима, прислали из Таганрога нарочного в Саров получить что-нибудь из его кельи. И им посланы были два кувшина, которыми подвижник носил для себя воду. Оба кувшина были наполнены водою из Серафимова источника. У одной из сестер Дивеевской общины, а именно — у Параскевы Ивановны, остался топорик, которым работал о. Серафим в пустыни. Сестра берегла его еще при жизни старца как необыкновенную драгоценность, потом согласилась передать его своей начальнице для хранения в пустынной келье о. Серафима.

Госпожа Мария Колычева, бывшая в близком духовном общении с другим затворником того времени — Георгием (Задонским), с восторгом написала ему, что она после смерти о. Серафима получила из его кельи белый полотняный платок, лампаду и стаканчик, обе последние вещи — в звездочках. Две ряски из оставшихся после смерти о. Серафима переданы были сестре Дивеевской общины, из коих одну сестра носила на себе, а другую выпросила для себя госпожа Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшие в виде войлока с головы его, после двух болезненных его страданий, хранились у дивеевской церковницы Ксении Васильевны и у саровского старца о. Феодосия. Камни, на которых старец для умерщвления искушения врага восходил молиться в течение тысячи суток, перенесены в Дивеевскую общину. Тот из них, на котором

он стаивал днем в своей келье, находится в прежнем своем виде в Преображенской церкви в Дивееве. От другого из этих камней, на котором о. Серафим молился ночью под открытым небом, остался один обломок, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых о. Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собою. И этот остаток, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца также перевезен в Дивеево и положен в той же Преображенской церкви. Келья, в которой о. Серафим подвизался в дальней пустыни куплена Н. А. Мотовиловым и также перевезена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпное чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших царского рода, пастырей Церкви, о. Серафима, усопших сестер обители и других благодетельствовавших ей при жизни особ. А другая подвижническая келья о. Серафима, в Дивееве же, обращена в алтарь храма Преображения Господня. Образ Царицы Небесной, Радости всех радостей, написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келье о. Серафима, находится теперь в соборе Дивеевской обители. Усердием Наталии Ивановны Богдановой на нем положена серебряная вызолоченная риза. Пред ним в определенный день недели поется акафист Спасителю и Божией Матери. Благочестивые посетители питают особое усердие к иконе сей и по своей вере получают от нее духовное утешение. Особенно известною сделалась одна вещь из оставшихся после о. Серафима. Незадолго пред кончиною своею он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению

Михайловну Кочеулову полумантией, которую носил сам. Когда сестра обители Елизавета Андреевна Татаринова отправилась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия о. Серафима. Эта мантия в последнее время огласилась в Петербурге даром исцеления над дитятей, которому искусство первых в столице врачей отказывало в помощи. Из Евангелий, которые читал в келье о. Серафим, одно находится в Сарове, а другое — в Дивеевской обители у Елены Ивановны Мотовиловой. Последнее Евангелие (в кожаном переплете) есть то самое, которое о. Серафим носил всегда с собой в сумочке за плечами. Рассматривая его, мы увидели, что в этом переплете собраны были вместе Псалтирь, Евангелие, Книги Деяний и Посланий св. апостолов. В Дивееве же хранится малая часть книги Четьи-Миней, первой трети, тлевшая при пожаре, случившемся при кончине старца Серафима.

Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них приобретена Дивеевской общиной. Затем, после смерти о. Серафима, за исключением немногих нераспечатанных писем, ничего не осталось.

Из других источников постепенно открывались сведения о прочих достопамятных вещах, связанных с именем преподобного. Например, у инока Саровской пустыни Киприана была шапочка из черной крашенины, которую святой носил на голове своей. Получив ее по смерти старца, о. Киприан стал надевать ее на большую свою голову, и «всякий раз боль проходила», — писал он.

Ко дню открытия мощей преподобного о. Серафима в «Московских Церковных Ведомостях» (№ 2 за 1903 г.) появилась статья Л. Денисова, автора жития преп. Серафима, где он пишет подробно о вещах, оставшихся в разных местах. После он же дополнил ее в житии. Берем оттуда наиболее важное.

В Сарове над могилой о. Серафима была устроена в 1861 году часовня. Об этом позаботился игумен саровский Рафаил. Это был незаурядный человек и настоятель. Сын вятского артиллерийского чиновника, в миру Николай Иванович Трухин, он по окончании военного образования, на двадцать третьем году жизни, удалился в Афонский Пантелеймонов монастырь, где и проходил свое первоначальное монашество. Потом, по глубокому почитанию имени преп. Серафима, поступил в Саровскую пустынь. И здесь 31 декабря 1889 года назначен был настоятелем. Тотчас же он преданс попечению об увековечении памяти о. Серафима. И за четыре с половиной года своего управления о. Рафаил успел выстроить указанную часовню, а потом восстановил обе пустыньки преп. Серафима по прежним образцам, перенесенным в Дивеево. При этом оказалось, что под полом дальней пустыньки сохранилась в неприкосновенности кирпичная клеть, в которую о. Серафим удалялся от посетителей на молитву, где хранил овощи и укрывался иногда от летнего зноя. Отцом же Рафаилом были построены часовни: над целебным источником батюшки; над местом камня, на коем молился тысячу ночей о. Серафим; над пнем дерева, на который он вешал при этих молитвах икону Святой Троицы. Он же особенно усердно старался

собирать и записывать сказания о чудесах и исцелениях о. Серафима, приготавливая таким образом все к грядущему прославлению св. старца. 20 июля 1864 года о. Рафаил был назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, с возведением в сан архимандрита.

Келья, в которой скончался преп. Серафим, вошла в храм Пресвятой Троицы, заложенный в 1867 году и освященный при канонизации святого в 1903 году. В этой келье, в бронзовых витринах хранятся: мантия преп. Серафима и его черная суконная шапочка, железный крест, носимый на шее, волосы о. Серафима, кожаные четки-листки, Евангелие, читанное им пред кончиною, часть камня, на коем он молился тысячу ночей, скамейка, сделанная его руками; сохранилась в неприкосновенности стенка кафельной печи с лежанкой.

Недалеко от часовни над источником хранилась и пещерка в береговом скате над рекой Саровкой, в которую о. Серафим уединялся для молитвы.

Хранятся несколько картин — изображений из жизни его: явление Богоматери в 1831 году, моление на камне, кормление медведя, кончина старца и др. Есть еще несколько портретов и в Сарове, и в других местах России — большею частью копии с указанных выше, а некоторые и самостоятельного происхождения от неизвестных художников.

В архивах монастыря хранился, как мы видели при описании удаления о. Серафима в пустыньку, и билет, выданный ему в 1794 году, 20 ноября, за подписью нового игумена о. Исаии.

Из вещей, находящихся в Дивееве, кроме перечисленных в летописи Чичагова, еще хранятся: черная суконная мягкая камилавка, холщовая епитрахиль и поручи, деревянные четки, изгрызенные бесноватыми, бахилы (род кожаных сапог, в виде чулок), лапти из лыка, три иконы: Спасителя, Богоматери и Иоанна Предтечи, подаренные преп. Серафимом Дивеевской общине, когда она еще не была открыта официально, и обрубок из кельи его.

В Понетаевском монастыре хранятся следующие вещи: медный крест, найденный саровским иеромонахом Анастасием при раскопке дальней пустыньки, несколько частиц камня, на котором молился о. Серафим, часть дерева от пустыньки, три восковых свечи из его кельи, части мантии, волосы, часть рубашки и два полотенца.

В Москве, в домовой церкви великого князя Сергея Александровича, хранилась мантия Преподобного. Несомненно, мантий было несколько: одни отдавались преподобным, другие брались из рухальной монастырской или приносились в дар ему. Эта мантия во время прославления о. Серафима была выставляема для поклонения в Успенском Московском соборе в Кремле.

Наконец, подобает упомянуть о портрете — иконе преподобного Серафима, написанной на паперти Успенской деревянной церкви Гефсиманского скита, близ Сергиевой Лавры, на полотне, во весь рост натуральной величины его: 2 аршина, 7 и три четверти вершка. Этот портрет, по преданию, был подарен сюда наместником Лавры, арх. Антонием, почитателем святого старца и духовником приснопоминаемого митрополита

Московского Филарета, в 1844 году, после основания скита. Это — знаменательный дар, показывающий, что о. Серафима тогда уже почитали угодником Божиим, и притом такие лица, как сам Филарет, тоже великий сокровенный подвижник и очень строгий судья религиозных дел. На этой иконе угодник Божий изображен одетым в полушубок, с полумантией поверх него, с монашеской камилавкой на голове, и в кожаных бахилах. Фигура его согбенная; правую рукою он опирается на суковатую палку, а в левой руке держит четки-листовку. Здесь же хранится и мантия преподобного Серафима из обыкновенной материи, длиною около 2 аршин, переданная сюда тем же наместником архимандритом Антонием.

Приведем здесь и рассказ об одном памятном событии и, может быть, сохранившемся предмете от о. Серафима. В один из летних жарких дней к Сарову из Муром, по глухой лесной дороге шли два инока, еще молодые. Это были — о. Серафим, тогда еще послушник Прохор, и муромский подвижник Антоний. Дошли они до местечка «Крыжева сечь», или «Мокрое», и остановились отдохнуть. Вдруг о. Серафим говорит: «На этом месте, отче, будет женский монастырь... Будет храм во имя Матери Божией «Утоли моя печали». Сказав это, он своим топориком срубил два дубка и заострил один из них. А утвердить перекладину для креста предложил о. Антонию. После этого они поставили его в землю и пропели тропарь «Спаси Господи». «Вот на этом самом месте будет соборный храм». Случайным свидетелем этого события и беседы был юноша Дубов, хотевший здесь срубить оглоблю и притаив-

шийся при приближении путников. После молитвы о. Серафим, прозревший мальчика в кустах, обратился к нему, назвал его по имени и, подозвав к себе, сказал: «Это будет, когда меня в живых не будет, а ты... доживешь и до освящения храма в обители». Это происходило около 1785 года, после исцеления о. Серафима Божиею Матерью от водянки, в благодарность за что и принял он послушание от настоятеля собирать жертвы на построение больницы с храмом свв. Зосимы и Савватия над местом его кельи, в которой явилась ему Божия Матерь. Впоследствии, за два года до своей кончины, он сам рассказал одной старице, Марфе Артемьевне, об этом событии так: «Когда я ходил по сбору в Муром, то на пути, в лесу, я видел место, избранное Божией Матерью для монастыря. Я там сидел на дубовом пне, и этот пенек попадет под первую церковь; туда пойдешь в монастырь и ты. Когда я там был первый раз, то удостоился, грешный, видеть, как на том месте, где будет соборный храм, спустилась икона Божией Матери «Утоли моя печали». Я успел только поклониться спустившейся иконе и встал, а икона уже исчезла. Я был тогда еще молод (26 лет было ему). Место это святое: его возлюбила Царица Небесная».

Прошло с тех пор много лет, и на месте поставленного креста была основана Неонилою Захаровою община. А в 1858 году, 2 октября был освящен и первый храм во имя Всех Святых. На этом торжестве присутствовал и престарелый 85-летний Дубов. Плача от умиления, он рассказал тогдашней начальнице Антонии Соколовой и всем присутствовавшим о подслушанной

им беседе и предсказании о. Серафима... Крест, вероятно, не сохранился от времени, а пень должен быть под храмом, по неложному слову батюшки. Сюда пришла и Марфа, окончив свои дни в глубокой старости в 1889 году.

Мы так подробно и долго задержались на посмертных вещах преподобного о. Серафима потому, что нам весьма дороги и мельчайшие памятки от него... А главное — они являются проводниками Божией благодати. И потому так хочется вспоминать о них именно после кончины его. И кто знает: может быть, милосердый Бог, по молитвам угодника, приведет и нас снова посетить эти места, и тогда данная книга может послужить вместо проводника к священным реликвиям святого старца как к живым свидетелям его жизни и подвигов, облагодатствованным от него. А по пророчествам о. Серафима еще не конец Православной Церкви в России, еще ожидает светлое будущее и Дивеево, и Саров... Еще будут петь летом Пасхальные песни... И к этому уже приближается время. Дай Боже, за молитвы Твоего Дивнаго Угодника!

Тропарь, глас 4:

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому единому работати пламенно возжелав, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божней Матери явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Кондак, глас 2:

Мира красоту и яже в нем тленная оставив, преподобне, в Саровскую обитель вселился еси, и тамо ангельски пожив, многим путь был еси ко спасению: сего ради и Христос тебе, отче Серафиме, прослави, и даром исцелений и чудес обогати. Темже вопием ти: радуйся, Серафиме, преподобне отче наш.

Молитва

О предивный угодниче Божий, пресветлая славо Православия, украшение Земли Русския, великий светильниче всего мира, Духоносче отче Серафиме! С теплою верою умильно прославляем

тя, яко паче меры облагодатствован еси Духом Святым. Чистоты бо ради твоя и премногих подвигов и непрестанных молитв твоих, дивными дарами обогати тя Бог: во еже болящия исцеляти, бесы изгоняти, немощныя утешати, зрети будущая, яко настоящая. Паче же и славных явлений Пречистыя многаши сподобился еси, Яже любимцем Своим нарече тя. Единоще же и Господа Спасителя лицезрети во храме удостоился еси. И сам благодарным несозданным светом Царствия Божия дивно осиян был и мир весь стяжанию благодати Духа Святаго словом и делом учил еси. Но и ныне, блаженнаго света Пресвятыя Троицы наслаждаяся, не забываяши посещати люди, во всем мире имя твое призывающия.

Темже и мы, аще и грешнии суще, в скорбях твоя милости просим: направи нас на путь покаяния, испроси благодать и нам, недостойным, обрадуй сердца наши благими надеждами на милость Божию: ты бо многожды печальным глагола еси: несть нам унывати; Христос бо воскрес, смерть умертви, диавола упраздни. Еще же и ко гробу твоему притекати заповедал. Да услышим и мы уветливый глас твой: не унывайте, радости мои! бодрствуйте, спасайтесь! венцы бо таковым готовятся в Царствии Небеснем. Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	
ПОД КРОВОМ МАТЕРИ	5
Глава II	
НА ПУТИ В САРОВ	16
Глава III	
ПОСЛУШНИК ПРОХОР	23
Глава IV	
В АНГЕЛЬСКОМ ЧИНЕ	38
Глава V	
ДАЛЬНЯЯ ПУСТЫНЬКА	60
Глава VI	
ЗАТВОР	81
Глава VII	
НА ВЫСОТЕ СОВЕРШЕНСТВА	102
Глава VIII	
ДИВНОЕ ОТКРОВЕНИЕ МИРУ	130
Глава IX	
ЕСТЬ ЛИ АДСКИЕ МУКИ? (рассказ Н. А. Мотовилова)	167

Глава X	
	БАТЮШКА-СТАРЕЦ.....173
Глава XI	
	МОНАШЕСТВО И МИР.....198
Глава XII	
	БЛАГОЧЕСТИЕ В МИРУ.....225
Глава XIII	
	РАДОСТНЫЙ НАСТАВНИК.....251
Глава XIV	
	ПРЕДИВНЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ.....278
Глава XV	
	ДИВНОЕ ДИВЕЕВО.....316
Глава XVI	
	КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА.....356
Глава XVII	
	ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯТОГО.....385
	<i>Тропарь, глас 4. Кондак, глас 2.....407</i>
	<i>Молитва.....407</i>

Митрополит Вениамин (Федченков)

ВСЕМИРНЫЙ СВЕТИЛЬНИК
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
(второе издание)

Оригинал-макет *Вероцкий В.Д.*
Художественное оформление *Хидоятов К.А.*

Издательство
Православного Свято-Тихоновского
Богословского института
113184, Москва, Новокузнецкая ул., 236
Лицензия ЛР 030880 от 10 марта 1999 г.

Подписано в печать 5.01.2003
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 70 × 100/32. Объем 13 печ. л.
Тираж 7 000 экз. Заказ 9222

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Книга «Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский», впервые увидевшая свет в 1933 году в Париже, снова выходит в России в год 100-летнего юбилея со дня прославления Преподобного. Труд по составлению одного из самых глубоких и оригинальных жизнеописаний Угодника Божия принадлежал приснопамятному митрополиту Вениамину (Федченкову), чье духовно-литературное наследие переживает ныне второе рождение.

В отличие от большинства известных житий преподобного Серафима книга митрополита Вениамина представляет собой опыт духовного истолкования пути Святого, ставшего в трагическом XX веке истинным властителем дум и сердец не только православных христиан в России, но и во всем мире.

Наряду с широко известными фактами из жития Саровского Угодника в книгу вошли непосредственные авторские наблюдения и свидетельства, почерпнутые из богатой яркими событиями жизни владыки Вениамина.